
САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АКАДЕМИЯ
ПРАВА

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

---

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

---

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

---

*Журнал включен ВАК Минобрнауки РФ
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней кандидата и доктора наук*

4 (37) • 2009

САРАТОВ • МОСКВА

Уважаемые коллеги!

Редакция приглашает к сотрудничеству и выражает заинтересованность в опубликовании на страницах журнала статей, обзоров, рецензий и других материалов.

Главный редактор,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор СФ ИГП РАН

А.В. Малько

Ответственный секретарь,
кандидат юридических наук,
ученый секретарь СФ ИГП РАН

К.Е. Игнатенкова

Заведующий редакцией, кандидат
юридических наук, доцент, заместитель
директора СФ ИГП РАН

А.Е. Михайлов

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ
ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ**

Текст печатается в текстовом редакторе MS Word шрифтом Times New Roman 14 кегля (размера) через 1,5 интервала (28–30 строк на странице). Все поля по 2 сантиметра. Сноски оформляются 12 шрифтом, нумерация сквозная. Объем статьи не должен превышать 8–10 страниц. Рукопись должна быть подписана автором (соавторами). Одновременно с рукописью в редакцию высылаются 2 копии электронной версии статьи на дискете.

К рукописи обязательно должны прилагаться:

- сведения об авторе (соавторах) с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, должности, домашнего и служебного адресов и телефонов, адреса электронной почты;
- выписка из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения), для аспирантов также и отзыв научного руководителя о рекомендации присланной статьи к опубликованию;
- аннотация статьи (материала) на английском и русском языках (2–3 предложения, не более 5–6 строк), транслитерация фамилий и инициалов авторов и перевод названия материала на английский язык;
- ключевые слова (выражения) (5–7) на русском и английском языках;
- приставный библиографический список с указанием издательства.

Не допускается направление идентичных материалов в другие издания без предварительного уведомления редакции.

Рукописи, оформленные без учета данных правил, редакцией не рассматриваются.

Рукописи и рецензии авторам не возвращаются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Направление материалов в журнал предполагает согласие автора на их опубликование в электронной версии.

**По поводу представления на страницах журнала «Правовая политика и правовая жизнь» юридических вузов, а также юбиляров образовательных и научных учреждений обращаться в редакцию журнала по телефонам:
(845–2) 29-92-18, 29-91-22; e-mail: igp@sgap.ru, roc@sgap.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

- Малько А.В., Вавилин Е.В. (г. Саратов)*
Гражданско-правовая политика
в сфере предпринимательства 10
- Комкова Г.Н.*
Реализация социальной функции Российского государства
в период кризиса 16
- Байниязова З.С.*
Принцип координации федеральной и региональной
правовой политики в области предпринимательства 20
- Афанасьев С.Ф.*
К проблеме компенсации нематериального ущерба
юридическим лицам: международный и национальный опыт . . 22
- Михайлов Н.И. (г. Москва)*
Влияние особенностей правовой природы производственно-
хозяйственных (финансовых) комплексов
на моделирование процессов их создания и функционирования
в условиях современной рыночной экономики 30
- Оленева А.Н. (г. Москва)*
Проблемы соотношения правового статуса
акционерного общества и его участников 35

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

- Савинов Л.В. (Новосибирск)*
Региональная этнополитическая безопасность:
пример Сибири 41
- Кружевникова А.А. (г. Санкт-Петербург)*
Теоретическое обоснование роли бюрократии
при изучении малого бизнеса как субъекта политики 48
- Жильцова О.Н. (г. Москва)*
Некоторые аспекты реформы исполнительной власти
в России, проводившейся в 2006–2008 годах. 54

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – ИНСТИТУТ ПРАВА САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

- Пилецкий А.Е.*
Институт права Самарского государственного
экономического университета 58
-

Курдюкова З.Н.	Теоретические проблемы политической формы современного государства	59
Коробова А.П.	К вопросу о соотношении понятия правовой политики со смежными юридическими категориями	62
Галузин А.Ф.	«Опасность» как научная и правовая категория	66
Павлушина А.А., Гавриленко И.В.	Информационные технологии в юрисдикционных процедурах	72
Захаров А.Л.	Правовые презумпции и аксиомы: некоторые теоретические проблемы	76
Болгова В.В.	Публичные субъекты: некоторые вопросы развития правовой теории	80
Веденеев В.В.	Об актуальных вопросах обеспечения безопасности дорожного движения	83
Пилецкий А.Е.	Правовое регулирование экономических отношений и мировой экономической кризис	86
Ревина С.Н.	К вопросу о риске в сфере правового регулирования рыночных отношений	91
Кузнецов С.А.	К вопросу о порядке установления требований кредиторов в делах о банкротстве	95
Данилочкина Ю.В.	Правовая дефиниция «рынок» и значение торгового кодекса в регламентации рыночных отношений	100
Дельцова Н.В.	Интеллектуальная собственность в гражданском праве и современном законодательстве Российской Федерации	106
Мурзин А.Е.	Перспективы развития системы исполнительных норм в отечественном праве	113
Милова И.Е.	Формирование концепции адвокатского расследования	115
Пономаренков В.А.	Понятие и источники международных стандартов уголовного судопроизводства	119
Третьякова Г.А.	Таможенная политика России в начале XIX века	122

**К ЮБИЛЕЮ ВУЗА –
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

- Шишко И.В.**
О Юридическом институте
Сибирского федерального университета 126
- Щербинина О.Е.**
Право на информацию в системе прав человека 129
- Каюв В.С.**
Концептуальные взгляды современной юридической науки
на институт муниципально-правовой ответственности 136
- Клык Н.Л.**
Практический аспект дискуссий о ценных бумагах в разрезе нужд
современного товарооборота 141
- Шишмарева Т.П.**
Правовой статус залогодержателей
в процедурах несостоятельности 147
- Петрова Е.И.**
Проблемы межотраслевого взаимодействия трудового права
и права социального обеспечения 154
- Тарбагаев А.Н.**
Некоторые проблемы квалификации совершения преступления
организованной группой 162
- Суслопаров А.В.**
Информация в характеристике объекта преступлений 166
- Барабаш А.С.**
Функции органов государства
в российском публичном уголовном процессе 172
- Спиглазова Т.Г.**
Эколого-правовая концепция
как способ формирования новой модели взаимодействия
общества и природы 179

**ШКОЛА МОЛОДОГО УЧЕНОГО
(В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ, АСПИРАНТАМ И СТУДЕНТАМ)**

- Матузов Н.И. (Саратов)**
Сочетание общенаучной и специальной подготовки студентов вузов
как элемент правовой политики в области высшего
профессионального образования 186
- Бичехвост А.Ф. (Саратов)**
Политическая мысль Древнего Востока 194
-

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Аникин С.Б.

- О некоторых направлениях
совершенствования института совместного ведения
Российской Федерации и ее субъектов
как основы единой системы исполнительной власти
в Российской Федерации 203

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Байниязова З.С. (г. Саратов)

- Обзор Международной научно-практической конференции
«Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса
в условиях кризиса» (г. Саратов, 2-3 июля 2009 г.) 213

Стойко Н.Г. (Красноярск)

- Рецензия: Челохсаев О.З. Современная уголовно-процессуальная
политика государства / науч. ред. В.С. Джатиев. Владикавказ,
2009. 240 с. 215

ПЕРСОНАЛИИ

- К юбилею А.Б. Лисюткина 219

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

CONTENTS

LEGAL POLICY IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURSHIP

Malko A.V., Vavilin E.V. (Saratov)

- Civil law politics in the sphere of entrepreneurship 10

Komkova G.N. (Saratov)

- Realization of the Russian state social function
in the period of crisis 16

Bainiyazova Z.S. (Saratov)

- Principle of coordination of federal and regional juridical policy
in entrepreneurship 20

Afanasyev C.F. (Saratov)

- To the problem of compensation of nonmaterial damage
to the bodies corporate: international
and national experience 22

Mikhailov N.I. (Moscow)

- Influence of features of the legal nature
of industrial-economic (financial) associations
on modelling of processes of their creation
and functioning in the conditions of modern market economy 30
-

Oleneva A.N. (Moscow)

Problems of a parity of a legal status of joint-stock company
and its participants

POLITICAL LIFE OF SOCIETY

Savinov L.V. (Novosibirsk)

Regional ethnopolitical safety on the example of Siberia 41

Kruzhevnikova A.A. (St. Petersburg)

Theoretical substantiation of a role of bureaucracy
at studying of mutual relations of the power

and a small-scale business 48

Zhiltsova O. N. (Moscow)

Some aspects of executive power reform

in Russia 2006–2008 54

**PRESENTATION OF LEGAL HIGHER EDUCATIONAL
ESTABLISHMENTS OF RUSSIAN FEDERATION — INSTITUTE OF
LAW OF SAMARIAN STATE ECONOMIC UNIVERSITY**

Piletsky A.E.

Institute of Law of Samarian State Economic University 58

Kurdyukova Z.N.

Theoretical problems of the political form of modern state 59

Korobova A.P.

To the question about correlation of concept of legal policy

with contiguous legal categories 62

Galuzin A.F.

«Danger» as scientific and legal categories 66

Pavlushina A.A., Gavrilenko I.V.

Informational technologies in jurisdictional procedure 72

Zakharov A.L.

Legal presumption and axioms:

some theoretical problems 76

Bolgova V.V.

Public subjects: some questions of development

of legal theory 80

Vedenev V.V.

About actual problems of guarantee

of road traffic security 83

Piletsky A.E.

Legal regulation of economic relations

and world economic crisis 86

<i>Revina S.N.</i>	To the question about risk in the sphere of law regulation of market relations	91
<i>Kuznecov S.A.</i>	To the question about the order of an establishment of requirements of creditors in affairs about bankruptcy	95
<i>Danilochkina Y.V.</i>	The legal definition of «market» and the role of Trade Code in market relations regulation	100
<i>Deltsova N.V.</i>	Intellectual property on civil law and contemporary legislation of the Russian Federation	106
<i>Mursin A.E.</i>	Outlooks of development of the executive norm's system in native law	113
<i>Milova I.E.</i>	Formation of the concept of lawyer's investigation	115
<i>Ponomarenkov V.A.</i>	Concept and sources of international standards of criminal proceeding	119
<i>Tretyakova G.A.</i>	Customs policy in Russia in the 19th century	122

**TO THE JUBILEE OF LAW INSTITUTE
OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY**

<i>Shishko I.V.</i>	About Law Institute of Siberian Federal University	126
<i>Shcherbinina O.E.</i>	Rights to information in the system of human rights	129
<i>Kasho V.S.</i>	Conceptual positions of modern jurisprudence upon the institute of municipal-legal responsibility	136
<i>Klyk N.L.</i>	A practical aspect of securities discussion from the modern turnover needs prospective	141
<i>Shishmareva T.P.</i>	The legal status of a creditor participating in insolvency (bankruptcy) proceedings	147
<i>Petrova E.I.</i>	The problems of coordination between the legal rules of labour law and social security law	154
<i>Tarbagayev A.N.</i>	Problems of criminal law determination of the crime commitment by organized group	162

Susloparov A.V.

Information as the characteristic of object of crime 166

Barabash A.S.

Functions of state bodies in Russian public criminal procedure 172

Spiglazova T.G.

Eco-legal conception as the method of forming of a new model
of cooperation between society and nature 179

SCHOOL OF A YOUNG SCIENTIST (HELPING TEACHERS, POST-GRADUATES AND STUDENTS)

Matuzov N.I. (Saratov)

To the question of the combination of general scientific
and special preparation of students of high school 186

Bichehvost A.F. (Saratov)

Political idea of Ancient East 194

LEGAL LIFE: APPLIED ASPECT

Anikin C.B. (Saratov)

About some ways of institute of joint competence
of Russian Federation and its regions
as the basis of united system of executive power
of Russian Federation 203

REVIEWS AND SURVEYS

Bainiyazova Z.S. (Saratov)

Survey of International scientific-practical conference
«Political-legal problems of cooperation of authority
and business in the conditions of crisis» (Saratov, 2-3 July 2009) 213

Stoyko N.G. (Krasnoyarsk)

Review: Chelohsaev O.Z. Modern criminal-procedural policy of the state
/ ed. by. V.S. Djatiev. Vladikavkaz, 2009. 240 p. 215

PERSONNELS

To the jubilee of A.B. Lisyutkin 219

CONTACTS, KEY WORDS

Contacts, key words 221

• ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА •

А.В. Малько,

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, директор
Саратовского филиала Института
государства и права РАН*

Е.В. Вавилин,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий сектором отраслевых проблем
правовой политики Саратовского филиала
Института государства и права РАН*

Гражданско-правовая политика в сфере предпринимательства*

Правовая политика выступает гарантирующей разновидностью политики, ибо направлена на упорядочение правовой сферы, несущей цивилизованность и порядок экономическим, социальным, национальным и иным отношениям. Поэтому непродуманная и слабая правовая политика, сопряженная с несовершенной и пробельной юридической базой, с противоречиями в правовых актах, с неконкретными приоритетами, ведет к неизменным сбоям в осуществлении политики экономической, значительно затрудняет гражданский оборот, препятствует развитию государства. Это актуализирует задачу осмысленного, планомерного формирования деятельности государственных и муниципальных органов по регулированию отношений в сфере предпринимательства.

Конституционная цель регулирования экономических отношений — формирование максимально благоприятных условий для функционирования экономической системы в целом, стимулирование свободной, основанной на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как основных субъектов рыночной экономики и принятие специальных мер, направленных на защиту их прав и законных интересов, а также оптимизация вмешательства государства в регулирование экономических отношений. Можно констатировать, что в последние годы наметилась определенная тенденция приближения к поставленной цели: отдельные нормативно-правовые акты направлены на усиление гарантий осуществления прав хозяйствующих субъектов, расширение их экономической свободы и ограничение вмешательства государства в сферу малого и среднего предпринимательства. Так, актуальной мерой по предотвращению препятствий в сфере малого и среднего предпринимательства стал Указ Президента РФ от 15 мая 2008 г. 797 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений

* *Статья написана при поддержке РГНФ (проект 09-03-00181а).*

при осуществлении предпринимательской деятельности»¹. Положениями Указа преимущество справедливо отдается уведомительному порядку начала предпринимательской деятельности, кроме того, предусмотрено сокращение количества разрешительных документов, необходимых для ее осуществления. Таким образом, сокращено количество формальных препонов на пути к осуществлению предпринимательской деятельности. Существенно снижает вероятность злоупотребления полномочиями органов государственного контроля подп. «а» п. 1 названного Указа, который предписывает сокращение плановых мероприятий по контролю в отношении одного юридического лица или индивидуального предпринимателя каждым органом государственного контроля (кроме налогового контроля) до одного раза в три года. Проведение внеплановых мероприятий по контролю в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства теперь разрешено только в целях выявления нарушений, представляющих непосредственную угрозу жизни или здоровью людей, и только по согласованию с прокурором субъекта РФ.

Непосредственной мерой, направленной на недопустимость превышения должностных полномочий, является исключение внепроцессуальных прав органов внутренних дел РФ (то есть исключение возможности совершения действий, прямо не предусмотренных процессуальным законодательством), касающихся проверок деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, возможности составления должностными лицами этих органов протоколов об административных правонарушениях в области предпринимательской деятельности (подп. «а» п. 1 Указа). Это положение предполагает, что все действия органов государственного контроля должны строго соответствовать предписаниям процессуального законодательства, в состав которого входят как систематизированные нормативные правовые акты, закрепляющие юрисдикционные производства, так и законы, содержащие отдельные процессуальные нормы. Все названные меры в Указе направлены на ограничение вмешательства и чрезмерного контроля государственных органов за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства.

Существенную роль в корректировке законодательных положений о предпринимательстве играют правоприменительные акты. В частности, Постановлением Конституционного Суда РФ от 18 июля 2008 г. 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова»² признаны не соответствующими статьям 19 (ч. 1), 34 (ч. 1), 35 (ч.ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции РФ положения абз. 14 ст. 3 и п. 3 ст. 10 Федерального закона от 8 августа 2001 г. 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» (с изм. от 18 июля 2008 г.) в части, устанавливающей возможность взыскания с индивидуальных предпринимателей по требованию органа

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. 20, ст. 2293.

² См.: Там же. 31, ст. 3763.

государственного контроля (надзора) расходов, понесенных этим органом при проведении исследований (испытаний) и экспертиз, в результате которых были выявлены нарушения обязательных требований¹. Были выявлены изъяны указанного нормативного правового акта, приводящие к противоречивости правоприменительной практики. В частности, была отмечена недостаточная дифференциация отношений по осуществлению государственной контрольной деятельности в экономической сфере относительно того, следовало ли взыскивать расходы органов государственного контроля (надзора) при проведении всех видов государственного контроля или взыскания должны производиться при проведении отдельных видов мероприятий. Кроме того, законодатель не определил конкретные сроки, в течение которых было возможно возбуждение органом государственного контроля (надзора) процедуры изъятия денежных средств. Таким образом, органы государственного контроля (надзора) наделялись неограниченной свободой усмотрения в отношении принудительного изъятия денежных средств периода его возможного осуществления, критериев определения размеров взыскания. Указанное Постановление направлено на справедливое ограничение прав органов государственного контроля (надзора), поскольку установление четких пределов осуществления тех или иных прав, как правило, значительно сокращает возможности для злоупотреблений.

Вместе с тем практика показала недостаточность совершенствования отдельных нормативных правовых актов. Эта деятельность в свою очередь порождает многочисленные поправки и изменения к принятым законам. Наиболее значимым условием реализации прав и исполнения обязанностей является не реформирование отдельных элементов правовой системы, а создание благоприятной правовой среды.

Это комплексное правовое явление, включающее в себя формальную (идейную) основу: совершенные принципы осуществления прав и исполнения обязанностей, отдельные правовые институты — весь заложенный в праве механизм реализации прав и исполнения обязанностей, в том числе порядок и способы защиты прав, а также организационный уровень: законную деятельность субъектов права, эффективную работу судов, органов правопорядка. Причем первостепенную важность имеет согласованность этих средств. Таким образом, благоприятная правовая среда — это оптимальное состояние системных правовых связей (совокупности условий и правовых средств), наиболее позитивно воздействующих на осуществление субъективных прав и исполнение обязанностей и стимулирующих гражданский оборот².

Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»³ заложил основу комплекс-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. 33, ч. 1, ст. 3436.

² См. подробнее: *Вавилин Е. В.* Благоприятная правовая среда как условие беспрепятственного осуществления прав и исполнения обязанностей // Российский юридический журнал. 2009. 3. С. 33–40.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. 29, ч. 1, ст. 3482.

ного развития правовой политики в сфере предпринимательства. Идеи оптимизации экономических отношений в пределах Российской Федерации, развития международных экономических и гуманитарных связей формируют в Указе круг задач, способствующих решению поставленной цели: развитие основных принципов гражданского права, отвечающих современному этапу развития рыночных отношений; отражение в Гражданском кодексе РФ опыта его применения и толкования судом; сближение положений ГК РФ с соответствующими правилами регулирования в Европейском праве; использование новейшего положительного опыта совершенствования гражданских кодексов ряда европейских стран; унификация регулирования гражданско-правовых отношений в государствах — участниках СНГ; обеспечение стабильности гражданского законодательства Российской Федерации (п. 1 Указа).

В соответствии с этим Совет при Президенте Российской Федерации разработал ряд документов по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства: «Концепцию совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации», «Концепцию совершенствования Общих положений обязательственного права России», «Концепцию развития законодательства о вещном праве», «Концепцию развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе», «Концепцию развития законодательства о юридических лицах», «Концепцию совершенствования Раздела VII Гражданского кодекса Российской Федерации “Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации”», «Концепцию совершенствования Раздела VI Гражданского кодекса Российской Федерации “Международное частное право”», «Концепцию развития законодательства о ценных бумагах и финансовых сделках»¹.

В «Концепции совершенствования Общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации» отражены универсальные проблемы регулирования гражданских отношений и определены пути их преодоления. Центральной задачей в Концепции выступает необходимость текстуального закрепления принципа добросовестности. Эта мысль давно назрела в научном сообществе² и, наконец, обрела свое место в процессе совершенствования правового регулирования.

Категория добросовестности является значимой характеристикой юридического факта (как недобросовестные, так и неразумные действия ведут к отказу в защите прав), тем не менее судебная практика показала недостаточность ссылок на добросовестность как объективное основание регулирования предпринимательской деятельности и субъективную оценку деятельности участников хозяйственного оборота. Предписанные законом свобода договора и автономия воли должны, безусловно, уравниваться требованием добросовестного поведения всех субъектов рынка.

¹ См.: URL: http://www.privlaw.ru/vs_info.html. Все проекты рекомендованы Президиумом Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства к опубликованию в целях обсуждения.

² См., например: Брагинский М.И., Ярошенко К.Б. Гражданский кодекс РФ с учетом изменений и новых законодательных актов. Глава 2. Возникновение гражданских прав и обязанностей, осуществление и защита гражданских прав (ст. 8–16) // *Хозяйство и право*. 1998. 2. С. 6; Вавилин Е.В. Основные принципы гражданского права // *Вестник СГАП*. 2003. 1. С. 69–72.

С этой позиции целесообразны предложения включить упоминание о добросовестности в ст. 10, 309, 431 ГК РФ (п. 2.1 Концепции), подвергнуть ревизии раздел ГК РФ «Сделки» с целью исключения возможности извлечь выгоду недобросовестным участником сделки в случае признания ее недействительной, исключить возможность ограничения действия принципа добросовестности частным соглашением (п. 2.3 Концепции).

Оценивая состояние правового регулирования в сфере предпринимательства, необходимо специально отметить «Концепцию развития законодательства о юридических лицах». Она затрагивает наиболее острые вопросы правового регулирования статуса, деятельности юридических лиц: множественность действующих законодательных актов, часто не во всем согласующихся между собой и с ГК РФ. Например, некоторым общим нормам ГК РФ противоречат отдельные положения Федерального закона от 26 декабря 1995 г. 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с изм. от 30 декабря 2008 г.)¹ и Федерального закона от 14 ноября 2002 г. 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (с изм. от 1 декабря 2007 г.)². Отмечено также отсутствие четкой системы нормативных правовых актов в данной сфере, что приводит к дублированию положений многих законов, наличие при этом определенных пробелов (неполнотой и невысокой практической значимостью характеризуется, например, регулирование деятельности государственных корпораций).

Поэтому преобразовывать законодательство о юридических лицах рекомендовано в Концепции по двум направлениям. Во-первых, унифицировать правовое регулирование сходных по своей юридической природе публично-правовых образований, сократить общее количество действующих в этой сфере законов и упростить саму регламентацию при увеличении норм ГК РФ, посвященных статусу юридических лиц (п. 3.7 Концепции). С этим связаны предложения объединить некоторые федеральные законы, отличающиеся принципиальной предметной близостью (п. 3.5 Концепции). Во-вторых, очевидным образом прослеживается необходимость унификации отечественного правопорядка в указанной области с иными развитыми европейскими правовыми системами (Германии, Франции и т.д.).

Предложено сохранять и поддерживать первостепенную роль норм Гражданского Кодекса РФ о статусе юридических лиц по сравнению с отдельными публично-правовыми и гражданско-правовыми законами. С этим связано предложение расширить регламентацию рассматриваемых отношений в гл. 4 ГК РФ: в ней должны содержаться общие нормы для всех юридических лиц, включая общие правила о реорганизации юридических лиц, об имущественной ответственности органов юридических лиц; общие положения обо всех видах юридических лиц. Предписано также закрепить в ГК РФ исчерпывающий перечень коммерческих и некоммерческих организаций.

Обращает на себя внимание ряд вопросов в Концепции, связанных с возможными злоупотреблениями и недобросовестной деятельностью в сфере предпринимательства. Так, поднимается проблема злоупотреблений с

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 1, ст. 1.

² См.: Там же. 2002. 48, ст. 4746.

использованием оффшорных компаний (искусственно созданный мнимый добросовестный приобретатель, сокрытие незаконных манипуляций с долями и акциями и т.д.) (п. 2.3 Концепции). В связи с этим вынесено предложение о законодательном закреплении дополнительного требования регистрации оффшорных компаний в едином государственном реестре юридических лиц с обязательным раскрытием информации об учредителях (участниках) и выгодоприобретателях.

В числе мер по эффективному пресечению злоупотреблений можно отметить усиление имущественной ответственности органа (руководителя) юридического лица с помощью устранения оговорки из п. 3 ст. 53 ГК РФ о возможности сократить эту ответственность условиями договора между руководителем (или иным лицом, представляющим юридическое лицо) и юридическим лицом (пп. 2.6, 2.7 Концепции).

Кроме того, обосновывается необходимость запрета на использование в наименованиях юридических лиц, деятельность которых связана лишь с удовлетворением частных потребностей отдельных субъектов, наименований любых публично-правовых образований (п. 2.17 Концепции).

Как показывает практика, более тщательного регулирования требует регистрация юридических лиц. Ни ст. 51 ГК РФ, ни Федеральный закон от 13 июля 2001 г. 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹ не устанавливают принцип достоверности государственного реестра юридических лиц. Следовательно, неконтролируемой остается законность корпоративных решений и сделок с долями и акциями, что приводит к частым злоупотреблениям, недобросовестным действиям предпринимателей: созданию фирм-однодневок, участию в цепочках по незаконному отчуждению имущества, уклонению от уплаты налогов и т.д. Указанную тенденцию призвано преодолеть установление принципа достоверности государственного реестра юридических лиц (п. 2.1 Концепции), разработка правил соответствующей проверки и установление санкций за непредставление, несвоевременное представление или представление недостоверных сведений в государственный реестр юридических лиц (п. 2.5 Концепции).

В сфере ограничения злоупотреблений также находятся предложения по совершенствованию законодательства о реорганизации юридических лиц (борьба с незаконной реорганизацией, защита прав и интересов кредиторов реорганизуемого юридического лица), ликвидации юридического лица (основания и процедуры судебной ликвидации юридического лица).

Совершенствование законодательства об отдельных видах юридических лиц предполагается вести по двум направлениям: во-первых, сократить множество законов, устанавливающих особенности гражданско-правового статуса отдельных разновидностей хозяйственных обществ, а впоследствии включить эти нормы в ГК РФ, во-вторых, максимально детализировать эти нормы, что отражает принципы регулирования соответствующих отношений правопорядками Франции, Швейцарии, Нидерландов.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. 33, ч. 1, ст. 3431.

На данном этапе рекомендовано создать единый кодифицированный акт о хозяйственных обществах. Отмечена необходимость упорядочить внутрикорпоративные отношения: закрепить в Гражданском кодексе РФ более четкую структуру органов акционерного общества, разделить функции органов на управление и контроль, в том числе запретить совмещение должностей в наблюдательном совете и правлении акционерного общества (п. 3.10 Концепции).

Предлагается унифицировать нормы о статусе кооперативов, содержащиеся в многочисленных специальных законах, в двух основных федеральных законах: о производственных кооперативах и о потребительских кооперативах.

Наиболее кардинальные предложения связаны с унитарными предприятиями. Их рекомендуется постепенно заменить иными организационно-правовыми формами, в частности, хозяйственными обществами со 100%-ным или иным решающим участием публично-правовых образований в их имуществе (п. 2.1 Концепции). Обосновывается необходимость ввести законодательный запрет на создание новых унитарных предприятий как не отвечающих современному этапу развития экономики.

Подводя некоторые итоги можно отметить, что правовая политика в сфере предпринимательства в настоящее время представляет собой законодательно установленную, основанную на Конституции РФ и национальной юридической доктрине системную, последовательную и стабильную деятельность государственных и муниципальных органов по формированию эффективных механизмов осуществления и защиты прав субъектов рыночной экономики, формированию благоприятной правовой среды. Она характеризуется комплексным подходом по оптимизации правовой базы, сближением отечественного правопорядка с правилами регулирования соответствующих отношений в развитых европейских странах, имплементацией положительного зарубежного опыта трансформации гражданского законодательства в российскую правовую доктрину.

Г.Н. Комкова,

*доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой, декан юридического
факультета Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского*

Реализация социальной функции Российского государства в период кризиса *

Разразившийся во всем мире финансово-экономический кризис активизировал дискуссию о пределах реализации социальной функции государства в период критических для страны обстоятельств. Как верно отмечал П.К. Гончаров, «мировой экономический кризис уничтожил иллюзию гармонии между экономическим ростом и все расширяющейся практикой центра-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Правовая политика в сфере предпринимательства в изменяющейся России», проект 09-03-00181а.

лизованного распределения социально-экономических благ, показал наличие серьезных монетарных проблем и невозможность бесконечной эксплуатации дешевого импортного сырья»¹.

Как следствие, складывается двойственная ситуация: с одной стороны, государство вынуждено урезать расходы на самые насущные нужды — оборону, безопасность, поддержание общественного порядка, а с другой стороны, оно обязано материально помочь тем слоям населения, которые особенно пострадали в период кризиса и без государственной поддержки обречены на маргинализацию. Кроме того, оставление без помощи безработных, многодетных родителей, инвалидов, пенсионеров также может усугубить и без того непростую ситуацию в стране, спровоцировать социальный взрыв.

Прогнозируя данную ситуацию, Правительство Российской Федерации в своей Программе антикризисных мер на 2009 г. закрепило важное положение — социальные обязательства государства перед населением, принятые до начала кризиса, будут выполнены в полном объеме². По мнению ученых, одной из важнейших составляющих социальной сферы должна стать эффективная и гибкая система социального обеспечения граждан. Она должна включать в себя, во-первых, социальное страхование и обеспечение граждан и их семей в случаях классических рисков и вынужденных состояний (болезнь, возраст, безработица, несчастный случай и т.п.); во-вторых, оказание помощи малоимущим, многодетным и неполным семьям, жертвам стихийных бедствий и т.д.; в-третьих, поощрительную и вспомогательную подсистему, занимающуюся кредитованием лиц, стремящихся самостоятельно решать свои социальные проблемы в области строительства или приобретения жилья, получения дополнительного образования, отдыха и т.д.³

Каким образом данная система социального обеспечения проявила себя в период кризиса? Одним из серьезных рисков в период кризиса является риск потери работы. По данным Минэкономразвития РФ, в 2009 г. в нашей стране зарегистрировано 2,2 млн безработных, столько же ожидается и в 2010 г. Таким людям государство готово предложить пособие по безработице, минимальный размер которого был увеличен в 1,5 раза, а также программы, предусматривающие опережающее профессиональное обучение работников в случае угрозы массового увольнения, создание временных рабочих мест, организацию переезда увольняемых на работу в другую местность. Из федерального бюджета на эти цели выделено дополнительно 43,7 млрд руб. Субъекты Федерации также приняли свои антикризисные программы, стоимость которых составляет 25 млрд руб., 90 % из них составляют субсидии из федерального бюджета. В данном случае видна положительная роль централизации Российского федеративного государства, когда федеральный центр готов взять на себя большую часть в минимизации негативных социальных последствий финансово-экономического кризиса.

В период кризиса негативные последствия особенно сказываются на малоимущих, многодетных и неполных семьях, пенсионерах. В связи с этим федеральные

---

¹ Гончаров П.К. Социальное государство: сущность и принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000. 2. С. 51.

² См.: Российская газета. 2009. 20 марта.

³ См.: Гончаров П.К. Указ. соч. С. 57.

органы власти пошли на беспрецедентный шаг — вместо замораживания пенсий и пособий семьям с детьми их увеличили. С 1 января 2010 г. пенсионное обеспечение российских граждан должно быть не ниже прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ, в противном случае пенсионер должен получать социальные доплаты из федерального или регионального бюджета. В целом по стране в следующем году этот минимум будет определен в размере 4780 руб. Сейчас в стране 1,5 млн пенсионеров, чьи пенсии — ниже прожиточного минимума. Кроме того, все социальные выплаты будут проиндексированы с учетом инфляции, которая в 2009 г. составляет 11–12 %, а в 2010 г. по прогнозам будет составлять 9–10 %. Для выполнения всех обязательств по совершенствованию пенсионного обеспечения в будущем году бюджет Пенсионного фонда будет увеличен на 1,4 трлн руб., а все его расходы составят 4,4 трлн руб.¹ Однако по мнению вице-премьера Правительства, министра финансов А.Л. Кудрина, за то, чтобы пенсия стала «цивилизованной», придется заплатить: увеличением налогов, направлением средств Пенсионного фонда на выплаты нынешним пенсионерам, снижением расходов на строительство дорог и другие программы².

Именно поэтому субъекты Федерации не должны остаться в стороне от защиты прав малоимущих, поскольку это входит в предметы совместного ведения России и ее субъектов. Так, в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1996 г. «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»³ установлены как жилищные, так и имущественные гарантии прав этой категории граждан. В Саратовской области в 2009 г. в целях реализации данного Закона было выделено 107 квартир по договорам социального найма детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Однако через некоторое время выяснилось, что фактически была заселена всего лишь шестая часть этих квартир. Причина состояла в том, что у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не было средств на необходимые расходы, связанные с новосельем. Большинство потенциальных жильцов — выпускники профессиональных училищ с неясными, особенно в условиях кризиса, перспективами трудоустройства и без всякого опыта самостоятельной жизни. Тем более что дополнительных выплат на обустройство жилья сиротам по федеральному закону не предусмотрено. В Саратовской области решили восполнить данный пробел и 20 мая 2009 г. внесли изменения в Закон Саратовской области «Об утверждении порядка и размера ежемесячных денежных выплат опекуну (попечителю) на содержание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, переданных под опеку (попечительство), в Саратовской области», установив дополнительную меру социальной поддержки этим категориям граждан в форме социальной выплаты на обустройство предоставленного жилого помещения в размере 20 тыс. руб., что потребует ежегодного выделения 3,2 млн руб. из областного бюджета.

Однако в социальную функцию государства входит еще и создание социальной системы, поощряющей самостоятельность и предприимчивость своих

¹ См.: Российская газета. 2009. 8 окт. С. 12.

² См.: Аргументы и факты. 2009. 14 окт. С. 6–7.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 52, ст. 5880; 1998. 7, ст. 788; 2000. 33, ст. 3348; 2002. 15, ст. 1375; 2003. 2, ст. 160; 2004. 35, ст. 3607.

граждан. Так, в п. 3 ст. 13 Европейской социальной хартии закреплено, что «договаривающиеся стороны обязуются обеспечить, чтобы каждый человек мог получить от соответствующей государственной или частной службы такие консультации или такую индивидуальную помощь, которые могут потребоваться для предотвращения, преодоления или облегчения ситуации личной или семейной нужды»¹. В период кризиса данное направление должно иметь если не преобладающее, то приоритетное значение. Однако реализовать его, как это ни странно, сложнее всего. В статье Президента России Д.А. Медведева «Россия, вперед!», размещенной на его официальном сайте, отмечается, что широко распространенные в обществе патерналистские настроения — один из запущенных социальных недугов. Они появились еще в советский период. Патерналистская концепция взаимоотношений государства и личности в качестве важнейшей цели социалистического государства рассматривала обеспечение населения бесплатным жильем, образованием, отдыхом. Благодаря социальному обслуживанию, которое монополично предоставляло социалистическое государство, развивалась зависимость граждан от государства. Недовольных или нелояльных, когда они были лишены возможности самостоятельно себя обеспечивать, при такой системе зависимости можно было «убедить». Кроме того, модель патерналистского государства достаточно привлекательна для населения. Именно поэтому у нас, как отмечает Президент, «дефицит новых идей, нерешенные вопросы, низкое качество общественной дискуссии, в том числе и критических выступлений».

Для преодоления патерналистских настроений государство берет на себя труд стимулирования специальных мероприятий по развитию малого предпринимательства и самозанятости: в 2009 г. из средств федерального бюджета на поддержку предпринимательской инициативы будет выделено 10,5 млрд руб. для оказания материальной поддержки 55,8 тыс. человек, то есть в дополнение к ранее запланированным средствам будет выделено 6,2 млрд руб. Не осталось в стороне и Федеральное Собрание РФ, которое внесло изменения в Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»², в соответствии с которым образовательным и научным организациям разрешается создавать малые предприятия, что будет способствовать не только трудоустройству выпускников учреждений высшего профессионального образования, но и распространению практики целевой контрактной подготовки студентов старших курсов на основе договоров с предприятиями.

Гражданин, живущий в социальном правовом государстве, вправе рассчитывать на сотрудничество с органами власти в деле действительного обеспечения прав и свобод, социальных благ, гарантированных государством. Однако в данном случае готовности государства и его органов оказывать такую поддержку недостаточно, важно, чтобы сам гражданин стремился своими усилиями способствовать преодолению кризиса, рассматривал его как еще одно испытание, позволяющее проверить свои силы, выйти из него обновленным и уверенным.

¹ Цит. по: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 520.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. 7, ст. 786, 787.

З.С. Байниязова,
кандидат юридических наук, доцент
юридического факультета Саратовского
государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского

Принцип координации федеральной и региональной правовой политики в области предпринимательства *

Одним из важнейших принципов осуществления правовой политики в области предпринимательства является координация. С учетом федеративного устройства Российского государства федеральным и региональным органам государственной власти следует активнее проводить правовую политику, направленную на осуществление координационных связей в области правового регулирования предпринимательских отношений. Важно обеспечить единый, согласованный механизм их функционирования в этой сфере. Прежде всего это выражается в необходимости разработки системы взаимодействия федеральных и региональных органов в области предпринимательства, которая должна формироваться на следующих уровнях:

- 1) концептуальном;
- 2) нормативном;
- 3) правоприменительном;
- 4) уровне выработки единых механизмов осуществления правовой политики в сфере предпринимательства.

Концептуальный уровень предполагает определение единых подходов к выработке правовой политики в области предпринимательства, что позволит создать адекватные условия ее проведения, повысить эффективность. Проблема разработки таких концептуальных подходов заключается в формировании системы идей, взглядов на понятие, сущность, принципы, цели, приоритеты, ориентиры правовой политики в области предпринимательства, что станет важнейшей предпосылкой для нормативно-правового регулирования указанной сферы общественных отношений.

На нормативном уровне взаимодействие федеральной и региональной правовой политики означает формирование системной нормативно-правовой основы, регулирующей механизмы предпринимательской деятельности в Российской Федерации. На современном этапе развития Российского государства возникает необходимость достижения системного целостного нормотворчества в области регулирования предпринимательских отношений.

Как нам представляется, без четкой разработанности нормативно-правовой основы, без приведения ее в единую стройную логическую систему невозможно говорить об эффективном правоприменении. В достижении такой задачи особую роль должно играть гармоничное взаимодействие право-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Правовая политика в сфере предпринимательства в изменяющейся России», проект 09-03-00181а.

вой политики федерального и регионального уровней. Правовая политика Российского государства должна быть направлена на то, чтобы действие принимаемых нормативных правовых актов было согласованным¹.

Что касается четвертого уровня формирования системы взаимодействия федеральных и региональных органов, то здесь речь идет о необходимости обеспечения ими юридической скоординированности в области осуществления экономической политики. Об этом говорится в распоряжении Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2012 года и перечня проектов по их реализации»². Кроме того, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г., отмечается, что государственная политика регионального развития в долгосрочной перспективе будет формироваться исходя из требования «скоординированности принятия на федеральном, региональном и местном уровнях мер по созданию условий для развития отраслей экономики и социальной сферы и формированию центров опережающего экономического роста с учетом конкурентных преимуществ каждого региона»³. В целом в данной концепции закрепляется, что политика государства будет ориентирована на расширение свободы предпринимательства.

Федеральная и региональная правовая политика в своем единстве должны определять нормативные контуры осуществления предпринимательской деятельности. Безусловно, «правовая политика регионов во многом должна определяться общефедеральными целями и задачами»⁴, тем не менее необходимо обеспечить оптимальное соотношение федеральной и региональной правовой политики в целях эффективного развития предпринимательских отношений. Не должно быть перевеса федеральных начал. Определяющим принципом успешного развития института предпринимательства является координация федеральных и региональных начал правовой политики.

Федеральный закон от 24 июля 2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» содержит важнейшие положения принципиального характера, направленные на осуществление координации правовой политики в сфере предпринимательства. В частности, в ст. 2 Закона говорится о том, что «нормативное правовое регулирование развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации и осуществляется настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления»⁵. Далее Закон в ст. 9 определяет полномочия

---

¹ См.: Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб., 2004. С. 152.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. 48, ст. 5639.

³ См.: Там же. 47, ст. 5489.

⁴ Малько А.В. О необходимости формирования правовой политики в регионах // Правовая политика в Российской Федерации: региональный уровень / под ред. А.В. Малько. Тамбов, 2008. С. 11.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. 31, ст. 4006.

органов государственной власти Российской Федерации по вопросам развития субъектов малого и среднего предпринимательства, к которым, в частности, относится поддержка региональных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства.

Особо следует выделить ст. 12 Закона, в которой речь идет о взаимодействии органов государственной власти в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: «Правительство Российской Федерации в пределах своих полномочий и в целях обеспечения сочетания интересов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области развития малого и среднего предпринимательства *координирует деятельность* (выделено нами — *З.Б.*) органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации ими мероприятий федеральных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства».

От обеспечения эффективного взаимодействия федеральной и региональной правовой политики зависит оптимальное функционирование института предпринимательства, в целом экономическое развитие государства. Оно способствует формированию единого экономического пространства, о котором говорится в Конституции РФ, в Указе Президента РФ от 3 июня 1996 г. «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации»¹. В частности, в этом Указе закрепляется положение о том, что одним из главных условий реализации задач региональной экономической политики является обеспечение единства экономического пространства страны.

Таким образом, в регулировании отношений предпринимательства огромную роль играют как федеральные, так и региональные начала и, соответственно, принцип координации федеральной и региональной правовой политики.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 23, ст. 2756.

С.Ф. Афанасьев,
кандидат юридических наук, доцент
Саратовской государственной академии права,
старший научный сотрудник Саратовского
филиала Института государства и права РАН

К проблеме компенсации нематериального ущерба юридическим лицам: международный и национальный опыт *

Известно, что по мнению Европейского Суда по правам человека (далее — Европейский Суд, Суд), нематериальный ущерб, нанесенный юридическим лицам, подлежит возмещению, так как соприкасается с множеством объективных и субъективных моментов, описать которые в полной мере в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Правовая политика в сфере предпринимательства в изменяющейся России», проект 09-03-00181а.

рамках данной статьи не представляется возможным. Причем в первую очередь ущерб выражается в негативном воздействии на репутацию компании-заявителя, а также неясности в планировании решений, беспокойстве и неудобстве, причиненных работникам. Так, согласно постановлению Суда от 6 апреля 2000 г. по делу открытого акционерного общества «Комингерсоль С.А. против Португалии» (*Commingersoll S.A. v. Portugal*), нанесение морального вреда состояло в том, что его директор и акционеры длительным судебным разбирательством в национальных судах были поставлены в положение неопределенности, а следовательно, как заметил Суд, имело место нарушение ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, что влечет необходимость возмещения ущерба.

Обратим внимание на то, что Европейский Суд, обосновывая свою позицию, имеющую прецедентное значение, о допустимости возмещения нематериального ущерба юридическим лицам, делает упор на человеческую составляющую компании, то есть на физические и нравственные страдания, а также психологический стресс конкретных лиц. Вместе с тем страсбургские судьи Розакис, Братза, Кафлиш и Вайджик, в целом соглашаясь с указанным постановлением, изложили более радикальное мнение, заключающееся в том, что компания может понести нематериальные убытки не только из-за беспокойства и неопределенности, испытываемых людьми, но и потому, что юридическое лицо обладает некими атрибутами, к примеру, собственной репутацией, которая может быть нарушена действиями или бездействием государства¹. Это утверждение весьма схоже с точкой зрения некоторых российских ученых-правоведов о целесообразности закрепления на уровне национального законодательства такого понятия, как «репутационный вред юридического лица»².

Общие тенденции формирования европейской прецедентной практики в области компенсации нематериального вреда организациям были известны российскому правоприменителю, что подтверждает достаточно регулярное опубликование в Вестнике Высшего Арбитражного Суда РФ и Бюллетене Европейского Суда соответствующих постановлений. Однако к подобным актам долгое время прослеживалось индифферентное отношение, а общая проводимая высшими судебными учреждениями страны двойственная политика оставалась неизменной, несмотря на всю сложность правоотношений, возникающих в сфере нематериальных благ. Поэтому неудивительно, что исследуемая проблематика стала предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ в связи с жалобой гр. В.А. Шлафмана. Напомним, что данный гражданин оспаривал конституционность п. 7 ст. 152 ГК РФ, согласно которому правила статьи о защите деловой репутации гражданина применяются

¹ Это радикальное представление нашло свое окончательное закрепление уже как «официальное мнение Европейского Суда» в его постановлении (справедливая компенсация) 2 октября 2003 г. по делу «Совтрансавто Холдинг против Украины» (*Sovtransavto Holding v. Ukraine*), посредством которого в пользу компании-заявителя было взыскано 75 тыс. евро в счет компенсации морального вреда, возникшего вследствие причинения ущерба репутации юридического лица и создания длительного чувства неуверенности у сотрудников.

² Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург, 1994. С. 53–76.

к юридическому лицу в значении, придаваемом ему официальным толкованием, содержащимся в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда».

Орган конституционного контроля в определении от 4 декабря 2003 г. 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.А. Шлафмана на нарушение его конституционных прав п. 7 ст. 152 ГК РФ», ссылаясь на постановление страсбургского Суда по делу «Комингерсоль С.А. против Португалии», отметил, что отсутствие непосредственного указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения.

Анализ конституционного определения показывает, что хотя гражданину и было отказано в принятии к рассмотрению жалобы, все же оно не относится к тому виду решений, посредством которых регулируется сугубо процессуальный вопрос. В данном акте явно обозначена правовая позиция, которую нередко можно встретить в отдельных определениях Конституционного Суда РФ. В связи с этим В.А. Витушкин справедливо отмечает: «Наличие правовых позиций Конституционного Суда характерно не для всех решений. Они всегда содержатся в итоговых решениях. Что касается определений, то правовые позиции нередко содержатся только в некоторых из них — в определениях об отказе в принятии обращения к рассмотрению, о прекращении производства по делу и о разъяснении ранее вынесенного решения»¹.

Смысл этой юридической оценки состоит в том, что при умалении деловой репутации юридического лица оно может просить суд компенсировать нематериальный ущерб, размер которого в законе прямо не установлен. При этом сам ущерб нетождествен моральному вреду, причиняемому физическим лицам. И поскольку подобные суждения имеют веское практическое значение и внимательно изучаются правоприменителем, нельзя было не ожидать ответной общественной и сугубо специальной правовой рефлексии на определение Конституционного Суда РФ.

В первую очередь последовала реакция средств массовой информации, которые высказали вполне оправданные опасения, связанные с тем, что различного рода организации смогут заявлять к ним иски о возмещении относительно взыскания нематериального вреда, спровоцированного информацией, изложенной на страницах газет, журналов и т.д.² Тем более что с утилитарной точки зрения весьма трудно соблюсти должное равновесие

---

¹ Витушкин В.А. Определения Конституционного Суда РФ: особенности юридической природы. М., 2005. С. 21.

² См.: Белов В.А. Занимательная цивилистика // Законодательство. 2003. 6. С. 6–14.

между правом на защиту чести, достоинства, деловой репутации и правом на свободу мысли и слова, получившим закрепление в ст. 29 Конституции РФ¹, принимая во внимание ст. 57 Федерального закона «О средствах массовой информации», содержащую исчерпывающий перечень случаев освобождения от ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности.

А.М. Эрделевский назвал определение Конституционного Суда РФ решением сомнительного качества. Дело в том, что в ГК РФ законодатель описывает множество способов защиты гражданских прав, и не только в ст. 12 Кодекса. Именно их суд обязан использовать при разрешении споров. Орган конституционного контроля предлагает применять способ, не предусмотренный нормами права. В частности, «компенсировать нематериальный вред», что ведет к нарушению ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которой осуществление права на свободу распространения информации может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями либо санкциями, но исключительно с теми из них, которые указаны в нормативном правовом акте. Возмещение прямых убытков и компенсация морального вреда есть разновидности общего способа защиты гражданских прав — восстановления положения, существовавшего до нарушения. Покрытие нематериального вреда не преследует эту восстановительную функцию, а сама компенсация неизбежно охватывается возмещением имущественных убытков либо морального вреда. В связи с чем, как полагает А.М. Эрделевский, Конституционному Суду РФ следовало пояснить, что он имел в виду под «нематериальным вредом», поскольку его можно расценивать как некий новый вид компенсации, неизвестный ответственному законодательству, который возникает при умалении деловой репутации. Более целесообразно было бы воспользоваться правом законодательной инициативы, посредством чего внести определенность в исследуемый вопрос².

С последним рациональным предложением вполне можно согласиться, причем российский законодатель вправе был бы воспринять не только отечественный опыт в этой сфере, но и теоретико-практические разработки, имеющиеся в странах бывшего СССР. Так, В.П. Палиук в связи с возможностью взыскания нематериальных убытков в пользу юридических лиц, действующих на территории Украины, определяет таковые как нарушение личных неимущественных прав, которое выражается в причинении вреда чести, достоинству или деловой репутации, а равно состоит в посягательстве на фирменное наименование, товарный знак, производственную марку, в распространении заведомо ложных сведений (дискредитация имени), в

---

¹ На это неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ, в частности в определении от 27 сентября 1995 г. 60-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. А.В. Козырева», а также в определении от 8 апреля 2003 г. 157-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. С.А. Серовцева на нарушение его конституционных прав ст. 152 ГК РФ, ст. 226 и ч. 2 ст. 333 ГПК РСФСР, п. 15, 16 и 26 Положения о квалификационных коллегиях судей».

² См.: Эрделевский А. О подходе Конституционного Суда РФ к защите деловой репутации и иных благ юридических лиц // СПС «КонсультантПлюс».

разглашении коммерческой тайны, если это нарушение привело или могло привести к убыткам, имеющим материальное выражение¹.

Между тем никакой законодательной инициативы, впрочем как и изменений ст. 152 ГК РФ, не последовало. Единственным позитивным моментом стало устранение «двойной» подведомственности дел о защите деловой репутации юридических лиц при принятии нового АПК РФ. В частности, соответствующие дела одновременно рассматривались судами общей и арбитражной юрисдикции². Кроме того, Высший Арбитражный Суд РФ в постановлении Пленума от 9 декабря 2002 г. 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса РФ» дополнительно разъяснил, что при применении п. 5 ч. 1 ст. 33 АПК РФ необходимо учитывать, что споры о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности теперь подлежат рассмотрению в арбитражных судах и в случае привлечения к участию в деле гражданина, не имеющего статуса индивидуального предпринимателя, в том числе автора распространенных (опубликованных) сведений.

В итоге в судах общей юрисдикции количество диффамационных споров стало снижаться, к примеру, в 2003 г. их стало на 16,9 % меньше, чем в 2002 г.³ Одновременно стали сбываться опасения и прогнозы, связанные с возможностью предъявления требований о компенсации нематериальных убытков, высказанные некоторыми представителями СМИ. Подтверждением этому служит известный правовой конфликт между ОАО «Альфа-Банк» и ЗАО «Коммерсантъ. Издательский дом», который рассматривался несколькими арбитражными судебными инстанциями.

Если быть кратким, то суть дела такова: 7 июля 2004 г. в газете «Коммерсантъ» вышла статья под заголовком «Банковский кризис вышел на улицу. Системообразующие банки столкнулись с клиентами», в которой сообщалось о кризисной ситуации с денежными средствами в «Альфа-Банке». В связи с этим банк обратился в арбитражный суд г. Москвы с иском о возмещении о взыскании с издательского дома убытков в сумме 20 млн руб. и компенсации нематериального (репутационного) вреда в сумме 300 млн руб., возникшего из-за уменьшения депозитной базы банка.

Обратим внимание, что истец весьма точно, в полном соответствии с определением Конституционного Суда РФ, вынесенным по жалобе гр. В.А. Шлафмана, сформулировал собственные требования, не употребляя такой лексический оборот, как «компенсация морального вреда», ведь конституционные судьи отметили, что содержание морального вреда отлично от нематериального. В то же время истец при обосновании размера последнего задействовал материальные критерии — «резкое падение объемов депозитов физических лиц», «приостановление банком процесса кредитования», — что должно было заставить судей обсудить вопрос о том, не является ли недо-

¹ См.: Палиюк В.П. Моральный неимущественный вред. Одесса, 1999. С. 61.

² См.: Жуikov В.М. Комментарий к ст. 33 АПК РФ // Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ / под ред. Г.А. Жилина. М., 2003. С. 92.

³ См.: Потепенко С. Диффамационные судебные споры // ЭЖ-юрист. 2004. 44.

полученная денежная сумма упущенной выгодой, а нематериальный (репутационный) вред — ординарными убытками¹.

Арбитражный суд г. Москвы, исследовав все представленные сторонами доказательственные материалы, своим решением от 20 октября 2004 г. признал, что ЗАО «Коммерсантъ. Издательский Дом» в газетной статье изложило об ОАО «Альфа-Банк» сведения, не отвечающие действительности, порочащие деловую репутацию истца. По этой причине суд взыскал в пользу истца 20 млн руб. в возмещение убытков, причиненных распространением указанных сведений, а также 300 млн руб. в возмещение репутационного вреда, возникшего вследствие умаления деловой репутации ОАО «Альфа-Банк», а всего — 320 млн руб.

Представители издательства выразили в прессе свое недоумение принятым решением. Обозреватель аналитического еженедельника «Коммерсантъ-Власть» пишет следующее: «Как бывает в подобных случаях, содержание спора “Коммерсанта” с Альфа-банком гораздо менее интересно, чем его теоретическое обоснование, недаром в средневековых университетах в программу обучения докторов юриспруденции сплошь и рядом входила куда более увлекательная схоластика — искусство жарких споров на отвлеченные темы. Вопрос о том, как отделить моральный вред и репутационный ущерб от материального, не то чтобы окончательно решен юридической наукой. Прецеденты, случающиеся время от времени в мире по подобным делам, внятного ответа на этот вопрос не дают»².

Неудивительно поэтому, что ЗАО «Коммерсантъ. Издательский Дом» подал апелляционную жалобу, в которой среди прочего отметил, что так называемый «репутационный вред» не может быть взыскан по аналогии с моральным вредом на основании действующего гражданского законодательства. Что касается известного определения Конституционного Суда РФ, то оно подлежит применению с учетом того обстоятельства, что ст. 152 ГК РФ дает право компенсировать моральный вред лишь гражданам, не предусматривая возможности возмещения физическим и юридическим лицам «репутационного вреда». Поскольку категория «моральный вред» не применима к юридическим лицам, во взыскании нематериального вреда истцу должно быть отказано.

Действительно, как подчеркнул Конституционный Суд РФ, отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, появляющихся при умалении деловой репутации или причинении нематериального вреда. Однако ЗАО «Коммерсантъ. Издательский Дом» полагает, что поскольку в определении Конституционного Суда РФ есть ссылка на решение Европейского Суда по делу «Комингерсол С.А. против Португалии», нужно не забывать и том, что оно находит свою реализацию только с учетом следующего важного аспекта: присужденная компенсация представляет собой не что иное, как убытки, факт нанесения

---

¹ См.: Садовский П. Правовые проблемы защиты деловой репутации // Эж-юрист. 2005. 12.

² Бутрин Д. Сколько стоит репутация. URL: http://www.kommersant.ru/k-vlast/get_page.asp?page_id=20044240-11.htm&show=print (дата обращения: 25.09.09).

которых и размер подлежат доказыванию истцом. Следовательно, ошибка суда первой инстанции при применении ст. 152 ГК РФ состоит в том, что он посчитал должным оценить вред, причиненный деловой репутации, по аналогии с моральным вредом, тогда как репутация — явление объективное, является предметом проверки и доказывания.

Девятый арбитражный апелляционный суд своим постановлением от 31 декабря 2004 г. решение нижестоящего суда изменил в части взыскания убытков, снизив их размер до 10 млн руб. Вместе с тем с главным доводом касательно нематериального (репутационного) вреда суд фактически согласился, дополнительно аргументировав его тем, что в ст. 33 АПК РФ предусмотрены споры, относящиеся к специальной подведомственности дел арбитражному суду, среди которых названы также дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

После подачи кассационной жалобы федеральный арбитражный суд Московского округа вынес еще одно постановление от 30 марта 2005 г., которым предыдущие судебные акты изменил, взыскав 30 млн руб. в пользу ОАО «Альфа-Банк» с ЗАО «Коммерсантъ. Издательский Дом» в счет возмещения нематериального вреда. В остальной части решение и постановление нижестоящих судов были оставлены без изменения. Причем арбитражный суд кассационной инстанции, обосновывая собственную позицию относительно юридического конфликта, не только дистанцировался от категории «нематериальный (репутационный) вред», используя оборот «нематериальный вред», но и обратил, что примечательно, к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». А в нем, как известно, последовательно проведена мысль о том, что правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случаях распространения подобной информации в отношении юридического лица.

Все вышеописанные судебные акты, а равно названное постановление Пленума Верховного Суда РФ вызвали живой отклик, особенно в юридической среде. Так, С. Кузин, разделяя мнение окружного арбитражного суда о необходимости изменения неологического термина «репутационный» на «нематериальный», заметил, что «российские же суды, не имея, в общем-то, наработанной устойчивой практики по делам о защите деловой репутации юридических лиц, достаточно неожиданно возложили на ответчика чрезвычайно высокую имущественную ответственность за причиненные истцу убытки и нематериальный вред; ответственность беспрецедентную не только по меркам судебной практики государств континентальной системы права, но и европейских государств англо-саксонской системы права¹, хотя

---

¹ Ради справедливости заметим, что это далеко не так. В 1989 г. американский суд по иску о защите репутационного вреда компании Home Shopping Network (HSN) к GTE Corp., сумма которого составляла 1,5 млрд долларов вынес решение и обязал ответчика выплатить 50 млн долларов компенсации. В 2004 г. парижский суд удовлетворил иск компании LVMH, предъявленный фирме Morgan Stanley в связи с публикацией негативного отчета о деятельности LVMH, оценив нематериальный ущерб в 30 млн евро. URL: http://www.eurolawco.ru/publ/review_153.html (дата обращения: 17.10.05).

к последним Россия себя доселе не относила. На основании изложенного позволю себе сделать предположение, что когда и если дело «Альфа-Банк» против «Коммерсанта» прирастет делом «Коммерсант» против России, то соответствующая жалоба в ЕСПЧ вполне вероятно не будет признана неприемлемой»¹.

Представитель издательского дома П. Астахов заявил, что моральный вред и ущерб деловой репутации по российскому законодательству компенсируется таким нематериальным способом, как публичное опровержение фактов, не согласующихся с действительностью, при этом арбитражные суды неправильно выбрали прецедент страсбургского Суда. Как считает адвокат, между делом «Комингерсоль С.А. против Португалии», в котором были присуждены нематериальные убытки коммерческой фирме по причине судебной волокиты, и юридическим казусом с участием известной газеты нет никакой аналогии. Объясняется это тем, что спор подпадает под действие не ст. 6 Конвенции о праве на справедливое судебное разбирательство, а ст. 10 Конвенции о свободе выражения мнения. Поэтому отечественные судьи должны были прибегнуть к иным прецедентам. В частности, к постановлению Европейского Суда от 26 апреля 1979 г. «Санди Таймс против Соединенного Королевства» (*Sunday Times v. United Kingdom*), в котором подчеркивалось: «Право на получение и распространение информации имеет приоритет перед правом на защиту репутации», после чего европейская пресса попала в явное привилегированное положение. А если уж и говорить о взыскании нематериального вреда по диффамационным спорам, то нужно учитывать постановление от 13 июля 1995 г. по делу «Толстой-Милославский против Соединенного Королевства» (*Tolstoy-Miloslavsky v. United Kingdom*), в котором было отмечено, что национальный суд, разрешая конфликт сторон, компенсировал истцу моральный ущерб в сумме, равной 1 млн 500 тыс. фунтов стерлингов, тем самым назначив «непомерно высокий размер штрафа». Это в свою очередь сказывается на свободе выражения мнения и нарушает ст. 10 Конвенции. В свете изложенного, как указывает П. Астахов, у газеты есть все основания обратиться в наднациональный судебно-контрольный орган и надеяться на положительный исход дела»².

Итак, как видим, спор двух хозяйствующих субъектов является достаточно сложным, чтобы игнорировать возможность использования различных прецедентов страсбургского Суда. Совершенно очевидно, что конфликт, обусловленный экономическими интересами, не может быть правильно разрешен без исследования вопроса о свободе слова и выражения мнения. Учитывая это, российскому законодателю предстоит решить исследуемую многоплановую правовую проблему.

¹ Кузин С. Споры вокруг репутации. URL: http://www.eurolawco.ru/publ/review_153.html (дата обращения: 17.09.09).

² См.: Астахов П. Дело «Коммерсанта» может повлечь за собой череду исков к России. URL: <http://www.arpp.ru/content/view/10687/2> (дата обращения: 26.08.09).

Н.И. Михайлов,
*доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права РАН*

Влияние особенностей правовой природы производственно-хозяйственных (финансовых) комплексов на моделирование процессов их создания и функционирования в условиях современной рыночной экономики

В экономическом механизме страны наряду с малыми и средними предпринимательскими структурами функционируют крупные компании, вокруг которых нередко создаются корпоративные объединения, формируемые в форме производственно-хозяйственных комплексов. Они призваны обеспечить развитие и конкурентоспособность предприятий добывающей, перерабатывающей, машиностроительной и других наукоемких промышленных отраслей. Главной предпосылкой к формированию таких объединений коммерческих организаций, как правило, бывает намерение активизировать процессы инвестирования в этих сферах, в том числе путем создания в отечественной экономике, начиная с первой половины 90-х гг. прошлого столетия, финансово-промышленных групп (ФПГ) в качестве легальной формы консолидации субъектов предпринимательства.

Для полноты характеристики специфики правовой природы производственно-хозяйственных комплексов в процессе исследования с целью выявления тенденций в развитии рассматриваемых интеграционных образований учитывалось множество факторов, в том числе их организационно-правовые особенности. При этом наряду с правовыми проблемами создания и деятельности изучаемых комплексов в поле зрения находились такие значимые для государств с рыночной экономикой вопросы, как инновационная и социальная направленность в деятельности субъектов предпринимательства в увязке с концепциями развития современных корпоративных объединений, функционирующих в нашей стране¹.

Согласно анализу действующего законодательства и результатов правоприменительной практики в качестве исходной признана трактовка производственно-хозяйственных комплексов как совокупности юридических лиц, создаваемых для достижения специально обозначенных целей. Они формируются, прежде всего, путем объединения нескольких субъектов для решения задач по повышению эффективности своего производства и консолидации инвестиций в условиях конкуренции на рынке продукции, товаров и услуг. На формирование таких комплексов оказывают влияние различные факторы, характерные для России на переходном этапе к со-

---

¹ См.: Экономический рост в Российской Федерации: проблемы и перспективы (доклад рабочей группы Национального экономического совета к обсуждению на VIII Российском Экономическом форуме) // Российский экономический журнал. 2003. 3. С. 16–17; Винслав Ю.Б. Социальная переориентация экономических преобразований: макро- и мезоуровневые аспекты // Там же. 2003. 10. С. 4–5, 11.

временной рыночной экономике: перераспределение собственности путем ускоренной приватизации, отказ от плановых методов управления экономикой, признание многообразия форм собственности с акцентом на частную собственность как доминирующую с обеспечением конкурентных начал в соответствующих сегментах рынка; реструктуризация экономики с ориентацией на потребности внутренних и внешних рынков; обновление всего предпринимательского (хозяйственного) законодательства, включая формирование правовой базы для регулирования создания и деятельности крупных производственно-хозяйственных и производственно-финансовых комплексов в конкурентной среде; необходимость обеспечения соблюдения антимонопольных требований при сбалансированности интересов крупных, средних и малых коммерческих структур.

Специфика правовой природы таких комплексов как разновидности корпоративных объединений, представляющих собой совокупность юридических лиц, которые консолидируют свои активы для решения конкретных задач в том или ином сегменте рынка, обусловлена не только историческими предпосылками к зарождению подобных образований в России, включая специфику экономики советского периода с организацией планового хозяйства, но и опытом интеграционных процессов в мировой экономике. При этом, обращая внимание на ключевые аспекты, способствовавшие на различных исторических этапах развитию предпринимательства (хозяйствования) в отдельных странах, акцент следует делать не только на формирование подобных образований, но и на выявление специфики соответствующей правовой базы, регулирующей порядок консолидации капитала с учетом особенностей национальных законодательных систем.

На основе исследования практики и нормативно-правового материала стран Западной Европы, США и России за период с XVIII до начала XX в. А.И. Каминка последовательно и аргументированно обосновал движущие мотивы процессов объединения производственных предприятий в предпринимательские союзы. Он обратил особое внимание на то, как может влиять тот или иной специальный правовой акт законодательной системы конкретной страны на создание предпринимательских союзов в форме трестов, синдикатов путем заключения картельных соглашений товаропроизводящими предприятиями. В связи с этим акцент в указанной публикации был сделан не только на определение причин возникновения рассматриваемых предпринимательских союзов, но и на их влияние на формирование конкретной рыночной среды в процессе реализации произведенной хозяйствующими предприятиями промышленной продукции, товаров широкого потребления населению отдельного региона или страны¹.

Основываясь на результатах анализа нормотворческой и правоприменительной практики этого периода, А.И. Каминка на примере ряда стран дает свое понимание треста и синдиката как проявления картелирования предприятий путем заключения специального соглашения, именуемого картельным². Он относит тресты к разновидности предпринимательского

¹ См.: Каминка А.И. Очерки торгового права. М., 2002. С. 441, 442.

² См.: Там же. С. 436.

союза, именуя их «предприятиями с картельными задачами, сосредоточивающими процесс производства в едином с хозяйственной точки зрения предприятии»¹. Для более точной оценки правовой природы треста, имеющей научно-практическую значимость для сегодняшнего дня, следует отметить позицию Г.Ф. Шершеневича, который подчеркивал, что в тресте соединяющиеся предприятия утрачивают свою хозяйственную самостоятельность; становятся частями новой организации и подчиняются в своей деятельности указаниям, идущим всецело из центрального управления треста².

Рассматриваемые в историческом контексте предпринимательские союзы в форме трестов и синдикатов фактически явились прообразом современных форм консолидации не только хозяйствующих предприятий различного производственного профиля, но и специализированных инвестиционных структур, с учетом особенностей национальных правовых систем, обусловленных степенью регулятивного воздействия на экономику со стороны государства. Сопоставляя тресты и синдикаты в их сущностных чертах с известными видами производственно-хозяйственных комплексов, в том числе финансово-промышленными группами (ФПГ), можно отметить ряд моментов, которые свидетельствуют о наличии определенного сходства между этими образованиями. Например, для синдиката и ФПГ на этапе их активного формирования в России (с 1995 по 2007 гг.) просматривается сходство, заключающееся в создании на основе соглашения (договора) с включением в состав участников таких комплексов предприятий, сохраняющих статус юридического лица, а также в наличии особого правового механизма их взаимодействия с управляющим бюро или центральной компанией.

Изучение интеграционных процессов субъектов предпринимательства, в том числе с участием финансово-инвестиционных структур, показало, что они явились следствием концентрации прежде всего промышленного и банковского капитала, отчетливо наметившейся в начале второй половины XX столетия в мировой экономике. Речь идет о странах с развитыми товарными рынками, сложившимися в условиях постоянно возрастающей конкуренции и активного использования передовых научно-технических разработок. Именно стремление снизить издержки производства и занять доминирующее положение в определенном сегменте товарного рынка отдельного региона либо страны или в транснациональном аспекте с целью получения более высокой прибыли было и является ключевым фактором, который лежит в основе объединительных процессов самостоятельных субъектов предпринимательства (хозяйствования).

Сопоставление общего и особенного в соответствующих элементах правовых систем различных стран, которые определяют порядок создания и деятельности корпоративных объединений различных видов, в том числе транснациональных корпораций, приводит к выводу об их сходстве с производственно-хозяйственными (финансовыми) комплексами. Данный аспект важен с позиции адекватной оценки инвесторами национального

¹ Каминка А.И. Указ. соч. С. 448.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: в 2 т. 4-е изд. М., 1908. Т. 1. Введение. Торговые деятели. С. 491.

правового режима конкретной страны предполагаемого вложения капитала в сопоставлении со сложившейся, например, в Западной Европе правоприменительной практикой предоставления гарантий его возвратности и страхования возможных рисков.

Учитывая сказанное, следует подчеркнуть необходимость отграничивать, как обоснованно отмечают К. Цвайгерт и Х. Кетц, сопоставление по отдельным институтам иностранного и национального права, являющихся прежде всего предметом сравнительного праваанализа, от того же международного частного либо международного публичного права, которые являются в этом случае только смежными сферами изучения, но не основными¹. Однако, давая оценку практике и отличительным чертам формирования объединений путем интегрирования предприятий как субъектов предпринимательства в России с созданием ими комплексных образований, в том числе корпоративных бизнес-групп, следует учитывать наблюдаемое столкновение двух моделей взаимодействия промышленного, транспортного, строительного, торгового и кредитно-финансового секторов российской экономики².

В ряде стран на сегодняшний день накоплен обширный многообразный опыт по созданию высокоинтегрированных объединений субъектов хозяйствования, имеющих как много общего, так и отличия в сравнении с производственно-финансовыми комплексами, включающими инвестиционные структуры. В значительной степени это связано с историческими обстоятельствами, состоянием производства и развитостью рыночных отношений, спецификой национальной правовой базы, а также принципами построения антимонопольного законодательства с целью обеспечения добросовестной конкуренции в соответствующих секторах рынка. Так, производственно-финансовые комплексы в странах Западной Европы, Японии, Корее, США формируются как по традиционной модели концерна во главе с крупными промышленными корпорациями, так и в форме универсальных многоотраслевых объединений с участием банков либо инвестиционных компаний.

Анализируя правовые аспекты процесса создания высокоинтегрированных объединений субъектов хозяйствования в контексте нормотворческой и правоприменительной практики стран со сложившейся рыночной экономикой, необходимо отметить, что в современном западном законодательстве с учетом сформировавшихся основных юридических доктрин такие объединения называются по-разному: «связанные предприятия», «системы компаний», «организации организаций», «товарищества товариществ», «товарищества второй ступени», а также «группы компаний» или просто «группы».

Существенной особенностью мировой экономики на рубеже XX и XXI вв. является международная кооперация производства и банковского капитала путем формирования транснациональных промышленно-финансовых групп. Целью и результатом такой консолидации являются повышение технического уровня производства на базе специализации и использования

¹ См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т.: пер. с нем. М., 2000. Т. I. Основы. С. 14–15.

² См.: Сергеев А.М. Интеграционные процессы в российской промышленности // Бизнес, менеджмент и право. 2003. 3. С. 66–69.

передовых научно-технических разработок, совершенствование менеджмента и управления предприятиями, входящими в состав участников таких комплексов. Посредством системы своих дочерних либо подконтрольных компаний транснациональные, производственно-финансовые комплексы, обладая устойчивым финансовым потенциалом и прочными позициями в соответствующих секторах рынка, имеют возможность оказывать преимущественное воздействие на формирование ценовой политики в условиях жесткой конкуренции в контексте реально складывающихся спроса — предложения на конкретные виды продукции и товаров.

Как показывает анализ результатов сравнения специфики правовой природы отечественных и зарубежных производственно-финансовых комплексов, совокупность юридических лиц чаще всего строит свое взаимодействие по принципу «основное и дочерние общества» либо на условиях полного или частичного договорного объединения своих материальных и нематериальных активов. Такая вариантность обусловлена, прежде всего, экономико-правовой спецификой производственно-финансовых комплексов, которые являются относительно новой и перспективной разновидностью объединений субъектов предпринимательской деятельности в России. Для более точного их позиционирования необходимо учитывать целевое назначение, задачи и принципы формирования таких комплексных образований в условиях активных рыночных преобразований в нашей стране.

В числе целей и задач создания производственно-хозяйственных комплексов чаще всего выделяются технологическая или экономическая интеграция для реализации инвестиционных либо иных проектов и программ, направленных на повышение конкурентоспособности и расширение рынков сбыта товаров и услуг, повышение эффективности производства, создание новых рабочих мест. Эти цели и задачи предопределили ряд основных подходов к формированию таких интеграционных образований, как совокупности юридических лиц. При этом, как показывает практика, формирование таких корпоративных объединений, если исходить из примеров еще функционирующих ФПГ, может базироваться на сочетании различных подходов в зависимости не только от их целей и задач, но и от состава участников¹.

Построение производственно-хозяйственных либо производственно-финансовых комплексов путем их создания в качестве совокупности юридических лиц, взаимодействующих как основное и дочерние общества, свидетельствует о возможном использовании так называемой классической холдинговой модели для формирования подобных интеграционных структур. Правовой основой такой модели построения анализируемых комплексов являются положения ст. 105 ГК РФ «Дочернее хозяйственное общество» и ст. 6 «Дочерние и зависимые общества» Федерального закона от 26 декабря

¹ Для адекватной оценки указанных признаков при создании ФПГ необходимо исходить не только из правовой, но и из экономической теории и методологии формирования и развития ФПГ в современной российской экономике. См.: Пугиев А.С. Особенности формирования и управления ФПГ в условиях рыночной трансформации в России: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Волгоград, 2001. С. 8–12 и др.

1996 г. 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹ (с послед. изм. и доп.). При этом следует учитывать, что при классической холдинговой модели построения исследуемых интеграционных образований основное (материнское) общество имеет возможность через принадлежащий ей пакет акций дочерних обществ, то есть в силу преобладающего участия в их уставном капитале, руководить деятельностью каждого из них. Наряду с классической холдинговой моделью построения производственно-хозяйственных (финансовых) комплексов действующее законодательство не исключает возможность создания таких корпоративных бизнес-групп на договорной основе либо по смешанному принципу, что требует специального рассмотрения.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 1, ст. 1.

А.Н. Оленева,
*кандидат юридических наук, научный сотрудник
Института государства и права РАН*

Проблемы соотношения правового статуса акционерного общества и его участников

Термин «статус» (лат. *status*) определяется как состояние дел, положение¹, что применительно к юридическим категориям чаще всего трактуется как правовое положение, состояние. Если обратиться к истории развития права, то римские юристы использовали понятие «status» для обозначения положения, занимаемого индивидуумом применительно к определенной системе отношений, например, *status libertatis* (статус свободного человека). Ими выделялось три основных статуса: статус свободного-несвободного, статус гражданина-негражданина и семейный статус полновластного-зависимого. Человек, обладающий тремя определенными статусами (свободой, гражданством и семейной властью), признавался лицом с полной юридической правоспособностью².

Для полноты характеристики элементов правового статуса представляется целесообразным проанализировать сложившиеся концептуальные подходы к определению содержания этой категории, в том числе применительно к акционерным обществам и их акционерам. Например, Н.И. Матузов определяет правовой статус как юридически закрепленное положение в обществе³. По его мнению, содержание правового статуса составляет совокупность прав, свобод, обязанностей и законных интересов, признаваемых и гарантируемых государством, а также юридическая ответственность.

Сходным с данной позицией является подход Л.Д. Воеводина, который отмечает, что содержание понятия «правовой статус» по своему объему

¹ См.: Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М., 1989. С. 482.

² См.: Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2000. С. 37.

³ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2002. С. 322.

соответствует выражению «правовое положение» и включает в состав правового статуса также гарантии осуществления прав¹. Несколько иначе трактует это понятие Г.А. Гаджиев, когда определяет правовой статус предпринимателя как юридически закрепленное положение предпринимателя в обществе. В частности, им подчеркивается, что структуру, например, конституционного предпринимательского статуса составляют конституционные права и обязанности предпринимателя, конституционные принципы, законные интересы, конституционные гарантии предпринимательства².

В связи с рассматриваемыми проблемами считаем, что именно категория «правовой статус» является наиболее точной для характеристики всей совокупности возможных прав и обязанностей субъекта с определением механизма гарантированного обеспечения их реализации в интересах конкретного лица. В научно-практической терминологии она используется широко при определении совокупности прав и обязанностей той или иной разновидности субъекта правоотношений с учетом особенностей их реализации в зависимости от имеющихся гарантий и соблюдения интересов всех участников.

Правовой статус соответствующего вида субъекта следует определять как совокупность его прав, правомерных интересов и обязанностей, содержащихся в актах правовой системы государства, а также способов защиты этих прав и ответственности за неисполнение обязанностей. Поэтому для характеристики как акционерного общества, так и акционера во всем многообразии их прав и обязанностей с определением механизма, а также гарантий их реализации оправданным представляется использование словосочетания «правовой статус», поскольку оно более емко, так как отображает специфику этих субъектов акционерных правоотношений с учетом основных конституционных принципов.

В частности, согласно ст. 96 ГК РФ акционерным обществом признается общество, уставный капитал которого разделен на определенное число акций. При этом участники акционерного общества (акционеры) не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, как правило, только в пределах стоимости принадлежащих им акций. Наряду с отмеченным наиболее существенные черты акционерного общества, позволяющие выделить его в самостоятельную организационно-правовую форму юридического лица, закреплены в п. 1 ст. 2 Закона от 26 декабря 1995 г. 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³ (далее — Закон об АО).

Характеризуя основные черты акционерного общества, следует признать, что из всех названных наиболее существенным в аспекте исследуемых проблем является наличие уставного (складочного) капитала, разделенного на определенное число акций, который учитывается и отражается на балансе АО в составе собственного капитала общества наряду с резервным и добавочным капиталом, нераспределенной прибылью и прочими резервами. В соответствии со ст. 25 Закона об АО уставный капитал общества составляется из номинальной стоимости акций общества, приобретенных акционерами.

¹ См.: *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 14.

² См.: *Гаджиев Г.А.* Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации. М., 1995. С. 125.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 1, ст. 1 (с изм. от 18 июля 2009 г. 181-ФЗ).

Следовательно, отличительной чертой акционерного общества как особого вида корпоративного предприятия является наличие акций, которые выступают инструментом формирования уставного капитала общества. Акции могут выпускаться только акционерным обществом, поскольку предприятия других организационно-правовых форм их выпускать не вправе. По своей юридической природе акция согласно ст. 143 ГК РФ представляет собой ценную бумагу¹. Поэтому нормы об акциях содержатся не только в Законе об АО, но и в Законе от 22 апреля 1996 г. 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»² (далее — Закон о рынке ценных бумаг), а также в ряде других актов, определяющих отдельные аспекты рыночного оборота этого вида ценных бумаг.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Закона об АО акционером признается участник (юридическое или физическое лицо) АО, получивший акции этого общества путем их оплаты либо в ином порядке (например, наследования), предусмотренном действующим законодательством. Поэтому участие акционера в акционерном обществе носит прежде всего имущественный характер — формирование уставного капитала общества и получение прибыли от деятельности общества³. Все имущество, переданное акционерному обществу в оплату акций, становится собственностью самого общества, а акционеры обладают лишь обязательственными правами в отношении самого общества и вещными правами на часть имущества в случае ликвидации общества, которыми они вправе воспользоваться в соответствии с ч. 1 п. 2 ст. 48 ГК РФ.

Одной из существенных проблем статуса акционера является принудительный выкуп акций. Возможность принудительного выкупа акций, установленная гл. XI.1, вызывает споры как среди практиков, так и среди российских ученых. Суть состоит в том, что лишение права собственности затрагивает основные права и свободы человека, если исходить из положений ст. 35 Конституции Российской Федерации, согласно которой право частной собственности охраняется законом и никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. На наш взгляд, термин «лишен» означает принудительный характер прекращения права частной собственности и предполагает наличие спора, что в обязательном порядке требует судебного контроля.

По смыслу ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации принудительное отчуждение имущества, по общему правилу, может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. В контексте отдельных аспектов исследуемой проблемы заслуживает внимания позиция Д.И. Дедова, который считает, что «лишение прав собственности на акции помимо воли миноритарных акционеров даже при условии справедливой компенсации должно являться крайней мерой, когда исчерпаны иные средства для сохранения инвестиций и поэтому ничем не обусловленное право

¹ О правовой природе ценных бумаг и их существенных признаках как документов о частных правах подробнее см.: *Нерсесов Н.О.* Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М., 1998. С. 141–146.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 17, ст. 1918; 2002. 52, ч. 2, ст. 5141 (с изм. от 28 декабря 2002 г.).

³ См.: *Жеругов О.Р.* Акция как объект гражданских правоотношений по праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 19.

принудительного выкупа акций может быть успешно оспорено как не соответствующее Конституции РФ»¹.

Думается, что в целях обеспечения соблюдения прав акционера процедура принудительного выкупа акций у миноритарных акционеров по требованию владельца крупного пакета акций должна осуществляться при участии судебных органов. Именно в рамках судебного контроля необходимо исследовать на соответствие законодательству Российской Федерации процедуру принудительного выкупа, не вмешиваясь при этом в экономическую целесообразность принятых решений. Д.А. Архипов верно отмечает, что предварительный судебный контроль способен обеспечить не только равное отношение ко всем акционерам одного класса, но и справедливое распределение имущественных благ. Им обоснованно предлагается ввести механизм принудительного выкупа акций, в рамках которого арбитражный суд должен утвердить (санкционировать) его условия, в зависимости от того, составляет ли выкупная цена равноценное возмещение².

Обновленное акционерное законодательство закрепляет возможность инициирования процедуры выкупа как по требованию миноритарных акционеров, так и по требованию крупного акционера в течение одного года с момента вступления в силу ст. 7 Федерального закона от 5 января 2006 г.

7-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах». Детально процедура принудительного выкупа акций определена ст. 84.7 и 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах». Эти нормы устанавливают, что в случае достижения концентрации порогового значения корпоративного контроля, то есть свыше 95 % акций, возникает возможность выкупа акций как по требованию миноритарных акционеров, так и крупного владельца акций. Так, в соответствии с Федеральным законом «Об акционерных обществах» лицо, которое стало владельцем более 95 % акций, обязано в течение 35 дней с даты приобретения соответствующей доли направить владельцам ценных бумаг уведомление о наличии у них права требовать выкупа акций. При этом акционер ограничен шестимесячным сроком, в течение которого он может воспользоваться своим правом. В связи с этим целесообразно подчеркнуть, что в странах Европейского Союза подобное ограничение отсутствует.

Рассматривая процедуру принудительного выкупа акций, необходимо принимать во внимание отдельные проблемы реализации указанных норм Закона об АО, например, случаи, когда по усмотрению владельца крупного пакета акций процедура принудительного выкупа акций не доводится до завершающей стадии. Так, п. 3 ст. 84.7 Федерального закона «Об акционерных обществах» предусматривает, что к уведомлению о праве требовать выкупа акций должна прилагаться банковская гарантия, и в случае неисполнения обязанности оплатить в срок выкупаемые ценные бумаги прежний владелец ценных бумаг вправе представить гаранту, выдавшему банковскую гарантию, требование об оплате выкупаемых ценных бумаг.

¹ Российская газета. 1993. 25 дек.

² См.: Архипов Д.А. Принудительный выкуп голосующих акций — инструмент непропорционального ограничения прав миноритарного акционера. Так ли это на самом деле? // Вестник ВАС. 2005. 2. С. 129.

Существует еще одна проблема. Согласно п. 8 ст. 84.7 Федерального закона «Об акционерных обществах» в случае неисполнения лицом обязанности направить владельцу ценных бумаг уведомление о наличии у него права требовать выкупа акций акционеру, чьи права нарушены, предоставляется возможность требовать выкупа акций в течение одного года с момента, когда он узнал о возникновении подобного права.

Однако нормы данного Закона не предусматривают, какой датой должна определяться выкупная цена: на момент возникновения обязанности направления уведомления либо когда акционер узнал о своем праве требовать выкупа ценных бумаг и направил соответствующее требование. В анализируемом Законе следовало бы предусмотреть необходимость проведения оценки на две обозначенные даты и предоставить возможность выбора стоимости ценных бумаг миноритарному акционеру. Подобная норма ограничит возможные злоупотребления со стороны крупного акционера.

Важным элементом в характеристике правового статуса акционерного общества и его участников является определение механизма управления им и участие акционеров в этом процессе. Следует отметить, что по действующему законодательству управление АО, как и прежде, строится по трехзвенной модели¹. При такой системе в каждом акционерном обществе действуют три органа управления: общее собрание акционеров как высший орган управления, совет директоров (наблюдательный совет) как орган общего руководства и исполнительный орган, осуществляющий руководство повседневной деятельностью общества.

Однако из данного правила имеются некоторые исключения. Согласно подп. 2 п. 1 ст. 64 Закона об АО в обществе с числом акционеров-владельцев голосующих акций менее 50 совет директоров (наблюдательный совет) может не создаваться. В этом случае его функции осуществляются общим собранием акционеров. Помимо названных выше органов в каждом акционерном обществе создается также ревизионная комиссия или назначается (избирается) ревизор. Ревизионная комиссия осуществляет контроль за финансово-хозяйственной деятельностью и не относится к органам управления, а следовательно, не рассматривается в качестве «четвертого звена» в системе управления обществом².

Исходя из изложенного, следует подчеркнуть, что природа прав акционеров заключается не столько во владении акцией, сколько в членстве и в участии акционера в управлении акционерным обществом. В современной науке в числе прав акционеров выделяют основные, «то есть те, которые непосредственно связаны со статусом акционера как лица, вкладывающего свой капитал в общество с целью получения доходов на него, и прочие, направленные на обеспечение реализации основных прав, предусматривающие гарантии и способы их защиты»³.

¹ См.: Ломакин Д.В. Изменения в акционерном законе и вопросы охраны прав акционеров // Законодательство. 2002. № 11. С. 42–43.

² См.: Шустер П.Э. Правовые механизмы участия акционера в управлении акционерным обществом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 23.

³ Шапкина Г.С. Арбитражно-судебная практика применения Федерального закона «Об Акционерных обществах» // Правовые нормы о предпринимательстве. Сер.: Практикум акционирования. Вып. 3. М., 1997. С. 57.

К первым относятся, прежде всего, право на получение дивидендов, право на участие в управлении обществом, право собственности на акцию. Ко вторым — право на внесение акционера в реестр, право на получение информации о деятельности общества, право на внесение предложений в повестку дня общего собрания акционеров и выдвижение кандидатов в органы акционерного общества, право на заявление различного рода требований.

Согласно классификации прав в зависимости от предмета регулирования гражданского права выделяют имущественные права (право на дивиденды, право на распоряжение акциями, право на преимущественное приобретение вновь выпущенных акций, право на долю имущества, оставшегося после ликвидации общества) и неимущественные права (право на участие в управлении обществом, право на информацию об акционерном обществе, право на судебную защиту).

Помимо отмеченного важным признаком, характеризующим правоспособность акционера, является возможный объем его ответственности. По общему правилу акционеры не отвечают по обязательствам общества, за исключением случаев, прямо указанных в законе, и несут риск убытков, связанных с его деятельностью, только в пределах стоимости принадлежащих им акций. Первый случай — когда акционеры, не полностью оплатившие акции, несут солидарную ответственность по обязательствам общества в пределах неоплаченной части стоимости принадлежащих им акций.

Второй случай предусмотрен в ст. 3 Закона об АО. Он связан с наступлением несостоятельности (банкротства) общества по вине акционеров, имеющих право и возможность определять действия общества. К таким акционерам могут относиться акционеры, занимающие руководящие должности в органах управления общества, либо владельцы контрольных пакетов акций. Ответственность акционеров в этих случаях носит субсидиарный характер.

Научно-практическая актуальность рассматриваемых проблем обусловлена фактором прямой связи правового статуса акционерного общества и акционера с такими основными конституционными правами, как право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (п. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации), право частной собственности и другие вещные права (ст. 35).

Подтверждением актуальности рассмотренных вопросов служит то, что акционерное общество — основная и наиболее распространенная разновидность организационно-правовых форм предприятий в нашей стране. Именно в форме акционерных обществ действуют крупные и большая часть средних предприятий. Это объясняется как приспособленностью акционерных предприятий к условиям рыночной экономики, так и тем, что приватизация государственных и муниципальных предприятий в России проводилась и проводится, как правило, путем их преобразования в акционерные общества с последующей продажей акций частным лицам и организациям.

Л.В. Савинов,
*кандидат политических наук, доцент
Сибирской академии государственной службы*

Региональная этнополитическая безопасность: пример Сибири

Безопасность Российской Федерации в сфере межэтнических отношений необходимо рассматривать на трех уровнях: макро- (федеральном), мезо- (региональном), микро- (местном). На каждом уровне существуют как универсальные, так и уникальные угрозы и вызовы этнобезопасности. Эти вызовы и угрозы могут быть как катастрофическими, так и менее деструктивными для этносистем.

В генезисе угроз безопасности России в этнополитической сфере существуют специфические особенности, отличающие ситуацию в нашей стране от ситуации в иных странах мира¹. К таким особенностям необходимо отнести, во-первых, чрезвычайную полиэтническую мозаичность российского общества на фоне межцивилизационных разломов; во-вторых, очень высокую степень межэтнической миксации; в-третьих, значительные миграционные потоки в Россию из Ближнего и Дальнего зарубежья.

На этом фоне безопасность Сибири как крупнейшего и стратегически важного региона в этнополитическом аспекте необходимо рассматривать в единстве общего, особенного и уникального. Этнополитическая ситуация в Сибири должна восприниматься как фактор общефедерального значения в силу ее геополитической значимости.

Угрозы этнобезопасности Сибирского региона с некоторой долей условности в связи с тесной взаимозависимостью и взаимообусловленностью факторов можно разделить на следующие виды:

- связанные с деструктивной мобилизацией и политизацией этничности и этнического самосознания;
- определяемые этнократизацией политических процессов, а также сосредоточением различных ресурсов, прежде всего политической власти и политических возможностей, в руках избранных этнических групп;
- основанные на религиозной и конфессиональной нетерпимости;
- связанные с территориальными и иными претензиями одних этносов к другим, а также с отсутствием у некоторых этносов «собственной» территории;
- связанные с миграцией этнических групп;
- формируемые этническим криминалитетом;
- определяемые ошибками и просчетами исторического характера: депортации народов, репрессии по этническому и религиозному признаку и др.;

¹ См.: О генезисе угроз безопасности Российской Федерации в этнополитической сфере // Границы безопасности и безопасность границ / под ред. В.Е. Хвощева. Челябинск, 2001. С. 266–267.

- имеющие в своей основе социально-экономические процессы и проблемы: высокий уровень бедности, резкая поляризация социальной структуры, экономическая и социальная асимметрия территорий и др.;

- определяемые как ситуационные и слабо предсказуемые, то есть не институализированные;

- продуцируемые различного рода этническими стереотипами, фобиями и т.д.

В Сибири причинами межэтнических конфликтов могут выступать:

- социально-экономические условия — существенные различия в уровне социально-экономического развития, возможностях получения тех или иных материальных благ, удовлетворения социальных потребностей, разрушение традиционных форм хозяйствования, промыслов и т.д.;

- территориальные претензии — неурегулированность внутренних и внешних границ в прошлом и настоящем;

- духовно-идеологическая и/или религиозная внутренняя и/или внешняя экспансия — позиция этнических элит по политизации и мобилизации этничности, межконфессиональные противоречия, деятельность экстремистских сект, националистических организаций и т.д.;

- демографический фактор — неконтролируемые процессы миграции населения: въезд и выезд с территории Сибири значительного количества представителей как коренного, так и некоренного населения, падение доли миноритарных этносов, уровень рождаемости и смертности;

- политический фактор — проблемы, прежде всего связанные с асимметричностью Российской Федерации;

- языковой фактор — мнимые и реальные ограничения индивидуальных и групповых прав в использовании родного языка, социальные функции и сферы функционирования государственного и национальных языков;

- культурные ценности — трудности в развитии национальной культуры, реальные и надуманные угрозы национальной самобытности, возрождение интереса к традициям и обычаям, состояние памятников культуры и истории;

- духовные и материальные ценности — ущемление прав этноса при распределении дефицитных социальных благ: власти, престижа, денег, территории, привилегий и т.п.;

- исторические события — «белые пятна» в истории, исторические обиды, репрессии, депортации, пути вхождения в российскую государственность;

- внутриэтнические противоречия;

- этнический криминалитет;

- ксенофобия как социальная практика — бытовые предрассудки и стереотипы обыденного сознания, ущемление достоинства личности на расовой и этнической основе;

- внешнее давление иностранных государств и международных организаций.

В качестве основных угроз коренным этносам Сибири необходимо выделить следующие процессы:

- сокращение коренных этносов и угроза вымирания малочисленных народов Сибири и Крайнего Севера;

- потеря родного языка как основного элемента самобытной культуры;

-
- культурная ассимиляция и потеря традиционных религий и верований, образа жизни и восприятия мира;
  - уничтожение традиционных промыслов и связанного с этим уклада жизни;
  - ухудшение физического здоровья, связанное с экологическими и иными проблемами, изменениями в питании и промышленным освоением территорий проживания;
  - групповая девиация, связанная с утратой традиционных механизмов социального контроля и санкций, сформировавшихся на основе вековых традиций и обычаев. Например, высокий уровень алкоголизма, обусловленный биологическими особенностями аборигенов — отсутствием ферментов, расщепляющих алкоголь и его производные.

Современные тенденции распада многоэтнических государств на более гомогенные по этническому и конфессиональному составу значительно усложняют мировой этнополитический ландшафт и уровень глобальной безопасности¹. Сегодня все чаще безопасность как отдельной личности, так и общества в целом зависит от способности и возможности государства предупреждать и эффективно разрешать проблемы внутреннего межэтнического и межконфессионального кросс-контакта².

В зависимости от характера этнической структуры государства можно выделить некоторые характерные для того или иного общества потенциальные и реальные причины этнических конфликтов. Такие конфликты, как правило, возникают между этническим большинством и миноритарными этническими группами. При этом само государство может оказаться как на стороне одних, так и на стороне других.

Так, известный норвежский антрополог Т. Эриксен определяет потенциально конфликтные отношения с государством или «доминантной этнической группой» как общую характеристику меньшинств. При этом он различает два основных вида групп меньшинств. К первичным Эриксен относит этнические группы неиммигрантов, индигенные или коренные народы (*indigenous people*); соответственно вторичные этнические группы — это иммигрантские, или так называемые «новые меньшинства», а также городские меньшинства.

Природа первых крайне гетерогенных этногрупп кроется в аннексии территории их исторического проживания и их инкорпорации в сообщество с этнодоминантами. Такие группы активно сопротивляются инкультурации и этнизации, а также процессам ассимиляции. Они, как правило, требуют официального признания их языка и культуры.

Представители вторичных этногрупп наоборот стремятся к большей культурной и языковой интеграции, вплоть до полной ассимиляции — они стремятся избежать любых форм маргинализации на этнической основе.

---

¹ См.: Ходнев А. Национальный вопрос в контексте мирового порядка: история и современное состояние // Исторические аспекты межнациональных отношений и мировой опыт: материалы научной конференции. URL: <http://www.prof.msu.ru/book/iamomol.html>; Шемякин Я.Г. Этнические конфликты: цивилизационный ракурс // ОНС. 1998. 4; Этничность и власть в политических государствах. М., 1994.

² См.: Еременко Е. Современная этнополитическая ситуация в Канаде // МЭиМО. 2001. 4.

Помимо перечисленных групп некоторые авторы отдельно выделяют дисперсные группы этнических меньшинств. В России, а особенно в Сибири к таковым необходимо отнести евреев, немцев, цыган и некоторые другие этногруппы.

Таким образом, в качестве возможных узлов этнического напряжения и этносоциальных конфликтов в Сибири мы можем выделить следующие:

- конфликт между русскими (этнодоминант) и эндогенной (эндогенными) этническими группами;
- конфликт между русскими (этнодоминант) и экзогенной (экзогенными) эмигрантскими этническими группами;
- конфликт между русскими (этнодоминант) и дисперсной (дисперсными) этногруппами;
- конфликт между эндогенной (эндогенными) и эмигрантской (эмигрантскими) этногруппами;
- конфликт между эндогенной (эндогенными) и дисперсной (дисперсными) этногруппами;
- конфликт между эмигрантской (эмигрантскими) и дисперсной этногруппами;
- конфликт между одной эндогенной и другой эндогенной этногруппами либо между разными эндогенными этногруппами;
- конфликт между одной эмигрантской и другой эмигрантской этногруппами либо между разными эмигрантскими этногруппами;
- конфликт между одной дисперсной этногруппой и другой дисперсной этногруппой либо между разными дисперсными этногруппами;
- внутренний конфликт — внутридоминантный, внутриэндогенный, внутриэмигрантский и внутридисперсный.

Вместе с тем необходимо учитывать и другие факторы и исследовать этнополитическое напряжение в более широком аспекте. Так, Ю.М. Бородай всю гамму вопросов и проблем, связанных с полиэтничным характером Российского государства, предлагает рассматривать в следующих аспектах: соотношение этноса и нации; этнос, нация и проблема самоопределения; горизонтальные и вертикальные связи в полиэтничном обществе и их влияние на государственное устройство; этнос, нация и проблема развития России; проблемы этнической совместимости и влияния на нее духовной составляющей; различия между государственными и национальными интересами; основы национальной геополитики¹.

Этнополитическая ситуация в Сибири, особенно в республиках и бывших автономных округах, в отличие от Северного Кавказа в условиях политического и экономического транзита и духовного обновления характеризуется относительной стабильностью. Несмотря на объективные процессы этнобилизации, внутриэтнической консолидации и интеграции, всплеск интереса коренных этносов к своей истории, культуре, возрождению традиционных верований — буддизма, шаманизма, православия, в большинстве регионов не произошло обострения межэтнических отношений, которое можно было бы рассматривать как угрозу региональной безопасности.

---

¹ См.: Бородай Ю.М. Пути становления национального единства // Наш современник. 1995. 1. С. 112–132.

Очевидно, что современный характер государственно-территориального устройства России в аспекте ее этнической составляющей ставит перед исследователями и политиками ряд острых вопросов, на которые трудно дать однозначные и универсальные ответы. Поэтому решение обозначенной проблемы необходимо начать с возвращения к базовому вопросу об основах российского федерализма — в России еще не построена подлинно демократическая и симметричная федерация, в которой максимально учитывались бы особенности и запросы всех российских этносов.

Многие исследователи отмечают жесткую корреляцию между характером происходящих в нашей стране этногеополитических процессов и формой государственного устройства России¹.

Современная модель федеративного устройства таит в себе опасные тенденции территориального расползания (Чечня), явного и латентного сепаратизма (Татария, Якутия, Башкирия), агрессивной внешней миграционной (Китай на Дальнем Востоке), культурной (масс-медиа Запада), идеологической и религиозной (исламский фундаментализм и псевдорелигии Запада) экспансии.

Существует необходимость изменения государственно-территориального устройства страны на принципах реального федерализма и равноправия регионов, учета интересов народов, проживающих на территории Российской Федерации, и соблюдения прав человека независимо от его расовой, национальной и конфессиональной принадлежности.

Представляется, что выбор формы государственного устройства должен включать в себя как минимум четыре условия: безусловное сохранение территориальной целостности России; правовую четкость в распределении полномочий между центром Федерации и ее субъектами с обязательным финансовым сопровождением полномочий регионов, а также муниципальных образований; уход от асимметричного характера Федерации и укрупнение ее субъектов посредством, например, ликвидации национально-территориальных образований — автономных округов.

Возможно использование на некоторых территориях и в целых регионах давно известной в мировой политической практике формы «чрезвычайного федерализма» — законодательно закрепленного за федеральным центром комплекса полномочий, превращающих федерацию по существу в унитарное государство (США в 30-е гг.). Важно более широкое применение в практике государственной этнополитики принципов национально-культурной автономии, известной с конца XIX в.²

Именно в советский период многие сибирские этносы, как и некоторые другие российские этнические общности ощутили на себе произвол тоталитарного режима, связанный с эксцессами в национальной политике — произвольной демаркацией и перекройкой административно-территориальных границ, упразднением национальных районов и национальных сельсоветов и т.д. Последствия промахов в национальной политике советского периода до сих пор оказывают значительное влияние на характер этнополитики и этнополитических процессов как в целом в Сибири, так и на отдельных ее территориях.

¹ См.: Чернов П.В. Россия: этногеополитические основы государственности. М., 1999; Семенов В.А. Этногеополитические аспекты безопасности России. М., 1998.

² См.: Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.

Обращаясь к межэтническим процессам в Сибири, необходимо отметить нарастание негативного отношения коренных сибиряков, вне зависимости от этнической принадлежности, к новым эмигрантам, особенно из Кавказского и Среднеазиатского регионов. Большая часть опрошенных негативно и со значительной долей опасения относятся к неконтролируемой, на их взгляд, миграции из Китая.

Этническое взаимодействие как социальный процесс представляет собой единство трех составляющих: коммуникации, интеракции и перцепции. Отсутствие или ущербность каждой из них приводит к проблемам межэтнического характера.

В качестве реальной угрозы политической стабильности в Сибири, особенно в национальных республиках и округах, необходимо рассматривать достаточно ощутимые процессы, связанные с вызовами-конфликтами гражданской и этнической, а также внутриэтнической и внутригражданской идентичностей. Имеет место, к примеру, внутреннее и потому латентное противостояние этнической идентичности, присущей бурятскому народу. В данном случае оно носит амбивалентный характер: между восточными и западными бурятами, между городом и деревней, между представителями разных верований (ламаизма, шаманизма, православия) и т.д.

Сложно говорить о единстве хакасского и алтайского народов, которые фактически являются союзом субэтносов — они сложились уже в советский период на основе нескольких тюркских этносов в рамках «искусственных» автономных областей. Именно поэтому для данных народов сильны родовые доминанты и субэтническая идентификация, которая в свою очередь значительно влияет на этнополитическую ситуацию в республиках. Именно в южных республиках Сибири — Туве, Хакасии и Алтае — наиболее сильны этнократические тенденции.

Сегодня в Сибирском федеральном округе высокий уровень этнической самоидентификации на фоне низкого уровня национальной (гражданской) идентификации представляет серьезную угрозу и является показателем потенциальной опасности.

Полиэтничность служит если не реальным, то потенциальным фактором нестабильности в условиях социального кризиса или переходного периода. Сама по себе она может и не оказывать дестабилизирующего воздействия на политическую систему.

К потенциальным угрозам безопасности Сибирского региона необходимо отнести и субъективные факторы социо-психологического и исторически обусловленного характера. Например, буряты в Сибири до недавнего времени имели три автономии — Республику Бурятия, Усть-Ордынский Бурятский и Агинский Бурятский автономные округа. При этом этнос до сих пор помнит ситуацию конца 30-х гг. XX в., когда под знаменем борьбы с панмонголоизмом этнос был фактически лишен национальной элиты и единого государственно-национального субъекта. Тува всего 60 лет назад была самостоятельным государством. Кроме того, до сих пор существует проблема внутренних границ Сибири.

В долгосрочной перспективе для Сибирского региона и ее этносистемы потенциально опасной является угроза демографического давления со сто-

---

роны Китая. Китайская цивилизация всегда была поглощающей — за свою многовековую историю она ассимилировала более 130 этносов. По последним данным ханьцев в мире насчитывается более 1400 млн человек. Существует угроза потери значительных исконно российских регионов де-факто.

В связи с этим П.В. Чернов прямо указывает, что расширение междоцивилизационных зон за счет российской территории представляется весьма опасным, наглядным примером может служить «скрытая колонизация» российского Дальнего Востока, где общее количество китайцев уже сопоставимо с числом коренных жителей¹. Конечно, эти цифры вызывают сомнения. Однако бесспорно и то, что неконтролируемая миграция китайцев и иных представителей на Дальний Восток и в Сибирь — это реальная угроза этнобезопасности этих суперрегионов, имеющих геополитическую значимость для России.

Таким образом, в основе угроз этнобезопасности Сибири как регионального сообщества лежат следующие причины: внутривосточные, внешнеполитические, экономические, социальные, культурные, религиозные, исторические, социально-психологические, а также инерционные предпосылки, такие как фактор ответных реакций и фактор автономизации инструмента этнополитики.

Вместе с тем этнополитическую стабильность в полиэтничной Сибири можно объяснить априорной толерантностью сибирских этносов, которая сложилась исторически на основе верований и этнических традиций. У большинства сибирских этносов в основе верований и принципов социального общежития лежит представление о единстве всего сущего, о единстве людей в единой системе Природы. Важно отметить, что традиционная духовная культура этносов, исконно проживавших на территории Сибири, и сегодня может содействовать обеспечению этнической толерантности и достижению баланса взаимоотношений между представителями разных этнических общностей и играть позитивную роль в этнополитических процессах.

П. Сорокин подчеркивал всю утопичность и негуманность применения национального принципа в политической практике, например, в качестве критерия для будущего переустройства европейской карты — «мелкие национальности будут принесены в жертву крупным»².

Этнические проблемы способны в определенных условиях влиять на уровень этнополитической безопасности на региональном уровне, значительно изменяя характер развития политических процессов и политических институтов. Следовательно, задача политического управления заключается прежде всего в недопущении перехода естественных процессов мобилизации и политизации этничности в конфликтогенный и деструктивный характер. В условиях полиэтничности, поликонфессиональности и значительной этнической черезполосицы Сибири именно конфликтогенный характер мобилизованной этничности является наиболее реальным и значимым вызовом по отношению к ее безопасности в геостратегических, национальных, региональных и локальных измерениях.

---

¹ См.: Чернов П.В. Указ. соч. С. 34, 64.

² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 251.

А.А. Кружевникова,
*соискатель Балтийского государственного
технического университета «Военмех»
им. Д.Ф. Устинова*

Теоретическое обоснование роли бюрократии при изучении малого бизнеса как субъекта политики

Академик В.О. Ключевский писал, что «бюрократия есть сила, утратившая цель своей деятельности и потому ставшая бесцельной, но не переставшая быть сильной». Буквально же термин «бюрократия» переводится как господство канцелярии (от фр. bureau — бюро, канцелярия и греч. — господство, власть). В принципе, бюрократия — достаточно полезная для общества структура, она изначально рассматривалась как система различных учреждений и корпораций, призванных быть посредниками во взаимоотношениях различных институтов общества и действующих в их интересах. Сегодня в политической науке очень часто разграничивают понятие «бюрократия» и «бюрократизм». Если первое сохранило свое первоначальное значение и обозначается как «рациональная бюрократия», то второе имеет негативный оттенок и представляется как монополия чиновников на функции управления, характеризующаяся чрезмерным разрастанием и безответственностью исполнительной власти, то есть так называемая «иррациональная бюрократия». Академик РАН Л.И. Абалкин называет бюрократизм продуктом не государства, а чиновников и считает, что именно чиновники сегодня торпедируют проведение рыночных реформ¹.

Очевидно, что рациональная бюрократия — обязательный элемент любого государства как формализация деятельности аппарата управления, в то время как без постоянной, настойчивой и последовательной борьбы с бюрократизмом решение многообразных задач по реформированию нашего общества практически невозможно.

Излишние административные барьеры и произвол чиновников — одна из наиболее серьезных проблем, препятствующая существованию малого бизнеса. Поскольку большое внимание сегодня уделяется построению моделей взаимоотношения власти и бизнеса, путям их совершенствования, мотивации самого малого бизнеса в отстаивании перед властью своих интересов путем создания представительских институтов гражданского общества, то совершенно понятна роль и аппарата бюрократии в указанных взаимоотношениях. Поэтому изучение малого бизнеса с позиции субъекта политики необходимо вести, по нашему мнению, также с учетом различных модификаций теории бюрократии.

Так, известный австрийский исследователь Л. фон Мизес считает, что для понимания сущности феномена бюрократии важно использовать это понятие как ценностно-нейтральное. Бюрократия — необходимый элемент цивилизации, объективно возникающий для осуществления управленческих функций,

---

¹ См.: *Абалкин Л.И.* Возвращение в политическую экономию // ЭКО. 2009. 1. С. 147.

для координации и реализации политических решений¹. С этих позиций он разграничивает частнохозяйственную и государственную сферы. Консолидируя субъективизм и рационализм, ученый отрицает применимость методов естественных наук к анализу экономических явлений. Однако вопреки оценкам и прогнозам Л. Фон Мизеса, и в частном бизнесе наблюдается постоянный рост бюрократии, а рынок отнюдь не гарантирует общества без уродливых проявлений бюрократизма. Л. Фон Мизес справедливо полагал, что «замена докапиталистических методов экономического хозяйствования свободным капитализмом увеличила население и небывало повысила средний уровень жизни. В наши дни нация тем больше процветает, чем меньше она препятствует духу свободного предпринимательства и личной инициативы»². В связи с этим ученый делает вывод, что народ США преуспевает больше других народов именно потому, что его правительство позже, чем правительства других стран «начало проводить политику утеснения бизнеса»³. Вместе с тем бесспорно, что расширение вмешательства государства в социально-экономическую сферу действительно сопровождается усилением бюрократизма⁴.

К. Маркс, творчески развивая идеи Г.В.Ф. Гегеля, также считал бюрократию одним из элементов управления государством. Однако при этом он резко критиковал Гегеля за то, что тот совершенно не рассматривает *содержание* бюрократии, а дает только общие определения ее формальной организации, описание преимущественно внешних форм ее бытия. Маркс же полагал, что бюрократия — это паразитический социальный слой, который в обществе, раздираемом антагонистическими противоречиями, использует их в своих эгоистических интересах путем создания таких рамок социального действия, при которых происходила бы легитимизация господства данного слоя⁵. Поэтому одной из задач бюрократии является мнимое сглаживание остроты конфликта в обществе путем представления своих узкокорыстных стремлений в качестве всеобщего интереса.

Таким образом, бюрократия, призванная объединять, разделяет и властвует. Маркс объяснял это внутренней разобщенностью общества, когда отдельная корпорация нуждается в бюрократии как противовесе другой корпорации, чуждому особому интересу. При этом бюрократия не просто представляет государство, но выступает как особая корпорация, как особое замкнутое общество в государстве: «Корпорация представляет собой материализм бюрократии, а бюрократия есть спиритуализм корпораций. Корпорации составляют бюрократию гражданского общества, а бюрократия же есть корпорация государства. В действительности поэтому бюрократия противопоставляет себя — как "гражданское общество государства" — корпорациям как "государству гражданского общества". Как только государство пробуждается к действительной жизни и гражданское общество, действуя по

¹ См.: Мозес Л. Фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993. С. 40.

² Там же. С. 232.

³ Там же.

⁴ См.: Бурханов Р.А., Коган Л.Н., Руденкин В.Н. Очерки политической теории. Нижневартовск, 1994. С. 90.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Собр. соч. Т. 1. С. 269–270.

побуждению своего собственного разума, освобождается от власти корпораций, бюрократия старается восстановить их, ибо с падением "государства гражданского общества" падает также "гражданское общество государства"»¹.

Таким образом, согласно Марксу бюрократия есть явление негативное. Одним из ее основных признаков является некомпетентность — «верхи полагаются на нижние круги во всем, что касается знания частных; нижние же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, взаимно вводят друг друга в заблуждение»².

Некомпетентность является следствием пороков социальной системы (в случае Маркса — капиталистической), когда технологически оправданная безличность отношений искажается частнособственническим характером общественных отношений, то есть когда государственные задачи превращаются в канцелярские, и наоборот³.

Его оппонент М. Вебер рассматривал бюрократию как положительное явление. Однако преимущества «идеального типа», на которые он указывал, могли обернуться недостатками, а функции бюрократии в обществе зачастую становились дисфункциями⁴. Последователи М. Вебера, отдавая ему должное, подвергали критике идею рациональности бюрократической организации, показав, что эта рациональность является весьма ограниченной. Кроме этого, принципы, предложенные М. Вебером, не универсальны и неприемлемы для организаций различного вида и масштаба. Наконец, сведение бюрократии только до уровня механизма управления означает, что и решение проблем, с нею связанных, может быть только техническим, а не политическим, хотя, как правило, бывает наоборот.

Позиция К. Мангейма по вопросу бюрократии во многом отличалась от точки зрения М. Вебера (хотя его идеи во многом развивали веберовские). Согласно К. Мангейму, политические воззрения реальных субъектов действия всегда релятивны и односторонни. Однако эту свою односторонность каждый из противоборствующих субъектов стремится выдать за абсолютную истину⁵. Так происходит и с бюрократией, причем ее позиция зависит от социальных качеств бюрократии и места, занимаемого ее в обществе.

Основной мышления консервативной бюрократии, играющей в обществе центральную роль, является стремление преобразовать проблемы политики в проблемы теории управления и тем самым гипостазировать собственную сферу деятельности, сознательно игнорируя тот факт, что администрирование есть лишь часть всей политической действительности. При этом используется даже иррациональная сфера мышления, которую бюрократия стремится ввести в рамки повседневной государственной жизни и сделать частью идеологии⁶.

Все рассмотренные выше авторы, рассматривая и изучая негативные и позитивные качества бюрократии, были каждый по-своему правы в частностях. Однако теории бюрократии, в которой был бы дан анализ

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 270.

² Там же. Т. 1. С. 272.

³ См.: Там же. С. 271.

⁴ См.: Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.

⁵ См.: Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 673.

⁶ См.: Там же. С. 102–103.

взаимодействия и противоречий бюрократии как типа власти, в том числе и над малым бизнесом, и как типа организации, они не создали.

Такая попытка была предпринята французским социологом М. Крозье. Он считал, что главной составляющей кризиса современного общества является бюрократический кризис. Однако, по его мнению, проблема бюрократии еще не получила должного разрешения и остается идеологическим мифом нашего времени¹. М. Крозье считает, что, рассматривая различные стороны явления бюрократии, ученые не уделяли необходимого внимания его двойственности, которая в имплицитном виде намечается уже в работах М. Вебера. С одной стороны, развитие бюрократических процессов в различных сферах деятельности есть проявление рациональности, поэтому бюрократия выше других форм организации. С другой стороны, бюрократические организации процветают благодаря своим отрицательным качествам и прежде всего, нивелировке своих членов и низведения их до уровня винтиков.

В связи с этим М. Крозье рассматривает три современные трактовки бюрократии, особое внимание уделяя одной из них, трактующей бюрократию как дисфункцию, то есть распространение рутинных и тормозящих инициативу процедур. Это обусловлено анахроничностью современных средств регуляции и контроля. Однако дисфункция — это не отклонение, а конституирующее свойство современных бюрократических организаций. Они сохраняют и усиливают бюрократию: «Бюрократическая система организации — это такая, в которой дисфункции стали главным элементом равновесия»². Дисфункции, по мнению М. Крозье, возникают в ряде государств (в том числе и в России) с определенным типом власти и бюрократической моделью управления («архетипом управления»), где сочетаются официальный иерархический и «параллельный» типы власти. Первый тип опирается на рациональные аспекты бюрократии в веберовском понимании и проявляется в тенденции регламентации поведения человека в максимально возможном числе ситуаций. Второй тип развивается тогда, когда поведение людей трудно предвидеть, в так называемых «областях неопределенности». Он является симптомом разрушения формальных государственных структур и их неспособности справиться с возникающей ситуацией. «Параллельный тип» берет эту функцию на себя. Тем самым он, осваивая все большее число сегментов общества, усиливает растрату ресурсов в государственной бюрократической системе, чем усиливает ее кризис.

Как это ни парадоксально, но, будучи явлением дисфункциональным, «параллельная власть» становится условием укрепления бюрократии в качестве ее латентной функции (то есть функции коррекции и адаптации структуры к внешним трансформациям). Постепенно «параллельная власть» становится государственной, и, в свою очередь, в противовес ей снова возникает «параллельная власть». М. Крозье называет это «бюрократическим порочным кругом», выделяя при этом ряд признаков подобных кругов.

Первый из них — это безличность бюрократической модели. Она предполагает выработку как можно большего числа правил, регламентирующих функции людей во всех мыслимых ситуациях. Таким образом, сущность этого

---

¹ См.: Crozier M. *Le phenomene bureaucratique*. Paris, 1963. P. 234.

² Ibid. P. 257.

признака — полная ликвидация инициативы индивидов. В такой системе роль руководителя сводится к формальному контролю за применением правил, вследствие чего он теряет реальную власть над подчиненными. Они, в свою очередь, также лишены возможности влиять на вышестоящие органы.

Второй признак — централизация власти по принятию решений. Это означает создание дистанции между тем уровнем, на котором эти решения принимаются, и тем, на котором они воплощаются в жизнь. Тем самым резко возрастает степень защищенности более высоких бюрократических уровней.

Третий признак — это стратификация. Она предполагает возможно более полную изоляцию иерархических категорий друг от друга. Тем самым устраняется возможность взаимного давления подчиненных и руководства. Таким образом, бюрократическая организация оказывается состоящей из слоев, разделенных барьерами и мало связанных между собой. Их объединяет только кастовость, существующая как внутри каждой из страт, так и в бюрократической иерархии в целом.

Изолируясь внутри себя, бюрократия отчуждается и от остального общества, что способствует возникновению «источников неопределенности», и их становится тем больше, чем сильнее бюрократическая структура. Фактически, укрепляясь, она создает и развивает параллельный тип власти. Это четвертый признак «бюрократического порочного круга». При этом трансформация «параллельной власти» в государственную затрагивает практически все сферы жизнедеятельности общества. Такой тип социального изменения М. Крозье называет «бюрократическим режимом развития». Он предполагает преобразование всей социальной структуры в целом, причем только тогда, когда дисбаланс в ней достигает глобальных размеров¹.

Однако последующая реконструкция общественных отношений вновь приводит к усилению бюрократии. Возникает «новое бюрократическое равновесие», состоящее из длительных периодов стабильности и затем мгновенной трансформации в виде взрыва или мощной деформации, меняющей бюрократические персоналии, ряд правил, одиозные группы политического режима, но оставляющей без изменений (и даже укрепляющей) саму бюрократическую организацию.

При этом с малыми предпринимателями как отдельными индивидами в ситуации быстрой социальной деформации происходит то, что М. Крозье назвал «кризисом идентичности». Под ним он подразумевал утрату прежде существовавших социально-психологических и нравственных ориентиров и потерю психологического равновесия, то есть фактически переход в маргинальный слой общества. Вслед за датским ученым Э. Эриксоном М. Крозье выделял «персональную идентичность» — стремление индивида к сохранению психологической самоидентичности, и «коммунальную идентичность», то есть включенность индивидуального бытия в некоторую человеческую общность и разделение с ней господствующих социальных ценностей на определенном этапе человеческой истории².

Говоря о реально существующих типах бюрократии, М. Крозье выделяет три ее разновидности:

¹ См.: *Crozier M. Op. cit. P. 257–258.*

² См.: *Ibid. P. 258.*

---

1) бюрократия, зависящая от потребителя и руководствующаяся его интересами (часть крупных предпринимателей, администрации заводов, учреждений). Она, в силу своего положения, должна быть относительно прогрессивной;

2) бюрократия, зависящая от политических лидеров;

3) корпоративная бюрократия, независимая ни от потребителя, ни от лидера. Ее главная задача — расширение собственного влияния¹.

По мнению М. Крозье, третий тип бюрократии был присущ России, где практически всегда доминировал бюрократический режим развития, а его конституирующим свойством была дисфункция, то есть распространение рутинных и тормозящих инициативу и самостоятельность процедур, а также тотальное внедрение мифологии, отвечающей интересам данного режима. В такого рода государствах наряду с функционированием официальной иерархической власти в латентной форме существовала и «параллельная власть», внедряющая в общество свой вариант политической мифологии.

Когда дисбаланс в официальной системе достигает глобальных размеров, происходит ее трансформация, причем функции управления берет на себя «параллельная власть», переходя из латентной формы в открытую и тем самым конституируясь в качестве официальной. При этом социальная структура может подвергнуться радикальным изменениям. Возникающая в противовес новой официальной власти «параллельная» отнюдь не формируется только из остатков прежней официальной власти, но может носить инновационный характер.

Личность в такого рода бюрократическом хороводе периодически маргинализуется, стремясь при этом как можно быстрее обрести утраченную «коммунальную идентичность» (пусть даже иллюзорную) и включиться в новую социальную общность, пусть даже путем отказа от прежних норм и ценностей и принятия новой социальной нормы, предлагаемой пришедшими к власти субъектами политического действия.

С.П. Перегудов в свою очередь констатирует сосуществование в современной России двух разнородных подсистем — государственно-бюрократической и свободно-рыночной — как конвергенцию. Ученый считает, что это образование является уникальным и не имеет аналогов в мире². Он анализирует «политические полномочия» каждой из подсистем, условия и механизмы их сосуществования и приходит к выводу о необходимости согласованности между ними³.

Таким образом, очевидно, что любая система управления в той или иной степени несет в себе элементы бюрократических отношений. На примере малого бизнеса также отчетливо видно, что свою деятельность государство реализует через многочисленный слой чиновников. Со временем они обретают колоссальную силу, формируя свои (отличные от государства как такового) интересы и могут существенно деформировать прогресс, а борьба с произволом чиновников была и остается одной из приоритетных задач общества. Безусловно, каждый

---

¹ См.: *Crozier M.* Op. cit.

² См.: *Перегудов С.П.* Стратегия взаимодействия бизнеса с заинтересованными сторонами // Отчет о социальных инвестициях крупных корпораций: Ассоциация менеджеров. М., 2008. С. 312.

³ См.: *Его же.* Конвергенция по-русски: «золотая середина» или остановка на полпути // Полис. 2008. 1. С. 45.

государственный служащий — в той или иной мере бюрократ. Однако, как верно заметил профессор кафедры государственной службы и кадровой политики РАГС при Президенте РФ В. Смольков, из этого вовсе не следует, что для уничтожения бюрократизма необходимо уничтожить государственную службу, профессиональный аппарат власти или управления. Такая идея ошибочна и малопродуктивна¹.

¹ См.: Смольков В.Г. Малое предпринимательство в России как общественное явление // Соц.-гуман. знания. 2007. 2 С. 146–162.

О.Н. Жильцова,
*соискатель Саратовского государственного
университета имени Н.Г.Чернышевского*

Некоторые аспекты реформы исполнительной власти в России, проводившейся в 2006–2008 годах

Процесс административных преобразований и в России, и в любой другой стране мира так или иначе связан с изменениями структуры исполнительной власти, приданием ее органам новой формы и попытками наделять правительственные учреждения новым сущностным содержанием. Не стала исключением и нынешняя административная реформа в Российской Федерации.

Преодолев к 2006 г. основные рудименты советской эпохи в управлении страной, проведя довольно серьезные трансформации административных органов, образованных в 1990-е гг., высшее руководство страны провело ряд реформ, основным результатом которых стало утверждение трехчленной модели исполнительной власти. Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»¹ функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию были сосредоточены в федеральных министерствах, функции контроля и надзора — в федеральных службах, функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом — в федеральных агентствах.

Возможно, недостатки имеющейся структуры власти обусловили необходимость продолжения ее трансформации. Поправки в Указ 314 не заставили долго себя ждать. Был принят ряд нормативных актов, которые вносили существенные изменения в первоначально задуманную конфигурацию исполнительной власти. Так, 3 октября 2005 г. был издан Указ Президента РФ 1158 «О внесении изменения в структуру федеральных органов исполнительной власти, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2004 г. 649 “Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти”»², в котором упраздняется Федеральное агентство по сельскому хозяйству, а его функции возлагаются на само Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Таким образом, наблюдается некоторое отступление от первоначальной идеологии административной реформы. Функции

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. 11, ст. 945.

² См.: Там же. 2005. 41, ст. 4119.

оказания государственных услуг и управления государственной собственностью оказываются в том же ведомстве, которое осуществляет выработку общей политики в определенной сфере (в данном случае — сельском хозяйстве).

В дальнейшем также проходила оптимизация структуры федеральных органов исполнительной власти. В частности, 27 марта 2006 г. был издан Указ Президента РФ 261 «О признании утратившими силу отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»¹.

Свидетельством того, что работа по отлаживанию механизма деятельности органов исполнительной власти велась перманентно, может также служить периодическое внесение в Указ 314 изменений относительно количества заместителей Председателя Правительства Российской Федерации. Так, 15 февраля 2007 г. вышел Указ Президента РФ 174 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»², увеличивший количество заместителей Председателя Правительства до 4 человек, в числе которых двое имели ранг первого заместителя. Помимо этого руководитель аппарата Правительства Российской Федерации также получил статус заместителя Председателя Правительства России.

Однако все эти изменения не затрагивали глубинных оснований утвержденной в 2004 г. структуры и системы федеральных органов исполнительной власти. Первым нормативным актом, в котором содержались существенные новшества, стал Указ Президента РФ 1274 от 24 сентября 2007 г. «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти»³. Принципиально новым в данном Указе стало то, что наряду с федеральными министерствами, службами и агентствами в систему федеральных органов исполнительной власти были включены государственные комитеты.

Государственный комитет является федеральным органом исполнительной власти, который в установленной для него сфере деятельности осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом, если это предусмотрено положением об указанном федеральном органе исполнительной власти. Руководитель государственного комитета вносит в Правительство Российской Федерации проекты нормативных актов Правительства Российской Федерации по вопросам, отнесенным к полномочиям Правительства Российской Федерации, представляет предложения по формированию проекта федерального бюджета в части, касающейся сферы деятельности государственного комитета, а также пользуется иными правами федерального министра, предусмотренными указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации.

Таким образом, государственный комитет фактически сочетает в себе все функции и направления деятельности, которые свойственны и министерствам, и службам, и агентствам. По нашему мнению, это существенный

---

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. 14, ст. 1509.

² См.: Там же. 2007. 8, ст. 978.

³ См.: Там же. 2007. 40, ст. 4717.

отход от первоначальных замыслов административного реформирования, поскольку создание госкомитетов стало возвратом к тому типу ведомств (которые сами определяли для себя цели, сами их выполняли, и сами же себя контролировали), искоренение которых и стало одной из основных идей реформы. Названным Указом были созданы два государственных комитета — по рыболовству и по делам молодежи.

Кроме того, Указ от 24 сентября 2007 г. касался также увеличения числа заместителей Председателя Правительства РФ до пяти, из которых двое имели ранг первого заместителя. Руководитель аппарата правительства и министр финансов также получали статус вице-преьера.

Дальнейшее структурное реформирование системы исполнительной власти в России связано с вступлением в должность вновь избранного Президента Российской Федерации Д.А. Медведева. В соответствии с требованиями законодательства Президент РФ 12 мая 2008 г. издал Указ 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти»¹, закрепляющий число заместителей Председателя Правительства, равное семи, что соответствует ранее принятым нормативным актам. Принципиальные изменения касались образования новых и ликвидации старых ведомств. Так, совсем недолгой оказалась история Государственного комитета по делам молодежи и Государственного комитета по рыболовству. На их базе были созданы Федеральное агентство по делам молодежи, которое вошло в состав вновь образованного Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, и Федеральное агентство по рыболовству, вошедшее в Министерство сельского хозяйства. В составе Министерства иностранных дел появилось Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств. Реорганизации также подверглись Министерство информационных технологий и связи, Министерство культуры и массовых коммуникаций, Министерство природных ресурсов, Министерство промышленности и энергетики, Министерство экономического развития и торговли. На их базе были созданы новые министерства, в которые вошли создаваемые и преобразованные федеральные агентства и службы.

Еще одним нововведением стало окончательное закрепление верховной роли министров исполнительной иерархии. Согласно Указу 724 от 12 мая 2008 г. федеральные министры наделены правом давать руководителям федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных соответствующим федеральным министерствам, обязательные для исполнения указания; приостанавливать в случае необходимости решения таких федеральных служб и федеральных агентств (их руководителей) или отменять эти решения, если иной порядок их отмены не установлен федеральным законом.

Однако и после принятия Указа процесс оптимизации структуры исполнительной власти в Российской Федерации не остановился. Так, 14 октября 2008 г. Президент Д.А. Медведев подписал Указ 1476 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. 724 “Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти”»², кото-

---

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. 20, ст. 2290.

² См.: Там же. 42, ст. 4788.

рым увеличил число заместителей Председателя Правительства Российской Федерации с семи до восьми человек.

Несмотря на то, что основная волна структурной реорганизации российской исполнительной власти закончилась на первом этапе административной реформы, в 2006–2008 гг. продолжались реорганизационные мероприятия, мало соответствующие первоначальному замыслу реформы. Речь идет о непоследовательной реализации идеи «политически сильных» министерств при минимизации роли главы Правительства, аппарата Правительства, которая вновь стала определяющей, как и роли «промежуточных» управленческих звеньев, осуществляющих координацию госполитики (вице-премьеры, заместители министров).

Следующей характерной чертой структурных изменений стало продолжающееся переподчинение ряда ключевых служб и агентств главе Правительства. Как замечают некоторые авторы административной реформы, это является следствием не только политических амбиций премьер-министра, но и неурегулированности всего надзорного механизма, выстроенного в процессе реформы, когда получившие в подчинение контрольно-надзорные службы федеральные министерства превратились в «мини-правительства»¹. М. Дмитриев признает, что «подготовка решений в сфере надзора и контроля не доведена до конца, ... она была начата позже, чем работа над трехуровневой структурой». В связи с этим он предлагает уменьшить число контрольно-надзорных органов, укрупнить их, подчинить их все напрямую главе Правительства².

Стоит заметить, что подобные структурные манипуляции с соответствующими для управляемости и эффективности работы исполнительных органов последствиями в конечном счете становятся возможными в силу господства усмотренческого подхода при формировании структуры федеральных органов исполнительной власти Президентом РФ. Выход видится в постепенном переходе к законодательно закрепленному статусу системы органов федеральной исполнительной власти. Система и структура, статус и полномочия федеральных органов исполнительной власти, по нашему мнению, должны закрепляться законом Российской Федерации.

Тем не менее мы считаем, что в принципе административное реформирование, в том числе появление одних ведомств и упразднение других, перераспределение функций между ними, является нормальным политическим процессом современного общества. Постоянная «настройка» административных структур, поиск наиболее удачных форм организации исполнительной власти абсолютно естественны. Исходя из ситуационного понимания административной действительности, оптимальных структур не существует, а государственное администрирование должно быть организовано таким образом, чтобы оно соответствовало сложности и динамике современного общества. Поэтому гораздо опаснее, если государственное управление будет идти вразрез с общественными потребностями. Мы рискуем вновь оказаться в ситуации, при которой потерпела крах административная машина Советского Союза, когда старая модель государственного управления оказалась непригодной для ответа на вызовы времени.

¹ См.: *Одноколенко О.* Реформа как предчувствие // *Итоги.* 2007. 12 февр.

² См.: *Камакин А.* Дежурный по реформам // *Итоги.* 2004. 15 июня.

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ИНСТИТУТ ПРАВА САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА •

А.Е. Пилецкий,
*доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой Института права
Самарского государственного
экономического университета*

**Институт права Самарского государственного
экономического университета**

Институт права Самарского государственного экономического университета (СГЭУ), созданный в 2001 г., являющийся правопреемником учетно-экономического, экономико-правового и юридического факультетов, осуществляет подготовку студентов по специальности «Юриспруденция» более 17 лет (с 1992 г.).

Первоначально подготовка осуществлялась только по специализации «Правовое обеспечение хозяйственной деятельности». С 1992 по 1995 г. подготовка юристов осуществлялась в рамках учетно-экономического факультета, в 1995–1999 гг. — в рамках экономико-правового факультета. В 1999 г. экономико-правовой факультет был преобразован в юридический факультет (декан — кандидат философских наук, доцент Костин В.И.).

В 2001 г. юридический факультет был преобразован в Институт права, директором которого до августа 2008 г. являлся доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный юрист РФ Владимир Михайлович Ведяхин (1948–2008 гг.). В.М. Ведяхин внес огромный вклад в дело становления, организации и развития подготовки юристов в Самарском государственном экономическом университете, научных кадров для Института права.

С 2008 г. директором Института права является доктор юридических наук, профессор Алла Александровна Павлушина, одновременно возглавляющая кафедру гражданского и арбитражного процесса в СГЭУ и Самарское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Заместитель директора Института по учебной работе — В.И. Костин; по научной работе — кандидат исторических наук, доцент Г.А. Третьякова.

С 2000 г. помимо подготовки по специализации «Правовое обеспечение хозяйственной деятельности» в Институте права проводится подготовка юристов по специализации «Борьба с преступлениями в сфере экономики», а с 2005 г. — и по специализации «Таможенное право». Подготовка студентов по всем трем специализациям осуществляется по очной и заочной формам обучения, а также на факультете второго высшего и дополнительного образования.

В течение последних двух лет в Институте права осуществляется подготовка юристов-бакалавров (2008–2009 гг.). В 2009 г. осуществлен первый набор юристов-магистрантов.

В состав Института права входят следующие правовые кафедры:

кафедра теории и истории государства и права, заведующий — кандидат юридических наук, доцент В.В. Болгова;

кафедра государственно-правовых дисциплин, заведующий — доктор юридических наук, доцент С.Н. Ревина;

кафедра гражданского и предпринимательского права, заведующий — доктор юридических наук, профессор А.Е. Пилецкий;

кафедра гражданского и арбитражного процесса, заведующий — доктор юридических наук, профессор А.А. Павлушина;

кафедра уголовно-правовых дисциплин, заведующий — кандидат юридических наук, доцент И.Е. Милова;

криминалистическая лаборатория, функционирующая при кафедре уголовно-правовых дисциплин.

Кроме того, в состав Института права входят две общеобразовательные кафедры:

кафедра философии, заведующий кафедрой — доктор философских наук, профессор А.Д. Еляков;

кафедра социально-политических наук, заведующий — доктор философских наук, профессор Ю.А. Ургалкин.

При Институте права функционируют Центр правовых исследований (директор — кандидат юридических наук, доцент В.В. Болгова), а также редакция научно-теоретического журнала «Актуальные проблемы правоведения», зарегистрированного в Минпечати РФ, включенного в каталог подписных периодических изданий (главный редактор — доктор юридических наук, профессор А.Е. Пилецкий).

Выпускники Института права успешно работают в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных органах, таможенных органах, в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, в прокуратуре, следственных комитетах при прокуратуре, органах МВД, ФСБ, федеральной антимонопольной службе России, в различных вузах и коммерческих организациях.

З.Н. Курдюкова,

кандидат юридических наук, доцент

*Института права Самарского государственного
экономического университета*

59

Теоретические проблемы политической формы современного государства

Категория «форма государства» представляет собой одну из важнейших содержательных характеристик государствоведения. Форма отражает наиболее общие признаки определенного класса явлений, способы организации конкретных явлений, в данном случае — государства.

Форма правления (политическая форма государства) представляет собой тот элемент формы государства, который раскрывает организацию верховной государственной власти, правовой статус высших органов государства, принципы взаимоотношений между ними, степень участия населения в формировании этих органов. Именно этот элемент структуры формы государства вызывает особый научный интерес.

Современные политические процессы требуют пересмотра многих теоретических конструкций в этой области правовой науки и практики. Так, невозможно провести различие между отдельными формами государства, руководствуясь только количественным критерием. В связи с этим еще в конце девятнадцатого века известный русский юрист Н.М. Коркунов писал, что если под «правлящими понимать тех, в чьих руках сосредоточено все распоряжение государственной властью, а другие учреждения являются лишь содействующими им или действующими по их полномочию, то под определение монархии как власти одного лица подойдет только неограниченная, абсолютная монархия», ибо «в конституционной монархии парламент не содействует только монарху и не от него получает свои полномочия»¹.

Напротив, «являясь самостоятельным органом и опираясь на полномочия, данные ему народом, парламент всячески ограничивает монарха». Если же «под правящими подразумевают тех, в чьих руках сосредоточено не все распоряжение властью, а только функции так называемой исполнительной власти, тогда большинство современных республик, имеющих единоличного главу исполнительной власти, президента, окажутся подходящими также под определение монархии».

В тоже время, «под определение демократии как правления всех не подойдет в сущности ни одно действительно существующее государство, так как нигде к участию в осуществлении функций власти не допускается все без исключения население»². Таким образом, делается вполне справедливый вывод о том, что количественный критерий является далеко не совершенным и поверхностным.

Разграничение между монархической и республиканской формами правления видится не в наличии различных правящих лиц, а в их различном юридическом статусе. Это заметил еще 1912 г. другой русский ученый — Ф. Кистяковский. В своих трудах он всячески подчеркивал, что «юридическое различие между монархией и республикой нужно искать не в компетенции правительственной власти, а в ее организации, именно, в юридическом положении носителя этой власти»³.

Различие между монархией и республикой по критериям выборности, коллегиальности, краткосрочности, подотчетности также весьма условно. Так, выборы монарха не составляют исключения, а коллегиальность в республике характерна далеко не для всех государственных органов. При противопоставлении монархии и республики имеют в виду монархию реальную, прежде всего абсолютную, которая сложилась в период позднего

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1898. С. 255.

² Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 256.

³ Кистяковский Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 298.

феодализма и действительно являлась противоположностью республике¹. Реальные монархии характерны для «доиндустриального» общества, а для «индустриального» — характерны республики и номинальные монархии, сохраняемые как дань традиции во многих наиболее развитых странах. О номинальных, то есть конституционных монархиях, трудно говорить как о полной противоположности республиканской формы правления.

Деление политических форм государства на монархии и республики является первой и самой общей их классификацией. Глубокое и разностороннее исследование форм правления требует дальнейшего их подразделения на отдельные виды и подвиды. Интересным, например, представляется мнение некоторых ученых о том, что каких-либо существенных различий между парламентарной монархией и парламентской республикой (а то и республикой вообще) не существует. «В развитых странах различия между монархией и республикой практически не имеют значения: по степени демократизации порядка управления монархия Великобритании мало чем отличается от республики Франции»². При этом парламентарные монархии и парламентские республики рассматриваются как варианты одной и той же формы правления, объединяются в одном понятии — «парламентарные страны» или «страны с парламентарной формой правления»³.

Отдавая должное схожести этих разновидностей форм правления, подобное объединение все же представляется не совсем верным. Современная парламентарная монархия, несмотря на свой демократический характер и республиканские черты, являет собой пример эволюционного развития абсолютной монархии и сохраняет в своей структуре номинального главу государства, чьи полномочия носят бессрочный характер и передаются по наследству.

В странах с парламентарной монархией государственное развитие пошло по пути сокращения полномочий монарха в сфере государственного управления и передачи их другим выборным государственным органам. Несмотря на известную архаичность, институт монархии обладает достаточной гибкостью и приспособлен к условиям постиндустриального общества. Это связано с тем, что монархия в развитых странах давно превратилась в символ преемственности исторических традиций, наглядное воплощение идеи национальной государственности, непрерывности ее существования.

Республиканская форма правления — самая распространенная в современном мире. Общеизвестно традиционное подразделение современных республик на парламентские и президентские. Основанием такой классификации является ответ на главный вопрос государственно-правовой практики: кто возглавляет исполнительную власть? Главой исполнительной власти в президентских республиках является президент, в парламентских — глава правительства. Однако время вносит в эту классификацию свои коррективы, что в свою очередь порождает научно-практические дискуссии.

---

¹ См.: Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999. С. 596.

² Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения. М., 1997. С. 119.

³ См.: Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999. С. 599.

Так, в юридической литературе называются и другие разновидности республик — например, президентско-партократическая, президентско-клерикальная, президентско-монархическая¹. Представляется, однако, что эти термины употребляются для характеристики особенностей политико-правового режима отдельных президентских республик. В отечественной юридической литературе можно также встретить утверждение о том, что в Конституции РФ установлена смешанная форма правления, призванная обеспечить стабильность и работоспособность правительства за счет его подконтрольности парламенту при усложненной процедуре объявления вотума недоверия президенту, учитывая его лидирующую роль в структуре органов власти².

В таком утверждении проявляется тенденция дополнения классификации республик на парламентские и президентские гибридными и смешанными формами правления — «полупрезидентскими» и «полупарламентскими» республиками³. В качестве аргумента обычно указывается на внедрение элементов парламентаризма в президентскую республику и «президентциализма» — в парламентскую. С такими суждениями трудно согласиться. Например, остается непонятным отличие республики «полупрезидентской» от «полупарламентской». Кроме того, избирательная компания 2007–2008 гг. показала явную тенденцию «подгона» государственной системы современной России под действующую Конституцию, из текста которой следует, что по структуре закрепленного в Основном законе государственного механизма формой правления Российской Федерации является парламентская республика.

Вместе с тем указанная проблема демонстрирует необходимость разработки новых научных подходов и новых классификаций, которые должны найти свое отражение в конституционных формулировках.

¹ См.: *Чиркин В.Е.* Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998. С. 275–278.

² См.: *Его же.* Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. 1994. 1. С. 111.

³ См., например: *Краснов М.А.* Россия как полупрезидентская республика: проблемы баланса полномочий (Опыт сравнительно-правового анализа) // Государство и право. 2003. 10; Керимов А.Д. Выражает ли парламент всеобщую волю? // Право и политика. 2003. 6.

А.П. Коробова,

*кандидат юридических наук, доцент
Института права Самарского
государственного экономического
университета*

К вопросу о соотношении понятия правовой политики со смежными юридическими категориями

Понятие правовой политики прочно укоренилось в общей теории государства и права в конце 90-х гг., однако проблема его определения до сих пор носит дискуссионный характер. Помимо термина «право-

вая политика» в юридической науке и практике широко используются и другие термины, включающие слово «политика»: «юридическая политика», «регулятивно-юридическая политика», «праворегулятивная политика», «правоохранительная политика», «правотворческая политика», «законодательная политика», «законотворческая политика», «правоприменительная политика».

В советском правоведении деятельность государства в сфере правового регулирования, то есть именно то, что мы подразумеваем под правовой политикой, обозначалась, как правило, термином «*юридическая политика*»¹. Нередко между этими двумя терминами ставился знак равенства. Так, один из виднейших советских правоведов Л.С. Явич отмечал, что наряду с экономической и социальной политикой, с политикой в области культуры и образования, здравоохранения и охраны среды обитания, в области обороны и внешних сношений, административного управления выделяется область, охватывающая всю нормотворческую и правоприменительную деятельность государственных органов, которую можно назвать правовой политикой государства. Ученый считал, что под правовой (юридической) политикой следует понимать принципы и важнейшие задачи, которые государство проводит в жизнь при издании и применении нормативно-правовых актов, в деятельности учреждений юстиции, в идеологическом воздействии на правосознание и правовую культуру населения².

В русском языке слово «юридический» толкуется как «имеющий отношение к праву, правовой»³. С этой точки зрения термины «правовая политика» и «юридическая политика» действительно являются синонимами. Вместе с тем первый из этих терминов более точен, и потому его использование предпочтительнее. Во-первых, понятие «юридическая политика» нуждается в дополнительных пояснениях, поскольку не содержит указаний на тот особый критерий, по которому, собственно, и выделяется данный вид политики, а именно, связь с правом, выработка и реализация в правовой сфере. Во-вторых, под юриспруденцией понимается «общественная наука, изучающая право как особую систему социальных норм, правовые формы организации и деятельности государства и политической системы общества в целом»⁴, «совокупность юридических наук»⁵, а также «деятельность юристов»⁶. Может сложиться неверное представление о том, что юридическая политика — это деятельность юристов.

Выражение «*регулятивно-юридическая политика*»⁷ дополнено указанием на функциональное назначение этой политики — регулировать социальные процессы в определенной сфере. Однако думается, что оно обладает теми же недостатками, что и рассмотренное выше.

¹ См., например: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 162 и др.; Куманин Е.В. Взаимодействие правовой и политической систем // Правовая система социализма: Понятие, структура, социальные связи / под ред. А.М. Васильева. М., 1986. Кн. 1. С. 118–149; Яковлев А.М. Уголовная политика и проблемы криминализации // Проблемы советской уголовной политики / отв. ред. А.И. Коробеев. Владивосток, 1985. С. 42.

² См.: Теория государства и права / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. Л., 1987. С. 101–102.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 793.

⁴ Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. М., 1984. С. 412, 414.

⁵ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 793.

⁶ Там же. С. 793.

⁷ См., например: Гулиев В.Е. Протодемократическая государственность: аксиологическая феноменология отчуждения // Право и политика. 2001. 5. С. 10.

Используемый некоторыми авторами термин «*праворегулятивная политика*»¹ представляется, с одной стороны, излишне перегруженным, а с другой — суживает возможности правовой политики. Ведь известно, что одной из важнейших функций права является регулятивная функция, то есть его способность регулировать общественные отношения, вносить упорядоченность в процессы, происходящие в обществе. Однако это только одна из функций права. По сути, праворегулятивная политика — это политика в сфере реализации регулятивной функции права.

Праворегулятивная политика могла бы быть дополнена так называемой «*правоохранительной политикой*»². Этот термин охватывает другую часть деятельности государства в правовой сфере, а именно — деятельность в сфере реализации охранительной функции права. Следовательно, по своей смысловой нагрузке он также значительно ограничен по сравнению с термином «*правовая политика*».

В последние годы широкое распространение как в теории, так и на практике получил термин «*правотворческая политика*».

По мнению А.П. Мазуренко, обстоятельно исследовавшего это явление, под правотворческой политикой как частью правовой политики следует понимать научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов и негосударственных структур, направленную на определение стратегии и тактики правотворчества. Правотворческая политика призвана создавать необходимые условия для эффективной правотворческой деятельности³.

Правотворческая политика представляет собой одно из направлений правовой политики государства. Правовая политика в целом — это деятельность государства, индивидов и их объединений в сфере правового регулирования, состоящая в выработке и реализации правовых идей стратегического характера. Правотворческая политика обособляется по сфере своего приложения (наряду с правоприменительной, правоинтерпретационной и т.д.). Отсюда можно сделать вывод о том, что под правотворческой политикой следует понимать деятельность государства, индивидов и их объединений по выработке и реализации стратегических правовых идей в сфере правотворчества.

Нельзя не согласиться с С.В. Полениной в том, что правовая политика при всем многообразии характеристик и определений этого явления понимается и воспринимается в обществе в первую очередь именно как политика правотворческая. Она подчеркивает, что такое положение не случайно, поскольку, будучи закрепленной в преамбулах, определениях и статьях законов и иных нормативных правовых актах, правовая политика приобретает наиболее ясную и доступную населению для широкого обозрения и ознакомления форму⁴. В то же время правовая политика не может сводиться лишь к правотворческому направлению, определению стратегии и тактики правотворчества. Правовая политика, как отмечала еще Р.О. Халфина, — более широкое понятие, которое

¹ См., например: *Зеленукин А.А.* Повышение эффективности российского законодательства как одно из приоритетных направлений правовой политики // Правоведение. 1998. 1. С. 135.

² См., например: *Гулиев В.Е.* Указ. соч. С. 10.

³ См.: *Мазуренко А.П.* Правотворческая политика в Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 11.

⁴ См.: *Поленина С.В.* Правотворческая политика // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2003. С. 180.

определяет с политических позиций не только направление правотворчества и средства его реализации, но и другие элементы всей системы правового регулирования, политику в сфере юридических кадров и в сфере правовой информации. В условиях проведения политической и правовой реформ это понятие полностью доказало свою полезность и эффективность¹.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Конечно, в формировании правовой политики в целом и правотворческой политики в частности участвует и само государство, и иные субъекты политической деятельности. Однако в конечном счете правотворческая политика исходит от государства, именно государство придает ей весомость и значимость. Недостаточно выработать стратегию правового развития, ее необходимо также воплотить в жизнь. А для этого нужно располагать соответствующими возможностями. Например, Н.И. Матузов обоснованно выделяет такую существенную черту правовой политики: она подкрепляется, когда это нужно, силовым началом, принуждением². А кто, кроме государства, обладает правом на легитимное применение принуждения? А.В. Малько пишет: «Правовая политика — это политика эффективного использования государством юридических средств для решения определенных целей»³, «это деятельность государства по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокой правовой культуры общества и личности»⁴. А.П. Мазуренко, с одной стороны, указывает на то, что «система субъектов правотворческой политики включает в себя большой круг участников, перечень которых можно считать открытым», с другой — отмечает, что «основными субъектами правотворческой политики в современной России (как по количеству принимаемых правовых актов, так и по их правовому статусу) являются профессиональные парламенты, в том числе представительные (законодательные) органы субъектов Федерации»⁵.

Учитывая сказанное, не совсем удачно выглядит выражение «правовая политика субъектов РФ»⁶, так как речь идет фактически все о той же правовой политике государства, только осуществляемой не на федеральном, а на региональном уровне. А вот использование терминов «правовая политика государства», «правотворческая политика государства» представляется вполне оправданным.

¹ См.: Юрина Т.С. Проблемы теории права в трудах Р.О. Халфиной: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 22.

² См.: Матузов Н.И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Правоведение. 1997. 4. С. 8.

³ Малько А.В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999. С. 76.

⁴ Его же. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы: учебное пособие. М., 2000. С. 118.

⁵ Мазуренко А.П. Указ. соч. С. 16.

⁶ См., например: Демидов А.И., Малько А.В., Саломатин А.Ю., Долгов В.М. Политическая и правовая жизнь модернизирующегося общества. Пенза, 2002. С. 172, 174; Лопашенко Н.А. Правовая политика субъектов Российской Федерации: «круглый стол» во Владивостоке // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. 1. С. 205 и др.

Поскольку правовые идеи стратегического характера реализуются, в первую очередь, в форме законотворчества, выглядит обоснованным выделение *законотворческой политики*¹ как разновидности правовой политики государства. Это касается и другого термина того же ряда — «*законодательная политика*»².

Выделяя правотворческую политику, логично и последовательно выделить и *правоприменительную политику* как одно из направлений правовой политики государства³. Как пишет В.А. Рудковский, «универсальными формами становления и реализации правовой политики, которые, с одной стороны, выражают ее государственно-волевой характер, а с другой — особенности механизма правового регулирования и основных сфер юридической практики, являются правотворчество и правоприменение. И это позволяет говорить об аналогичных видах или направлениях правовой политики — правотворческой и правоприменительной»⁴.

Если правотворческая политика представляет собой деятельность по оптимизации процесса создания правовых норм, то правоприменительная политика государства, как справедливо подчеркивает Н.В. Путило, — «это в некотором роде организация процесса реализации права»⁵.

Таким образом, понятие правовой политики наиболее полно по сравнению со всеми рассмотренными понятиями позволяет охватить деятельность государства в сфере правового регулирования, описывает это явление.

¹ См., например: *Матузов Н.И.* Указ. соч. С. 10.

² См., например: *Нерсесянц В.С.* Право и закон. М., 1983. С. 68, 348; *Шульженко С.Т.* Особенности регионов России и проблемы законодательной политики: философско-правовой аспект // Правоведение. 1998. 1. С. 137; *Савиных М.Н.* Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине 19 — начале 20 веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 3 и др.; *Братановский С.Н., Вулах М.Г.* Законодательная политика в сфере спорта: сравнительно-правовой анализ // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. 4. С. 56 и др.

³ См., например: *Малько А.В.* Льготная и поощрительная правовая политика. СПб., 2004. С. 16. Подробнее о правоприменительной политике см.: *Рудковский В.А.* Правоприменительная политика: сущность и содержание: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997.

⁴ *Рудковский В.А.* Правоприменительная политика в структуре правовой политики Российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. 3. С. 37.

⁵ *Путило Н.В.* Правовая политика современного демократического государства // Социология права / под ред. В.М. Сырых. М., 2001. С. 142.

А.Ф. Галузин,

*кандидат юридических наук, доцент
Института права Самарского государственного
экономического университета, зам. прокурора
Самарской области,
старший советник юстиции*

«Опасность» как научная и правовая категория

Общественная опасность правонарушений, получив закрепление в нормах права, стала научной и правовой категорией. В данной статье обратим внимание на то, что понятие «общественная опасность», сложившееся

в юриспруденции, и понятие «опасность», разрабатываемое в теориях безопасности, взаимосвязаны и отражают различные аспекты содержания одного явления.

Содержание основной антитезы теорий безопасности «опасность — безопасность» раскрывается исследователями, прежде всего, исходя из толкований в словарях русского языка слов «опасность» и «угроза», предусматривающих два основных варианта: понимание и определение сущности опасности через угрозу и наоборот — опасность есть возможность и угроза¹, а угроза — опасность и возможность². Словарное или лексическое определение опасности является общепринятым, обоснованно признается исходным для научных определений. Оно позволяет проводить разнонаправленные поиски в военных, политологических, юридических и иных теориях безопасности общенаучного и частнонаучных определений опасности в контексте сложившихся в этих науках понятий. Представляется, что исследование опасности как самостоятельного и противоположного безопасности явления также связано с обоснованием опасности как самостоятельной научной и правовой категории.

В военно-политических исследованиях суть опасности определяют как гипотетическую или мнимую готовность соперника к нанесению ущерба национальным интересам³ и как потенциальную угрозу (совокупность субъективных намерений и непосредственную объективную возможность) причинения ущерба тем или иным социальным интересам, считая опасность стадией зарождения и насыщения противоречий, следующую за ней угрозой — готовностью (возможность + намерение) субъектов, а взаимосвязь и взаимозависимость «угрозы» и «опасности» — «системой факторов угрозы», в которой дестабилизирующие безопасность военные факторы располагают по степени риска (возможности мешать целям безопасности) в следующем порядке: риск, вызов (возможность противодействия), опасность, угроза⁴.

В исследованиях национальной безопасности и ее видов чаще ограничиваются использованием термина «угроза» в установленном ст. 3 Федерального закона «О безопасности» значении условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности общества и государства⁵. Выявляя разнovidности и перечни конкретных угроз, основное внимание уделяют разработке понятия национальной безопасности, ее видов, оснований, принципов, систем их обеспечения, методологии исследования национальной безопасности⁶. Аналогичный подход

¹ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. М., 2003. С. 453; *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка. М., 2007. С. 601.

² См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. соч. С. 825; *Ушаков Д.Н.* Указ. соч. С. 1093.

³ См.: *Манилов В.Л.* Национальная безопасность: ценности, интересы и цели // Военная мысль. 1995. 6.

⁴ См.: *Гацко М.* О соотношении понятий «угроза» и «опасность» // Обозреватель. 1997. 7. С. 24–29.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1992. 15, ст. 769.

⁶ См.: *Вознесенков А.В.* Национальная безопасность России: методология исследования и политика обеспечения. М., 2002; *Мирошниченко В.М.* Организации управления и обеспечение национальной безопасности РФ. М., 2002; *Мохов Е.А.* Организованная преступность и национальная безопасность России. М., 2002; *Общая теория национальной безопасности* / под общ. ред. А.А. Прохожева. М., 2002; *Правовая основа обеспечения национальной безопасности РФ* / под ред. А.В. Опалева. М., 2004.

использован в юридических теориях безопасности человека и субъектов российского права¹.

В юридических исследованиях проблем безопасности используются определения опасностей и их угроз, разработанные другими науками, прежде всего, предлагаемые общей теорией национальной безопасности, поскольку опасности и их угрозы являются единым объектом юридических и не юридических исследований проблем обеспечения видов национальной безопасности личности, общества, государства, за исключением теории правовой безопасности, выделяющей собственно правовые и юридические опасности нормативных правовых актов и их применения². В юридической литературе прослеживается как использование двух указанных словарных вариантов понимания и определения опасности, так и стремление выработать универсальное понятие опасности, охватывающее наиболее широкий перечень видов опасностей и угроз.

Так, в исследовании правовых основ экономической безопасности опасности определяют как объективно существующую возможность негативного воздействия на социальный организм, угрозу — как наиболее конкретную форму проявления социальной опасности, создаваемую целенаправленной деятельностью. При этом реализованность угрозы и наступление неблагоприятных экономических, политических, социальных последствий определяют как чрезвычайную ситуацию³. Однако введение в определение понятия «чрезвычайная ситуация», на наш взгляд, сужает объем понятия опасности тем, что не каждая ситуация, включающая наступление неблагоприятных последствий или фактически реализовавшейся опасности, может быть юридически оценена как чрезвычайная. Уравниванием *фактической опасности* с чрезвычайной ситуацией сужается не только объем понятия фактической опасности, но и объем определяемой ею потенциальной (возможность) и реальной (угроза) опасности. Категория «*фактическая опасность*» (реализованная нарушением опасность вредоносных последствий) была осмыслена значительно раньше теории безопасности уголовно-правовой теорией преступления, общей теорией правонарушения и в отраслевых юридических науках как «общественная опасность» преступления и правонарушения. В исследовании правовых основ обеспечения национальной безопасности предлагается отождествлять «угрозу» и «опасность», полагая, что эти термины являются синонимами, обозначающими возможность наступления нежелательных последствий и причинения вреда угрожаемым объектам⁴. Это определение, учитывая словарные толкования угрозы через опасность и наоборот, не принимает во внимание то, что опасность в словарях трактуют и как динамику возможности в угрозу, а угрозу — как предельную

¹ См.: Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции) // Безопасность человека: социальные и правовые основы. М., 2005; Фомин А.А. Юридическая безопасность субъектов российского права. Саратов, 2005.

² См.: Галузин А.Ф. Правовая безопасность и ее принципы. СПб., 2008. С. 41–48.

³ См.: Стрельников К.А. Правовые аспекты экономической безопасности современного Российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 11.

⁴ См.: Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / под ред. А.В. Опалева. М., 2004. С. 47.

опасность, превращаемую противодействием угрозе в возможность, где возможность — потенциальная, а угроза — реальная опасность, что исключает как отождествление опасности и угрозы, так и оценку опасности и угрозы только как возможности.

В теориях безопасности, несмотря на различие в научных определениях опасности элементов ее содержания и совпадение в абстрагированности от выражающего ее сущность собственно вредоносного элемента содержания опасности, все исследователи изначально рассматривают и в разной мере учитывают словарные определения содержания «опасности» и «угрозы», указывающие, во-первых, на ее потенциальную вредоносность; во-вторых, на динамику (движение, действие, развитие) опасности; в-третьих, на субъекты опасности как их движущую силу и источник всей динамики наряду с силами природных, социальных и иных явлений, избирая один из вариантов антитезы («опасность — безопасность», «угроза — безопасность»). При этом не всегда обращают внимание на их различия. Первый предполагает в структуре опасности возможность и угрозу, ее развитие за пределы опасности в новое качество — нарушение объектов безопасности. Второй вариативен: предполагает замкнутость динамики опасности в ее возврате из угрозы в состояние опасности-возможности или прекращения угрозы, что противоположно первому подходу; констатирует угрозу как состояние максимального развития опасности и в этом смысле равнозначность опасности и угрозы лишь в том, что угроза — это усеченная опасность, то есть взятая не в потенциальном состоянии возможности, а в своем конечном, реальном, предельном и очевидно вредоносном развитии, которым опасность может быть переведена из преднарушения (состояния возможности и угрозы) в нарушение и фактическую опасность его вредоносных последствий.

Взаимосвязанность лексических определений опасности (опасность — это возможность и угроза, опасность — это угроза и возможность) и научных определений представляется возможной и необходимой. Она позволяет показать опасность как самостоятельное, динамичное явление, которое при отсутствии адекватного противодействия его развитию может быть приведено из состояния возможности в угрозу и перерасти из угрозы в нарушение, а при наличии этого противодействия или обеспечении безопасности может быть удержано в пределах угрозы и возвращено в состояние возможности. Это соответствует логике лексического понятия опасности, в котором опасность полностью не отождествляется с угрозой.

В теориях безопасности парными понятиями являются «безопасность» и «обеспечение безопасности», и лишь безопасность обосновывается в качестве категории общей теории национальной безопасности¹. При этом «опасность» остается недостаточно исследованной как категория, парная категории «безопасность». Данная пара категорий-антонимов позволяет отразить диалектические закономерности единства противоположностей системы «опасность–безопасность», раскрыть сущность и содержание опасности, безопасности, процесса возникновения и разрешения их противоречий, конфлик-

¹ См.: Общая теория национальной безопасности М., 2002. С. 13–16.

тов. Опасность в данной трактовке расценивается как системность элементов: причин, условий или факторов, субъектов и явления, несущего вред в состоянии возможности и угрозы, которым наряду с явлением природы может быть субъект социальных отношений, его действия. Важным критерием в данном случае является и развивающийся объем потенциального (возможного) и реального (угрожающего) *преднарушения*, способного перерасти в нарушение объекта безопасности и материализацию всего содержания опасности в фактическую опасность (социальную вредоносность), позволяющую выделять в нарушении и его последствиях юридический признак их общественной опасности.

Нарушение — это не упрежденное, вредоносное для объектов безопасности разрешение противоречия «опасность — безопасность». Опасность или совокупность опасностей абсолютна, безопасность относительна, а абсолютная безопасность не достижима так же, как не разрешимо и вечно противоречие «опасность — безопасность». Диалектику опасности важно учитывать как в выявлении многообразных опасностей жизненно важным интересам человека, общества, государства, так и в противодействии им как объективно неизбежным, вечным источникам противоречий и атрибутам жизнедеятельности, лишь часть которых в силу их социально значимой опасности обуславливает потребность в безопасности личности, общества, государства и организации ее обеспечения, в том числе посредством правового регулирования и юридического обеспечения.

Во всех определениях опасности обоснованно учитывают активность, деятельность субъектов как основной фактор динамики опасности, но с достаточной определенностью не устанавливают связь динамики состояний других элементов и явления опасности в целом как *преднарушения* со следующим за угрозой опасности и фактическим действием — нарушением, которое, наряду с самой угрозой, может признаваться законом противоправным нарушением или правонарушением. Иначе говоря, не учитывается генезис нарушения и правонарушения из опасности, показывающий трансформацию опасности в правовое явление.

Опасность переходит в нарушение посредством ее составляющих элементов (факторов, субъектов), становясь опасностью-нарушением, объективно фиксирующимся и выявляемым как наступившие жизненно опасные, нарушающие, разрушающие материальные и нематериальные неблагоприятные последствия, состоящие из отраженного в субъекте, объекте, их отношениях вредоносного содержания нарушения и измененного им содержания субъектов, объектов, их отношений и т.д. Последствия являются объективной формой выражения реализации предполагаемой опасности (возможности и угрозы) в фактическую опасность состоявшегося нарушения и его последствий, имеющих единую вредоносную сущность и негативное (нарушающее, разрушающее и т.п.) содержание. Фактическая опасность нарушения и его последствий является объективным критерием закономерного (учитывающего повторяемость) признания аналогичных, подобных ей «опасностей-возможностей», «опасностей-угроз» реально осуществимыми, то есть собственно опасностями. Важно то, что опасность как самостоятельное явление

сохраняет свою сущность (вредоносность) в состоянии возможности и угрозы. Вредоносность содержания усиливается на этапах преднарушения и передается нарушению. Содержание вредоносности преднарушения и нарушения можно характеризовать по динамике элементов опасности и нарушения, по нарастанию противоречий и конфликтов как «опасность преднарушения» и «опасность нарушения», а по степени объективации — как идеальную (мыслимую, предполагаемую, неосуществленную) и фактическую (реализованную) опасность.

Опасность нарушения и его последствий является объективным свойством любого нарушения. Категории «опасность» и «нарушение», сущностью которых является вредоносность, призваны во взаимосвязи обозначать объективные закономерности взаимодействия субъекта, его субъективной стороны с объектом и объективной стороной (факторы, материальную составляющую опасности, действия и нарушения субъектов, их последствия), отражая два этапа и две стороны возникновения, развития и прекращения единого социального явления вредоносности — опасности и нарушения, которые могут быть прекращены или приостановлены в состоянии различной степени опасности (возможность, приготовление к угрозе, угроза) и нарушения (приготовление, покушение) и не достигать наивысшей степени фактической опасности.

Самостоятельность опасности заключается в том, что она изначально для нарушения, что по природе возникновения и в состоянии возможности она не является правовой реальностью и в большинстве случаев существует как преднарушение и перерастает в нарушение и фактическую опасность вне правового регулирования. Опасность и нарушение составляют единое целое в правонарушении, где опасность — признак самого деяния и его последствий, при этом идеальная опасность «заложена» в нормативных правовых актах, реальная или фактическая содержится в совершенном правонарушении и его последствиях. Опасность любого правонарушения, с одной стороны, заключается в пренебрежении правом как социальной ценностью и регулятором, упорядочивающим жизнедеятельность общества и государства, и в нарушении правоотношений, с другой — в причинении фактических опасных последствий содержанию (субъектам, объектам и т.д.) правоотношений.

Урегулированное правом обеспечение безопасности составляют, прежде всего, правовые меры и средства осуществления охраны и защиты, включающей юридическую ответственность за преднарушения и нарушения. Представляется, что правовое обеспечение видов безопасности предполагает прежде всего необходимость познания и нормативно-правового установления видов или конкретных опасностей-преднарушений не только в случаях признания некоторых угроз правонарушениями, а во всех случаях нормативно-правового декларирования обеспечения безопасности личности, общества, государства в виде цели, задачи, обязанности и доктринального выделения и обоснования видов безопасности. Это необходимо потому, что опасности составляют основной предмет и фактическое основание обеспечения безопасности.

Разграничение и обособление понятий «опасность» и «нарушение» связано с признанием нарушений правонарушениями и юридической практикой уста-

---

новления их основных признаков, включающей соответствие фактической опасности деяний и их последствий идеальной, и применения мер юридической ответственности как мер юридического обеспечения безопасности личности, общества, государства. В правонарушении единство опасности и нарушения наиболее определено: основными признаками противоправного деяния и их последствий называют их общественную опасность или вредоносность¹. Опасность-угроза признается самостоятельным правонарушением². Признание опасности только признаком правонарушения приводит к отрицанию опасности как объективного признака любого нарушения, а также к появлению суждений об опасности только преступлений, то есть к отрицанию объективного единства явлений «опасность» и «нарушение».

Представляется что понятие «опасность» по содержанию шире понятия «общественная опасность». Категория «опасность» в теориях безопасности, в правоведении и праве может обозначать «опасность-нарушение», «правонарушение» и их отражение как в понятии «безопасность», так и в понятии

¹ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 1995. С. 433.

² См.: Полный курс уголовного права: в 5 т. СПб., 2008. Т. 1. С. 366.

А.А. Павлушина,

*доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой, директор Института права
Самарского государственного
экономического университета*

И.В. Гавриленко,

*кандидат юридических наук, преподаватель
Института права
Самарского государственного
экономического университета*

Информационные технологии в юрисдикционных процедурах

Электронное правосудие есть не менее актуальная тема для теории и практики государственного управления, чем электронное управление и электронное правительство. Равно как и в последних двух направлениях, в этой сфере некоторые государства достаточно далеко продвинулись. Процедура в «мини-судах» или «частных» судах, удобных прежде всего в сфере бизнеса, всецело протекает исключительно в электронной форме, приводя либо к мирному урегулированию спора, либо к его юрисдикционному разрешению. В некоторых американских штатах свидетельство о разводе можно получить по электронной почте в электронном виде не как судебное извещение о факте, но как юридически полноценный документ. Попытки «электронизировать» судебную процедуру активно предпринимаются в первую очередь на уровне «частных» судов, обладающих по сравнению с «государственными»

именно теми преимуществами, которые связаны с быстротой и временной экономичностью процесса и обеспечиваются прежде всего мерами информационных технологий (далее — ИТ).

Отечественный законодатель, несмотря на фактически существующую до сих пор нерешенность ситуации с административным судопроизводством, так же как и с административными позитивными процедурами, в «урегулированных» частях юрисдикционных процессов и процедур соблюдает единообразие в регулировании как судебного, так и внесудебного процесса рассмотрения спора. Так, действующий КоАП РФ предлагает для административного органа, рассматривающего дело об административном правонарушении, фактически общесудебную, состязательную схему процесса, использует общепроцессуальную конструкцию сторон, представительства, видов и системы, равно как и правил оценки доказательств и т.п.

Использование ИТ в юрисдикционной процедуре обоих видов имеет много общего, как и в регулировании этого вопроса в любой юридической процедуре. Это общепроцессуальная проблема упорядочения и полноценного использования электронно-цифровой подписи (далее — ЭЦП) в документообороте, проблема электронного документа и полноценности его правового статуса, идентификационных подходов к обозначению личности в любой процедуре, обязательного экземпляра документа, персональных данных и их использования. Все эти проблемы имеют первоочередное значение для судебных юрисдикционных процедур, а что касается электронного документа именно в судебной процедуре (в том числе и в отечественной правоприменительной практике), то постепенно формируется общий подход к его полноценному правовому использованию и дальнейшему оптимальному правовому упорядочению его статуса.

Следует сказать о перспективах использования ИТ в судебных процессах. Известно, например, что еще в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг., утвержденной Постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. 805, была определена необходимость формирования единого информационного пространства судов. Такой подход был подтвержден и Постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. 583 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2007–2011 годы»¹. В настоящее время фактически действует Государственная автоматизированная система (далее — ГАС) Российской Федерации «Правосудие»², в соответствии с которой суды общей юрисдикции должны перейти к системе электронного документооборота. Однако это еще не создает нового качества процедуры и ее результатов, в лучшем случае лишь облегчает и упорядочивая делопроизводство. Роль таких систем правильно описывает Е. Кокотова, отмечая, что они «позволяют обеспечить документирование процессов судебного делопроизводства в соответствии с ГПК

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. 805 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2002–2006 гг.» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. 49, ст. 4623; Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. 583 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2007–2011 гг.» // Там же. 2006. 41, ст. 4248.

² См.: «Правосудие»: Государственная автоматизированная система // Судья. 2005. 2.

РФ, другими законодательными актами и инструкциями по делопроизводству в судах общей юрисдикции, создание единого банка данных по гражданским делам и судебным решениям, а также введение электронного архива судебных решений; оперативное представление информации о нагрузке судей и аппарата суда, качестве их работы, движении дел; автоматическое формирование статистической отчетности о деятельности судов общей юрисдикции как за утвержденные, так и за произвольные временные интервалы¹. Создатели федеральной целевой программы «Развитие судебной системы» России на 2007–2011 годы также не поднялись от «электронного обеспечения правосудия» к «электронному правосудию», указывая как на его составляющие на создание электронных архивов, информационно-коммуникационных межсудебных систем и т.д.

Очевидно, что речь идет лишь об использовании ИТ на уровне технического приема ведения учета или суммирования и систематизации информации, но это не является их «процессуальным», «сущностным» использованием. По аналогии с позитивным процессом в рамках юрисдикционных судебных процедур на практике действует правило о «бумажном» дублировании и приоритете бумажного документа. Несмотря на утверждение процессуального законодательства о том, что в качестве доказательств могут быть представлены «иные документы, выполненные в электронной, цифровой и иной форме, позволяющие идентифицировать их источник», правоприменительная практика считает это утверждение недостаточным для признания статуса документа электронным не только когда документ является судебным доказательством, но и когда этот элемент документооборота обслуживает обычное течение как позитивной, так и юрисдикционной процедуры.

При этом все принятые и действующие законы так или иначе дают легальное определение как юридической силе электронного документа, так и его реквизиту — ЭЦП. Так, в соответствии с Федеральным законом, утвердившим ГАС «Выборы»², юридическая сила документа — это свойство документа, позволяющее использовать документ отдельно или в сочетании с другими документами для совершения юридически значимых действий, а ЭЦП — реквизит такого электронного документа, предназначенный для защиты этого документа от подделки, полученный в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа и позволяющий идентифицировать владельца сертификата ключа подписи, а также установить отсутствие искажения информации в электронном документе (ст. 3 Федерального закона РФ «Об электронной цифровой подписи»³). Сложившуюся двусмысленность ситуации можно объяснить инерционностью правоприменительной системы, тем более, что отечественный правоприменитель привык к более детальному регулированию и ожидает принятия Федерального закона «Об электронном документообороте», который, как

¹ Кокотова Е. О нормативно-правовом регулировании информационной поддержки автоматизированного гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. 3. С. 18.

² См.: Федеральный закон «О государственной автоматизированной системе РФ "Выборы"» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. 2, ст. 172.

³ См.: Там же. 2002. 2, ст. 127.

предполагается, расставит все точки над «и», обеспечит не только техническое удобство, но и искомое в целом новое качество процедуры.

Как в ГАС «Правосудие», так и в комментариях ее разработчиков процессуальный аспект проблемы занимает самое скромное место. Так, в составе подсистем ГАС «Правосудие» фактически только два элемента включают, и то пока в описательном виде, упоминание о вероятном принципиальном изменении процедуры. Подсистема «Судебное делопроизводство и статистика» в описательной части упоминает «технологическое обеспечение записи протоколов судебных заседаний, включая автоматизированную звукозапись хода судебного заседания и архивацию материалов»; подсистема «Видеоконференцсвязь» предполагает обеспечение рассмотрения в судах кассационных и иных жалоб с использованием технологии видеоконференц-связи¹. Даже подсистема «Судебная экспертиза» есть, по мысли ее создателей, лишь система автоматизированного доступа к информации по вопросам судебной экспертизы.

Очевидно, что ситуация, при которой, например, «использование электронно-цифровой подписи является вспомогательным способом и не сможет заменить основной способ изготовления протокола, то есть протокол должен быть обязательно перенесен на бумажный носитель, поскольку это необходимо для приобщения протокола к делу и возможности ознакомления с ним участников процесса»², не продержится долго. Два «документа» очень быстро войдут в противоречие, которое простой ссылкой на приоритет бумаги разрешить уже не удастся. И это не единственный столь «очевидный» пример того, что законодатель уже сейчас фактически поставлен перед необходимостью урегулировать «раздельное» — не параллельное, не дублирующее существование двух юридически полноценных видов документов — бумажного и электронного. Как на пример позитивного опыта упорядочения статуса ЭД в юрисдикционной процедуре Е. Кокотова справедливо указывает на Германию, подчеркивая, что ИТ в гражданском судопроизводстве этой страны, как и в юрисдикционной процедуре в целом играют не только информационно-учетную роль. Так, в соответствии с Законом о реформе судебной доставки от 11 мая 2001 г. доставка по электронной почте допускается только в зашифрованном виде и если документ подписан электронной подписью³.

В ситуации, когда в России в связи с ростом количества дел, рассматриваемых в судах (по некоторым оценкам их количество выросло в 7 раз по сравнению с началом судебной реформы и исчисляется уже десятками миллионов)⁴, и сама практика гражданского, например, судопроизводства настоятельно предлагает тему «дистанционного»⁵ — прямо применительно к теме ИТ —

¹ См.: Государственная автоматизированная система «Правосудие» // Федеральный журнал судебного сообщества России «Судья». 2005. 2.

² Кокотова Е. Указ. соч. С. 20.

³ См.: Там же. С. 19.

⁴ См., например: Ракитина Л.Н. Дистанционное гражданское судопроизводство в судах общей юрисдикции как гарантия права на судебную защиту // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России: сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Саратов, 14–15 сентября 2007 г.). Саратов, 2007. С. 116.

⁵ См.: Там же; Приходько И.А. Доступность правосудия в гражданском и арбитражном процессе: основные проблемы. СПб., 2005; Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006.

производства, такие вопросы, как придание электронным документам юридической силы в процессе; определение порядка обмена и ознакомления с ними; порядка юридических электронных извещений; порядка получения юридически значимых судебных актов посредством ИТ должны быть максимально быстро разрешены. Очевидно, что законодатель не сможет обойтись лишь принятием предполагаемого Федерального закона «Об электронном документообороте». Будут необходимы системные и глубокие изменения всех действующих процессуальных и комплексных материально-процессуальных законов и кодексов, обслуживающих юрисдикционную процедуру в отечественной правовой системе. Не может быть признана адекватной или вообще допустимой ситуация, при которой в ходе конкретного судебного правоприменения решается вопрос о возможности или невозможности использования сторонами как во взаимных отношениях, так и в отношениях с судом электронных документов.

А.Л. Захаров,
кандидат юридических наук, доцент
Института права Самарского
государственного экономического
университета

Правовые презумпции и аксиомы: некоторые теоретические проблемы

Ряд авторов относят к правовым принципам правовые презумпции¹. По мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько, это специфическая разновидность принципов, выработанная в ходе длительного развития юридической теории и практики. В современной юридической литературе отмечается, что природа презумпций, а также вопрос соотношения правовых презумпций и принципов права изучены недостаточно полно². В связи с этим представляется необходимым обратиться к анализу этого явления.

Под презумпцией (с лат. *praesumptio* — предположение) принято понимать предположение о существовании (или наступлении) каких-либо фактов, событий, обстоятельств. По мнению С.И. Ожегова, презумпция — это предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное. В основе презумпции — повторяемость жизненных ситуаций. Если нечто систематически происходило, то можно предположить, что при аналогичных условиях оно повторилось и на этот раз. Такой вывод — не достоверный, а вероятный. Следовательно, презумпции носят предположительный, прогностический характер. Тем не менее

¹ См., например: Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 1995. С. 265.

² См.: Там же. За последние годы в научных изданиях, к сожалению, вышло небольшое количество научных работ по проблематике правовых презумпций. Среди них наиболее заметны труды М.В. Карасевой, О.А. Кузнецовой, С.А. Мосина, А.В. Федотова, Д.И. Шекина и некоторых других. Необходимо отметить, что в основном анализу подвергаются отраслевые презумпции, тогда как межотраслевым и общим презумпциям уделяется совсем мало внимания.

они служат важным дополнительным инструментом познания окружающей действительности, выступая в качестве средства, помогающего установлению истины. В этом состоит их научная и практическая ценность.

Правовые презумпции определяются в литературе как закрепленные в нормах права предположения о наличии или отсутствии юридических фактов. Эти предположения основаны на связи с реально происходящими процессами и подтверждены предшествующим опытом¹.

Правовые презумпции — разновидности общих презумпций. Особенность первых, как это вытекает из приведенного определения, состоит в том, что они прямо или косвенно отражаются в нормативных актах, обусловлены потребностями юридического опосредования общественных отношений и действуют только в правовой сфере.

Презумпции и принципы права имеют много общего, поскольку определяют основные ценности права, регулируют общественные отношения, влияют на содержание юридической практики. Разница между ними заключается в том, что принципы права — неопровержимые, основополагающие, универсальные правовые идеи. Они не могут быть отменены или изменены в ходе разрешения юридического дела. Это нельзя в полной мере отнести к правовым презумпциям. Так, Л.И. Спиридонов справедливо отмечал, что существует возможность опровержения такого рода предположений, если только право не объявило презумпцию неопровержимой². Думается, что правовые презумпции и принципы права — явления разные, но при этом они имеют много общего, о чем уже говорилось выше.

Интересна классификация правовых презумпций по уровням, сферам их влияния. Л.И. Спиридонов предлагает классифицировать презумпции на общеправовые и отраслевые. К общеправовым он относит презумпцию знания закона, презумпцию добропорядочности каждого гражданина и другие, а говоря об отраслевых, приводит в пример гражданско-правовую презумпцию ответственности владельца средства повышенной опасности за причиненный вред личности или имуществу. Его вина предполагается, если ущерб не был вызван грубой неосторожностью или умыслом потерпевшего³.

Такая классификация представляется не совсем верной, поскольку не учитывает межотраслевые презумпции, а ведь они также должны существовать. На наш взгляд, такой презумпцией является, например, презумпция истинности судебных решений и приговоров, общая для всех процессуальных отраслей российского права. Поэтому считаем правильным классифицировать правовые презумпции по уровням на общие, межотраслевые и отраслевые.

---

¹ К примеру, в известной работе В.К. Бабаева «Презумпции в советском праве» специальный раздел посвящен ограничению презумпций от сходных с ним явлений (гипотез, фикций, преюдиций и т.д.), но в нем ничего не сказано о соотношении и отличительных чертах презумпций и принципов права. В большинстве работ других правоведов этот важный вопрос также глубоко не исследовался и не освещался. Надо отметить недавно вышедшую работу С.А. Мосина «Презумпции и принципы в конституционном праве». При очевидных достоинствах работы, ее актуальности, значимости для науки, она носит отраслевой, а не общеправовой характер. См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Свердловск, 1979; *Мосина С.А.* Презумпции и принципы в конституционном праве. М., 2009.

² См.: *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. М., 1996. С. 199.

³ См.: Там же. С. 200.

Среди правовых презумпций в юридической литературе наиболее часто называют презумпцию знания закона, презумпцию справедливости закона и другие. Некоторые авторы считают правовой презумпцией презумпцию невиновности¹. На наш взгляд, презумпцию невиновности нельзя относить к правовым презумпциям. Несмотря на название, презумпция невиновности является принципом права, а не презумпцией в традиционном ее понимании.

М.И. Байтин в своей работе «Сущность права» относит презумпцию невиновности к отраслевым принципам права². Презумпция невиновности закреплена в конституционном праве (ст. 49 Конституции РФ), в административном праве (ст. 1.5 КоАП РФ), в уголовном процессе (ст. 14 УПК РФ), в налоговом праве (п. 7 ст. 3, п. 6 ст. 108 НК РФ). В уголовном праве Б.Д. Завидов выводит презумпцию невиновности логическим путем из текста ст. 5, 6, 8, 28 УК РФ³. В.В. Лазарев и С.В. Липень относят презумпцию невиновности к межотраслевым принципам права⁴. Их точка зрения о том, что данный принцип — межотраслевой, представляется наиболее справедливой.

При межотраслевом характере исследуемого принципа проявление презумпции невиновности в разных отраслях права может быть неоднородным. Так, А.В. Демин отмечает, что презумпция невиновности по-разному воплощается в сфере административного, уголовного и налогового законодательства⁵. Однако следует подчеркнуть, что эта разница имеет определенные пределы, сохраняющие общую суть и основное содержание принципа в каждой из вышеуказанных отраслей.

О презумпции невиновности как о принципе права речь идет и в научной работе К.В. Ведяхиной⁶. Уместно привести точку зрения Г.А. Борисова, согласно которой к принципам права не следует относить презумпции, поскольку презумпция означает лишь предположение, а не свершившийся факт⁷. Соглашаясь с последней точкой зрения, считаем, что прав и В.К. Бабаев, полагающий, что так называемая презумпция невиновности — это не презумпция в общепринятом смысле, а принцип невиновности обвиняемого (подозреваемого, подсудимого)⁸. Таким образом, правовые презумпции и принципы права — самостоятельные правовые явления, а

¹ См., например: *Карасева М.В.* Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса РФ // Журнал российского права. 2002. 9. С. 73; *Рарог А.И., Грачева Ю.В.* Законодательная техника как средство ограничения судебного усмотрения // Государство и право. 2002. 11. С. 95.

² См.: *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 134.

³ См.: *Завидов Б.Д.* Вина и ее доказывание в налоговых, гражданских и уголовных правонарушениях // Право и экономика. 1999. 7. С. 49.

⁴ См.: *Лазарев В.В., Липень С.В.* Теория государства и права: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. С. 196.

⁵ См.: *Демин А.В.* К вопросу об общих принципах налогообложения // Журнал российского права. 2002. 4. С. 61.

⁶ См.: *Ведяхина К.В.* Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2001. С. 53–54.

⁷ См.: *Борисов Г.А.* О понятии принципов, действующих в правовой сфере // Проблемы социалистической законности. Вып. 7. Харьков, 1981. С. 26.

⁸ См.: Юридическая техника (обзор материалов научно-методического семинара) // Государство и право. 2000. 12. С. 85.

презумпция невиновности (принцип невиновности обвиняемого (подозреваемого, подсудимого)) — важнейший межотраслевой принцип российского права.

В юридической литературе нашло отражение положение о том, что правовые аксиомы относятся к правовым принципам. Так, судья Конституционного Суда РФ А.Л. Кононов пишет: «Частным случаем правовых принципов являются правовые аксиомы ...»¹. Той же точки зрения придерживаются такие известные ученые, как Н.И. Матузов, А.В. Малько, Р.Л. Иванов и др.

Традиционно аксиомы в юридической литературе определяются как самоочевидные истины, не требующие доказательств. Их значение в том, что они отражают уже установленные и достоверные знания. Это «простейшие юридические суждения эмпирического уровня, сложившиеся в результате многовекового опыта социальных отношений и взаимодействия человека с окружающей средой»².

Небезынтересна взаимосвязь между принципами права и правовыми аксиомами, выявленная Р.Л. Ивановым в своем диссертационном исследовании, посвященном принципам советского права³. По его мнению, целый ряд отправных начал является обобщением эмпирических фактов. Это так называемые принципы-аксиомы, выполняющие роль фундамента для построения более широкого принципа права. Более широкие принципы могут поглощать принципы-аксиомы целиком и включать их в свое содержание, а могут отразить лишь отдельные, наиболее важные моменты последних.

Стоит отметить, что не все ученые поддерживают отнесение правовых аксиом к принципам права. По мнению К.В. Ведяхиной, «нельзя относить к правовым принципам правовые аксиомы потому, что они не определяют сущность и тенденции развития права. Несмотря, например, на важность такой правовой аксиомы, которую часто обозначают как принцип “не запрещенное законом дозволено”, эта аксиома не определяет сущность российской системы права. Ее можно обозначить как элемент такого принципа российского права, как демократизм»⁴.

Считаем, что ряд правовых аксиом ошибочно относятся к самостоятельным правовым принципам. Возможно, одни аксиомы не образуют самостоятельного принципа права, будучи элементом какого-либо принципа, но есть и такие аксиомы, которые по своей сути являются самостоятельными принципами права. Иначе элементом какого правового принципа можно назвать, например, положение о том, что закон обратной силы не имеет? Думается, что данная правовая аксиома является самостоятельным правовым принципом. Она содержится в законе, вытекает из него, достаточно посмотреть, например, ст. 54 Конституции РФ или ст. 10 УК РФ, которая так и называется «Обратная сила уголовного закона». При этом данное положение несет смысловую нагрузку, определяющую сущность права и тенденцию его

---

¹ Кононов А.Л. Принцип определенности правовой нормы в конституционном судопроизводстве // Уголовное право. 1999. 2. С. 78.

² Манов Г.Н. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. 1986. 9. С. 29.

³ См.: Иванов Р.Л. Принципы советского права: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1988. С. 30–33.

⁴ Ведяхина К.В. Понятие и классификация принципов права // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Сер.: Юриспруденция. 2001. Вып. 14. С. 101.

развития. Аксиома «закон обратной силы не имеет» означает, что любой новый закон, вступивший в силу, по общему правилу, будет распространяться на все правоотношения, которые он регулирует, с момента введения его в действие, то есть на правоотношения, состоявшиеся до его вступления в силу, новый закон распространяться не будет.

Обоснованным является мнение А.А. Ференс-Сороцкого о том, что аксиомы, рассматриваемые с точки зрения их внутреннего единства и взаимообусловленности содержащихся в них правил, представляют собой определенную систему. В зависимости от сферы, уровня действия аксиомы могут быть классифицированы на общеправовые, межотраслевые, собственно-отраслевые¹. Такая классификация также приводит к выводу, что между аксиомами и принципами права существует много общего.

Наука опирается на аксиомы как на исходные, проверенные жизнью данные. В общей теории права аксиоматических положений много (кто живет по закону, тот никому не вредит; нельзя быть судьей в своем собственном деле; люди рождаются свободными и равными в правах; ответственность может наступить только за вину; несправедливо наказывать дважды за одно и то же правонарушение; да будет выслушана вторая сторона и др.). Все они законодательно закреплены и играют важную регулятивную, охранительную и информационно-воспитательную роль.

¹ См.: *Ференс-Сороцкий А.А.* Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. С. 9.

В.В. Болгова,

*кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой Института права
Самарского государственного
экономического университета*

Публичные субъекты: некоторые вопросы развития правовой теории

В настоящее время употребляется несколько терминов, значение связано с понятием публичного субъекта: «субъект публичного права», «субъект, выполняющий публичные функции», «субъект публичных правоотношений» и «публичный субъект». Существуют и более интересные варианты. Ю.А. Тихомиров, например, гл. III *своей работы, посвященной публичному праву*, назвал «Субъекты публично-правовых отношений. Публичные институты». В дальнейшем автор не уточняет, что именно «скрывается» за данными терминами. В этой же главе вводится новый термин — субъект публично-правовой деятельности (у Ю.А. Тихомирова — это гражданин — В.Б.)¹.

Во многих случаях термины употребляются как синонимы, хотя в целом отечественная наука настаивает на разграничении категорий, ис-

¹ См.: *Тихомиров Ю.А.* Публичное право. М., 1995.

пользуемых для обозначения некой субъектной или субъективной сферы правового регулирования.

Существуют несколько точек зрения на проблему разграничения понятий «субъект права» и «субъект правоотношения». Каждая из них подкреплена серьезной аргументацией: между категориями не усматривается существенных различий¹; категория «субъект правоотношений» признается более широкой по объему нежели «субъект права»²; категория «субъект правоотношения» является производной от категории «субъект права»³.

Что касается категории «субъект публичного права», то на сегодняшний день она, как самостоятельная тема, заявлена только в работе А.В. Лавренюка⁴. В ряде исследований данная категория рассматривается как элемент более общих тем⁵.

Проблема «терминологической полифонии» мало занимает современных ученых. Все современные исследования в этом направлении ведутся либо в сфере анализа статуса государства и его органов, особенностей их участия в имущественных и управленческих отношениях, либо в сфере поиска (или выявления) «новых» субъектов.

Так, Е.А. Кретова, обсуждая проблему «присваивания юридической личности» в отношении общего собрания собственников многоквартирного дома, заключает: «В силу п. 2 ст. 165 ЖК РФ обязывает органы местного самоуправления предоставлять гражданам по их запросам информацию об установленных ценах и тарифах на услуги и работы по содержанию и ремонту многоквартирных домов и жилых помещений в них, о размерах оплаты в соответствии с этими ценами и тарифами, об объеме, о перечне и качестве оказываемых услуг и выполняемых работ, а также о ценах и тарифах на предоставляемые коммунальные услуги и размерах оплаты этих услуг. Учитывая положения ст. 164 ЖК РФ, подобный запрос о предоставлении информации может быть направлен и общим собранием собственников, следовательно, оно вступит в публичные отношения. Более того, при неполучении такой информации, очевидно, оно будет иметь право на защиту своего публичного права»⁶. Иными словами, вступление в отношения с публичным субъектом, как минимум, делает и эти отношения, и самого субъекта публичными.

Примерно к таким же выводам приходит Э.В. Талапина, рассматривающая проблемы реализации положений Постановления Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона “О несостоятельности

¹ См.: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 84.

² См.: Миронов О.Э. Субъекты советского государственного права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1969. С. 13.

³ См.: Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1913. С. 164.

⁴ См.: Лавренюк А.В. Субъекты публичного права: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁵ См.: Поздняков П.Н. Ответственность коллективных субъектов публичного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003.

⁶ Кретова Е.А. Тенденции развития публичного права в современной России: теоретико-методологический и технико-юридический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 120.

(банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева»¹. Конституционный Суд признал, что федеральный законодатель вправе наделить рядом публичных нормотворческих, исполнительно-распорядительных, контрольных полномочий автономных публично-правовых субъектов саморегулируемые организации арбитражных управляющих. «Включение саморегулируемых организаций в число квазигосударственных субъектов повлечет необходимость их строгой публично-правовой регламентации. В случае же, если саморегулируемые организации по-прежнему останутся для законодателя лишь субъектами гражданского права, расчет государства на их активную роль может не оправдаться»². Фактически в данном случае качество публичности для субъекта связывается и судом, и Э.В. Талапиной с тем, что саморегулируемые организации будут выполнять определенные государственные полномочия.

Следует отметить, что Конституционный Суд не вполне последователен в реализации идеи, заложенной в Постановлении 12-П. Так, анализируя статус нотариусов в России, он установил, что «осуществление нотариальных функций от имени государства предопределяет публично-правовой статус нотариусов и обуславливает необходимость организации государством эффективного контроля за их деятельностью, включая деятельность нотариусов, занимающихся частной практикой и в качестве таковых принадлежащих к лицам свободной профессии»³. Как видно, в данном случае ни факт осуществления публичных функций, ни право действовать от имени государства не делают нотариуса, занимающегося частной практикой, публичным субъектом, а лишь предопределяет для государства необходимость создания эффективных механизмов контроля деятельности таких лиц — нотариальных палат. В теории эту группу субъектов также называют «агентами публичной власти»⁴ или «агентами публичного интереса»⁵.

Ю.А. Тихомиров к числу новых субъектов публичного права относит систему самоуправления, отмечая, что публичное право «является перспективной формой демократизации и формирования новой “публичности”, когда органически сливаются интересы личности, коллектива и общества»⁶. Отметим, что, на наш взгляд, самоуправление — не субъект, а метод управления, или, пользуясь терминологией Ю.А. Тихомирова, публичный институт, в связи с чем любые рассуждения о юридической личности в этой сфере вряд ли обоснованны.

Итак, научную ситуацию в сфере разрешения проблем понятия и статуса субъектов, которых можно по тем или иным признакам отнести к субъектам публичного права, можно охарактеризовать следующим образом:

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. 3, ст. 335.

² См.: Талапина Э.В. Новые институты административного права // Государство и право. 2006. 5. С. 18.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. 22, ст. 2491.

⁴ Лавренюк А.В. Указ. соч. С. 50.

⁵ Тотьев К.Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. 2002. 9. С. 2.

⁶ Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 121.

-
- отсутствует терминологическое единство в обозначении соответствующих субъектов;
  - публичный статус субъекта связывается либо с тем, что он (статус) определяется нормами публичного права, либо с тем, что какое-либо лицо участвует в неких публичных отношениях.

В.В. Веденеев,
*кандидат юридических наук, доцент
Института права Самарского
государственного экономического
университета*

Об актуальных вопросах обеспечения безопасности дорожного движения

Одной из важнейших задач, стоящих сегодня перед Российским государством, выступает обеспечение безопасности дорожного движения, то есть осуществление «деятельности, направленной на предупреждение причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, снижение тяжести их последствий»¹. В недавно опубликованной в Российской газете статье Министра внутренних дел Российской Федерации Рашида Нургалиева «Тревожные будни дорог»² обозначена назревшая необходимость разрешения возникших в этой сфере проблем.

Глава МВД России обратил внимание на значительно увеличившееся число дорожно-транспортных происшествий и возросший травматизм на российских дорогах, объяснив их правовым нигилизмом участников дорожного движения, обозначил необходимость совершенствования дорожной инфраструктуры, предложив, в частности, выделять земли для организации стоянок и парковок транспортных средств.

Отрицать нежелание участников дорожного движения соблюдать Правила дорожного движения и иные нормы действующего законодательства в рассматриваемой области невозможно. При этом тяжело судить о причинах противоправного поведения, так как оно может быть следствием как банального незнания норм поведения, так и желания обычных граждан быть не хуже «особых» субъектов, а также результатом злостного несоблюдения законодательства и пр. «Проведенные органами прокуратуры проверки свидетельствуют о том, что основной причиной аварийности по-прежнему является низкая дисциплина водителей и пешеходов, пренебрежительное их отношение к соблюдению правил дорожного движения»³.

¹ Статья 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. 196 «О безопасности дорожного движения» (в ред. от 30 декабря 2008 г.) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. 50, ст. 4873).

² См.: URL: <http://www.rg.ru/2009/09/23/nurgaliev.html> (дата обращения: 09.08.09).

³ Шалыгин Б.И. Надзор и контроль над исполнением законов в административной деятельности органов государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России // Административное право. 2008. 4.

По нашему мнению, следует согласиться с представителями науки административного права, которые к причинам нарушения правил дорожного движения наряду с обозначенными относят недостаточно четкое содержание отдельных норм действующего законодательства, сложившуюся практику его применения, нарушения, совершаемые инспекторами ГИБДД. Данные причины требуют подробного теоретического исследования, выработки предложений по их устранению.

Одним из наиболее значимых факторов, качественно влияющих на обеспечение безопасности дорожного движения, выступает действующее законодательство. Ясность содержания его норм находится в прямой причинно-следственной связи с результатом соблюдения соответствующих положений участниками дорожного движения. Неправильное толкование, вызванное, в том числе, сложностью понимания вследствие неясности требований, предъявляемых к водителям транспортных средств, может иметь необратимые последствия.

Считаем, что более четкого разграничения требуют пункты Правил дорожного движения, которые осуществляют правовое регулирование таких маневров транспортных средств на проезжей части, как обгон и опережение. В частности, обгон определяется Правилами как «опережение одного или нескольких транспортных средств, связанное с выездом из занимаемой полосы»¹. Пункт 11.2 Правил запрещает обгон справа. За нарушение данного запрета виновные подлежат административной ответственности, кроме случаев, когда «водитель обгоняемого транспортного средства подал сигнал поворота налево и приступил к выполнению маневра». Пункт 1.4 рассматриваемого источника устанавливает обязанность водителя транспортного средства, завершившего обгон, вернуться на ранее занимаемую полосу. Вполне понятно, что при совершении обгона транспортное средство, совершающее данный маневр, движется быстрее, нежели обгоняемое транспортное средство.

При этом те же самые Правила регламентируют такое действие, как опережение, то есть «движение транспортных средств по одной полосе со скоростью большей, чем по соседней полосе». Поскольку практически во всех случаях, кроме сохранения ранее занятой полосы для прямолинейного движения, опережению способствует перестроение — «выезд из занимаемой полосы или занимаемого ряда с сохранением первоначального направления движения», то такой «сложный» маневр укладывается в пределы, разрешенные Правилами дорожного движения, что должно исключать административную ответственность водителей-правонарушителей.

В свете изложенного представляется целесообразным уточнить соотношение указанных маневров. К сожалению, данный пробел в законодательстве до настоящего времени не устранен. Административная ответственность для водителей наступает только в случаях возникновения по их вине дорожно-транспортных происшествий или при выезде и продолжении движения по обочинам или полосам, отведенным для маршрутных транспортных средств.

¹ См. п. 1.2 Правил дорожного движения, утв. Постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. 1090 (в ред. от 27 января 2009 г.) (Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. 47, ст. 4531).

Не вполне понятно содержание п. 11.5 Правил дорожного движения. Запрещая обгон «на регулируемых перекрестках с выездом на полосу встречного движения, а также на нерегулируемых перекрестках при движении по дороге, не являющейся главной (за исключением обгона на перекрестках с круговым движением, обгона двухколесных транспортных средств без бокового прицепа и разрешенного обгона справа)»¹, источник оставляет за пределами правового регулирования, то есть получается, что разрешает, обгон на нерегулируемых перекрестках при движении по главной дороге. При указанном маневре опасность обгона не уменьшается, фактически, как и в предыдущем случае, происходит движение по встречной полосе. «Разрешенный» обгон может быть понятен другим участникам дорожного движения, когда главная дорога отмечена дорожными знаками 2.1 «главная дорога», 2.3.1 «пересечение со второстепенной дорогой», 2.3.2–2.3.7 «примыкание второстепенной дороги», которые устанавливают очередность проезда перекрестков, пересечений проезжих частей или узких участков дороги, но представляет большую опасность при отсутствии знаков приоритета, в темное время суток, при плохих погодных условиях. Таким образом, следует юридически запретить обгон в зоне любых перекрестков, квалифицировать такой маневр как движение по встречной полосе.

Несколько слов необходимо сказать о судебной практике. Во всех случаях постановления Верховного Суда РФ устраняют возникшие пробелы или коллизии законодательства, регламентирующего безопасность дорожного движения. В одних случаях отдельные примеры так называемой судебной практики устраняют коллизию в интересах водителей, например, в случаях различия между прерывистой линией дорожной разметки и дорожным знаком 3.20 «Обгон запрещен» следует руководствоваться линией разметки. В других случаях, наоборот, устанавливают для них менее благоприятные последствия. Так, нарушение водителями требований дорожного знака 3.1 «Въезд запрещен», или так называемый «кирпич», повлекшее движение во встречном направлении по дороге, предназначенной для одностороннего движения, квалифицируется как выезд в нарушение ПДД на сторону дороги, предназначенную для встречного движения.

На наш взгляд, заслуживает отдельного комментария п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»², в котором разъясняется возможность прекращения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ, за примирением сторон.

Безусловно, с учетом применения ст. 76 УК РФ суды имеют право освободить от уголовной ответственности виновное лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Однако цитируемый пункт применяется и к случаям причинения смерти потерпевшему, позволяет

¹ Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. 47, ст. 4531.

² См.: Российская газета. 2008. 26 дек.

виновным откупаться от заслуженного наказания. Считаем, что убийство, совершенное с использованием орудий или предметов, в том числе, автомобилей, должно заканчиваться наступлением уголовной ответственности, назначением наказаний, пусть даже условных.

Эффективность обеспечения безопасности дорожного движения находится в прямой зависимости от качества работы уполномоченных учреждений. Как показывает практика, отдельные инспектора ДПС ГИБДД, к сожалению, не всегда ответственно относятся к выполнению возложенных на них функций: имеют место случаи неправильной квалификации совершенных участниками дорожного движения нарушений правил дорожного движения, не всегда устанавливаются причины и условия, способствующие совершению административных правонарушений, нередко не соблюдаются требования административного законодательства при сборе доказательств по делам об административных правонарушениях, наблюдаются случаи коррупции среди недобросовестных сотрудников различных подразделений ГИБДД и пр. Исправить сложившуюся ситуацию сможет усиление служебной дисциплины среди личного состава.

Таким образом, в настоящее время в области безопасности дорожного движения отмечаются отдельные проблемы, требующие оперативного разрешения. В целом обеспечение безопасности дорожного движения возможно только при взаимодействии и взаимном уважении участников дорожного движения и уполномоченных осуществлять государственное управление в данной области должностных лиц.

А.Е. Пилецкий,
*доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой Института права
Самарского государственного
экономического университета*

Правовое регулирование экономических отношений и мировой экономической кризис

Мировой финансово-экономический кризис, отрицательно повлиявший на отечественную экономику¹, не может не изменить методологию правового регулирования экономических отношений в нашей стране.

Начиная с 1991 г. преобладающей методологией правового регулирования экономических отношений в России является частноправовая методология, отрицающая активное участие государства в экономике².

¹ См.: Волков С., Велиева И., Самиев П. Риски российской экономики — 2009: кредитный кризис, инфляция, глобализация. URL: <http://www.raexpert.ru/researches/risk-credit> (дата обращения: 03.09.09).

² См., например: Гражданское право: в 2 т.: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. Т. I. С. 18 (автор главы I — Е.А. Суханов); **Коммерческое право: учебник**. Ч. 1 / А.Ю. Бушев, О.А. Городов, Н.С. Ковалевская и др.; под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. СПб., 1998. С. 9 (автор главы I — В.Ф. Попондопуло); Пугинский Б.И. **Коммерческое право России**. М., 2000. С. 12–15.

Основным недостатком частнопредметной методологии регулирования экономических отношений, базирующейся на доктрине Адама Смита о «невидимой руке» в экономике¹, является безудержная вера в то, что без участия государства, применяя частнопредметные нормы, можно эффективно регулировать экономические отношения. Причем вера в «могущество» частнопредметной методологии сохраняется с XIX в. Например, известный отечественный цивилист XIX в. **Г.Ф. Шершеневич под экономикой государства** (народнохозяйственной организацией) понимал только систему частных хозяйств, без участия в ней государства².

Отрицание Г.Ф. Шершеневичем активной роли государства в экономике было связано с тем, что он был сторонником принципа абсолютного невмешательства государства в деловую жизнь — «laissez faire»³ («пусть идет, как идет») ⁴. Как и многие юристы и экономисты этого периода, он придерживался распространенной в российском обществе доктрины А. Смита о «невидимой руке» в экономике. Как отмечал отечественный экономист и историк XIX в. М. Туган-Барановский, «идеи Ад. Смита, с которыми познакомилось в это время русское общество, заразили передовые умы нашего общества и они, увлекшись модной доктриной, стали требовать приложения ее к России»⁵.

Отмеченное М. Туган-Барановским воздействие учения о саморегулируемой капиталистической экономике («невидимой руке»), на русское общество XIX в., подтверждается и высказываниями современников. Например, известный современный американский юрист Ричард Познер отмечает: «... многие правовые доктрины основываются на интуитивном нащупывании пути к эффективности, особенно в силу того, что столь многие правовые доктрины появились в XIX в., когда идеология «laissez faire», основанная на классической экономической теории, была доминирующей среди образованных классов общества»⁶.

К сожалению, вера в невидимую руку в экономике не оправдала себя, что впервые подтвердила Великая депрессия 1929–1939 гг. (первый мировой экономический кризис)⁷, последствия которой были преодолены с помощью государства, субсидирующего экономику⁸.

Важную роль в преодолении последствий Великой депрессии в США сыграло учение английского экономиста Дж.М. Кейнса, отрицавшего доктрину о «невидимой руке» в экономике, настаивающего на активном участии государства в экономических отношениях. В 1936 г. он отмечал:

¹ См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах Богатства народов. Книга первая. М., 1997. С. 61–73.

² См.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. М., 2003. Т. 1: Введение. Торговые деятели. С. 32.

³ См.: *Самуэльсон Пауль А.* Экономика. Вводный курс / пер. К.В. Пушкарева. М., 1993. Т. 1. С. 46.

⁴ *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономика: Принципы, проблемы и политика: в 2 т.: пер. с англ. М., 1997. Т. 1. С. 47.

⁵ *Туган-Барановский М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. С. 223.

⁶ *Познер Р.А.* Экономический анализ права: в 2 т. / пер. с англ.; под ред. В.А. Тамбовцева. СПб., 2004. Т. 1. С. 33.

⁷ См.: Хроника американских рецессий. URL: <http://www.washprofile.org/ru/node> (дата обращения: 11.01.08).

⁸ См.: Две инъекции. URL: <http://www.washprofile.org/ru/node> (дата обращения: 02.10.08).

«В обществе, которое функционировало бы в соответствии с постулатами классической теории, действительно была бы налицо естественная тенденция к оптимальному использованию ресурсов. Весьма возможно, что классическая теория представляет собой картину того, как мы хотели бы, чтобы общество функционировало. Но предполагать, что оно и в самом деле так функционирует, — значит оставлять без внимания действительные трудности»¹.

Работая советником президента США Рузвельта, Дж.М. Кейнс на практике применил свое учение, в основе которого лежала реализация фискальных инструментов для борьбы с экономическим кризисом (рецессией и депрессией) посредством увеличения государственных расходов и снижения налогов. Реализуя идеи Дж.М. Кейнса, правительство США создало государственную корпорацию Reconstruction Finance Corporation, получившую из бюджета 20–45 млрд долларов, оказавшую финансовую помощь крупным инфраструктурным проектам, банкам, железным дорогам и бюджетам разного уровня (штатов и муниципалитетов)². Во многом эти меры, применяемые правительством США, и способствовали выводу американской экономики из кризиса.

Отечественная экономика советского периода 1929–1939 гг. меньше всего пострадала от мирового кризиса (Великой депрессии), поскольку она в меньшей степени, чем экономики других стран, была связана с мировым экономическим рынком. В этот период в СССР уже практически не было частных предприятий (торговых товариществ и обществ), банковская система была полностью государственная, валюта была неконвертируемая, отсутствовал рынок ценных бумаг. Безусловно, все это помогло избежать тяжелых последствий мирового кризиса.

Однако закрытость отечественной экономики и всей социально-политической системы этого периода сыграла отрицательную роль в развитии наук экономической теории и правоведения, вынужденных игнорировать экономические отношения и их правовое регулирование в период мирового экономического кризиса.

До момента преобразования в 1991 г. отечественной экономики и правовой системы, ее регулирующей, в нашей стране более 70 лет объективно не исследовались капиталистическая экономика и закономерности ее развития. Большинству отечественных экономистов и юристов казалось, что капиталистическая экономика осталась такой же неизменной, какой была до 1917 г. Это, по-видимому, явилось одной из основных причин, по которым капиталистическую экономику в нашей стране по инерции, как это было в XIX в., считают рыночной экономикой.

Между тем исследования закономерностей развития экономики, ее составляющих (микро- и макро-) с момента первого мирового экономического кризиса (1929–1939 гг.) продвинулись далеко вперед. Согласно современной экономической теории существует три модели экономики: рыночная, командная и смешанная. Причем первые две модели носят лишь теоретический характер, поскольку никогда и нигде не применялись. Американские экономисты С. Фишер, Р. Дорбуш и Р. Шмалензи, например, анализируя типы экономик,

¹ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999. С. 38.

² См.: Две инъекции. URL: <http://www.washprofile.org/ru/node> (дата обращения: 02.10.08).

отмечают: «И командная экономика, и экономика свободного рынка ... представляют собой нереалистичные, крайние случаи. Они интересны главным образом потому, что помогают нам понять функционирование реальных экономических систем, являющихся сложной смесью этих крайностей»¹.

Нобелевский лауреат в области экономики 1974 г. Пол Энтони Сэмюэлсон отмечает, что «...существующая в капиталистических странах система представляет собой сочетание свободного предпринимательства с осуществлением как со стороны общества, так и частных институтов экономического контроля — то есть мы имеем тип так называемой “смешанной системы”»².

Ориентиром для формирования экономики и правовой системы нашей страны были экономика и правовая система США, которые большинством отечественных правоведов ошибочно считались рыночными. Отсюда и формирование мнения, что в рыночной экономике приоритет должен отдаваться частнопрововому регулированию. Например, по мнению профессора Е.А. Суханова, «частное право по своей природе является единственно приемлемой формой нормального имущественного, в том числе предпринимательского, оборота. Рыночное хозяйство как раз и рассчитано на юридически равных и имущественно самостоятельных участников, действующих в своих частных интересах при отсутствии произвольного вмешательства государства в частные дела. Публично-правовые правила в силу своей природы неизбежно подавляют и ограничивают частнопрововые начала, а потому их соединение в одной отрасли исключается³, о чем, бесспорно, свидетельствует как отечественный, так и мировой опыт»⁴.

Однако, как это ни странно, большинство американских экономистов и юристов не считают свою экономику рыночной, а именуют ее экономической смешанного типа, в которой закономерно проявляются несовершенства или фиаско рынка: монополии, общественные блага, внешние эффекты⁵, преодолеваемые исключительно с помощью государства.

По мнению американских экономистов Э. Эмдена, М. Интрилигейтора, Р. Макинтайра и Л. Тейлора, при разработке рекомендаций по развитию российской экономики применялся в основном англо-американский подход, предполагающий самоорганизующий характер рынка. Они отмечают: «Вера в самоорганизующий характер рынка не просто наивна, она игнорирует экономическую логику и российскую историю. Хотя ныне шоковая терапия дискредитирована, более умеренное применение ее методов мало чем отличается от нее, продолжая оказывать разрушительное воздействие и не закладывая основ ни для краткосрочного, ни для долгосрочного роста»⁶.

¹ Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика: пер. с англ. М., 2002. С. 12.

² Самуэльсон Пауль А. Указ. соч. С. 46.

³ Е.А. Суханов почему-то не замечает, что если исключить из системы гражданского права многие публично-правовые начала в ГК РФ (например, акты гражданского состояния, регистрацию субъектов предпринимательской деятельности, сделок с недвижимостью, ответственность, банкротство), то она не будет действовать.

⁴ Гражданское право: в 2 т.: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. Т. 1. С. 18 (автор главы I — Е.А. Суханов).

⁵ См.: Самуэльсон Пол А., Нордхаус Вильям Д. Экономика: пер. с англ. М., 2000. С. 75.

⁶ Эмден Э., Интрилигейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Р. Проблемы теории и практики управления. URL: <http://rusref.nm.ru/indexpub> (дата обращения: 03.09.09).

Современный экономический кризис, порожденный в США слишком большими надеждами на самоорганизацию рынка («невидимую руку»), в том числе ипотечного кредитования недвижимости, указывает на необходимость более жесткого государственного регулирования экономических отношений¹.

Даже такой сторонник и проповедник рыночной экономики, как Джордж Сорос, являясь одним из ведущих мировых финансистов, отмечает: «Эра рыночного фундаментализма, то есть безоглядной веры в способность рынков корректировать самих себя — подошла к концу. Это подтвердила нынешняя экономическая катастрофа, которая была порождена самим же рынком»².

Современный экономический кризис, затронувший экономики практически всех стран, детерминировал активное участие правительств этих стран в устранении последствий рецессии. По мнению американского юриста и бывшего банкира Ч. Морриса, настаивающего на эффективном государственном регулировании экономики, ослабление государственного регулирования ипотечного рынка дестабилизировало доллар, всю экономику США, а затем и мира. Если в 1986 г. в США государством жестко регламентировалось 80 % ипотечного рынка, то в 2006 г. — лишь 25 %³.

Ч. Моррис отмечает, что в 1986 г. совокупная стоимость финансовых инструментов (акций, векселей, кредитов) примерно соответствовала валовому внутреннему продукту мира. В настоящее время их стоимость в несколько раз превышает размеры мировой экономики, что порождает кризис и в иных сферах финансового рынка⁴.

Экономист Чикагского университета С. Гэй, анализируя причины кризиса, указывает: «Ипотечные займы многократно перезакладывались, до тех пор, пока уже становилось неясно, кто ответственен за них, а средств на их выплату в какой-то момент не оказалось. Результатом этой практики и явился нынешний финансовый кризис: рычаги управления компаниями, выдающими кредиты, были утеряны в силу того, что у них попросту не осталось средств подстраховать все займы»⁵.

К проблемам, явившимся причинами экономического кризиса в США, относится также проблема кредитных карточек. По сведениям Федеральной Резервной Системы США, около 50 % американцев имеют долги на кредитных карточках общей суммой более 735 млрд долларов⁶.

По мнению С. Гэя, проблема кредитных карточек во многом заключается и в том, что население не обучено правильному пользованию кредитной карточкой и управлению долгами, чем пользуются банки, заинтересованные в выдаче кредитных карточек как можно большему числу клиентов, для того чтобы позднее взимать с них штраф и пени⁷.

¹ См.: Люк С., Эппел Т., Филипс М. Подаяние на рецессию // Ведомости. 2008. 28 янв.; Оверченко М. Губительная вольница // Ведомости. 2008. 15 апр.

² Сорос Дж. Мировой экономике нужен новый двигатель. URL: <http://news.mail.ru/politics> (дата обращения: 03.09.09).

³ См.: Анализ кризиса. Первая ласточка. URL: <http://www.washprofile.org/ru/node> (дата обращения: 24.04.08).

⁴ См.: Там же.

⁵ Будущее кризиса. URL: <http://www.washprofile.org/ru/node/8151> (дата обращения: 07.11.08).

⁶ См.: Западная «кредитка». URL: <http://www.washprofile.org/ru/node> (дата обращения: 07.05.07).

⁷ См.: Будущее кризиса. URL: <http://www.washprofile.org/ru/node> (дата обращения: 07.11.08).

Проблемы, связанные с правовым регулированием отношений, возникающих при ипотечном кредитовании и получении кредитных карточек, на первый взгляд в большей мере относятся к частноправовому регулированию. Именно так считали до кризиса и в США, сокращая участие государства в названных отношениях. Однако неконтролируемое частноправовое регулирование, к сожалению, привело к экономическому кризису сначала в США, а затем и во всем мире.

Таким образом, приведенные примеры опровергают утверждение сторонников частноправовой доктрины о том, что государство не играет активной роли в экономике. Наоборот, уменьшение активного участия государства в экономике приводит к кризисным явлениям. Причем активную роль государство играет не только в период экономического кризиса, но и в период нормального развития экономики. Например, в США еще за два года до начала кризиса (в 2006 г.) правительство потратило 92 млрд долларов на прямые и косвенные дотации в поддержку крупного американского бизнеса. Дотации от правительства поучили крупнейшие корпорации в промышленности (Boeing, Xerox, IBM, Motorola, Dow Chemical, General Electric, Ford, Chevron), сельском хозяйстве, в сфере высоких технологий, экспортеры¹.

Следовательно, в основе правового регулирования экономических отношений в нашей стране должна применяться не частноправовая методология, отрицающая активное участие государства в экономических отношениях, а хозяйственно-правовая методология, признающая активное участие государства в таких отношениях.

¹ См.: Государство для бизнеса. URL: <http://www.washprofile.org/ru/node> (дата обращения: 15.05.07).

С.Н. Ревина,
*доктор юридических наук, доцент,
зав. кафедрой Самарского государственного
экономического университета*

К вопросу о риске в сфере правового регулирования рыночных отношений

Рыночные отношения характеризуются в значительной мере риском, непредсказуемостью, вероятностью достижения поставленных целей, поиском различных форм хозяйственной деятельности, что в определенной степени должно учитывать российское рыночное законодательство. Эти обстоятельства предполагают проведение правовых экспериментов и разработку риска как правовой категории, учет риска в законодательном регулировании рыночных отношений.

Правовой эксперимент — это любой социальный эксперимент, в котором в качестве экспериментального фактора выступают экспериментальные правовые нормы, содержащие отступления от требований действующего законодательства¹. Эксперимент, при условии его правильной организации, признается

¹ См.: Правовой эксперимент и совершенствование законодательства. М., 1988. С. 7.

надежной гарантией, позволяющей избегать правотворческих ошибок. Поэтому в последние годы в нашей стране такие эксперименты стали применяться, например, по решениям Правительства РФ «О проведении эксперимента по предоставлению целевых субсидий высвобожденным работникам ликвидируемых организаций уголовной промышленности городов Шахты и Белая Калитва в 1998 году»¹ (в котором вводился расширенный номенклатурный код, идентифицирующий товары (работы, услуги)), «О ходе проведения эксперимента по предоставлению государственных жилищных сертификатов высвобожденным работникам ликвидируемых организаций угольной промышленности городов Кизел, Губаха, Гремячинск и Чусовой (Пермской области)»².

К подобным экспериментам, проводимым сейчас, можно отнести пилотный проект, направленный на повышение качества услуг в сфере здравоохранения, задачами которого являются: ориентация на конкретный результат с поэтапным переходом учреждений здравоохранения преимущественно на одноканальное финансирование с помощью системы обязательного медицинского страхования; осуществление на уровне амбулаторно-поликлинических учреждений частичной аккумуляции средств, предназначенных для оплаты медицинской помощи на основе финансирования по подушевому нормативу, и создание системы внутри- и межучрежденческих взаиморасчетов; реформирование оплаты труда медицинских работников в зависимости от конечного результата труда и др. (Постановление Правительства РФ от 19 мая 2007 г.)³.

Проводятся также эксперимент по ипотечному кредитованию участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (Постановление Правительства РФ от 29 января 2007 г.)⁴, эксперимент об инвестиционных проектах комплексного освоения территорий в целях жилищного строительства (Постановление Правительства РФ от 5 мая 2007 г.)⁵.

Что касается риска, то, являясь объективной и субъективной категорией, он включает в себя три главных момента: вероятность получения желаемого результата (удачи), вероятность наступления нежелательных последствий (неудачи) в ходе выбора альтернативы и ее реализации, вероятность отклонения от выбранной цели. При этом отклонения возможны как отрицательного, так и положительного свойства⁶.

Риск исследуется как в экономической, так и в юридической литературе. В теории управления риски подразделяются на чистые и спекулятивные. Чистые риски существуют в тех обстоятельствах, когда есть вероятность получения дохода, спекулятивные риски характеризуются тем, что одновременно присутствуют возможности и интересы выиграть что-либо. Выделяются также прямые и косвенные убытки⁷.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. 34, ст. 4089.

² См.: Там же. 2000. 16, ст. 1713.

³ См.: Там же. 2007. 22, ст. 2632.

⁴ См.: Там же. 6, ст. 761.

⁵ См.: Там же. 20, ст. 2429.

⁶ См.: *Альгин А.П.* Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. С. 201; *Альгин А.П., Орзих М.Ф.* Перестройка и хозяйственный риск: социально-правовые аспекты // *Правоведение.* 1989. 5. С. 21.

⁷ См.: *Мартынушкин А.Б.* Необходимость управления рисками в системе управления объектами государственной собственности // *Юрист.* 2006. 8. С. 22.

В юридической науке проблема риска изучалась и изучается недостаточно¹. В юридической литературе риск рассматривается как элемент действия (бездействия) лица, характеризуемый наличием определенной цели, которая не может быть достигнута иными (не рискованными) действиями. В то же время риск рассматривается как «психическое отношение» лица к своей или чужой деятельности, выражающейся в сознательном допущении отрицательных последствий².

Подход к оценке риска в разных отраслях права должен быть различным. Если в гражданском праве в ситуации риска можно не учитывать обоснованность риска и использовать юридический механизм распределения причиненных убытков между сторонами, то в уголовном праве, где необоснованный риск может создать угрозу, опасность прежде всего для жизни и здоровья человека, отношение к институту риска должно быть более жестким. В связи с этим обратимся к анализу риска в разных отраслях права.

УК РФ впервые на уровне закона обозначил те рамки, внутри которых возможна самостоятельная «рисковая» деятельность субъектов права. Существовавшая ранее только в доктрине, а также в сфере правосудия концепция обоснованного риска (в основном профессионального и хозяйственного) получила свое законодательное закрепление в ст. 41 УК РФ. В этой статье описываются основные требования к обоснованному риску: 1) достижение общественно полезной цели; 2) указанная цель не может быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием); 3) лицо, допустившее риск, должно предпринять достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам; 4) риск не должен быть заведомо сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия³.

Проблема риска достаточно хорошо изучена в гражданском праве. В ГК РФ термин «риск» употреблен много раз. Так, согласно ст. 2 Кодекса, риск признается одним из условий признания деятельности предпринимательской; в п. 1 ст. 993 содержится понятие «предпринимательский риск»; используются понятия «риск случайной гибели», «риск убытков» (п. 1 ст. 82), «риск последствий» (п. 2 ст. 939) и др. Ю. Фогельсон следующим образом определяет риск в гражданском праве — это возможное причинение вреда частному лицу в результате воздействия определенной опасности с учетом вероятности причинения этого вреда этой опасностью (распределения вероятностей причиненных убытков). Более правильным представляется широкое понимание риска, которое можно использовать во всех институтах гражданского

¹ См.: *Ойгензихт В.А.* Проблемы риска в гражданском праве (Часть общая). М., 1972; *Ведяхин В.М.* Риск в сфере научно-технического прогресса // *Хозяйство и право.* 1992. 2; *Мамчун В.В.* Правоприменительный риск: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999; *Хмелевской И.Н.* Проблемы риска в гражданском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; *Антонова Н.А.* Гражданско-правовые проблемы страхования предпринимательского риска: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003; *Копылов В.А.* Риск в предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003; *Вячеславов Ф.А.* Распределение рисков: понятие и значение в гражданском праве // *Вестник Моск. ун-та. Сер.: Право.* 2007. 4.

² См.: *Ойгензихт В.А.* Проблемы риска в гражданском праве. Душанбе, 1972. С. 77, 216.

³ См.: *Бабурин В.В.* Дифференциация уголовной ответственности за необоснованный риск // *Государство и право.* 2008. 3. С. 46–53.

права, не вникая в полемику, является ли риск субъективной или объективной категорией. Такое определение риска дал в свое время О.А. Красавчиков: риск — это возможные невыгодные последствия¹.

Гражданский кодекс РФ выделяет четыре группы рисков, принципиально различных между собой: 1) риск предпринимательства, непосредственно связанный с осуществлением предпринимательской деятельности (ст. 2); 2) «игровой риск» (ст. 1063); 3) обязательственный риск (ст. 19, 312, 382 и др.); 4) страховой риск (гл. 48).

Под предпринимательским риском понимается риск убытков, которые могут возникнуть у предпринимателя вследствие нарушения своих обязательств его контрагентами, а также в связи с изменением условий его предпринимательской деятельности по не зависящим от самого предпринимателя обстоятельствам, в том числе риск неполучения им ожидаемых доходов (п. 2 ст. 929 ГК РФ). Согласно ст. 533 ГК РФ по договору страхования предпринимательского риска может быть застрахован предпринимательский риск самого страхователя, и только в его пользу. Риск, как верно замечает Л.Г. Ефимова, не может быть условием гражданско-правовой ответственности. Риск признается самостоятельным основанием перераспределения убытков².

Выделяются следующие группы предпринимательского риска:

риск предпринимательства (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ);

риск убытков участников-вкладчиков (командистов), связанный с деятельностью товарищества на вере (п. 1 ст. 82 ГК РФ);

риск убытков участников ООО, связанных с деятельностью общества с ограниченной ответственностью (абз. 1 п. 1 ст. 87 ГК РФ);

риск убытков акционеров, связанных с деятельностью акционерного общества (абз. 1 п. 1 ст. 96 ГК РФ).

Данные риски носят вероятностный и случайный характер, но реализация этих свойств четко связана с субъективным фактором, то есть собственной активностью субъектов экономической деятельности. Общий смысл влияния таких рисков на экономическую деятельность состоит в уменьшении негативного влияния неадекватных субъективных факторов на функционирование свободной рыночной экономической среды³.

Понятие социального страхового риска и виды таких рисков закреплены в Федеральном законе «Об основах обязательного социального страхования»⁴. Войти в практику делового оборота и стать неотъемлемой частью прав инвесторов должно страхование ответственности участников фондового рынка. Несмотря на то, что ни на одном развитом рынке нет обязательного страхования подобных рисков, тем не менее в США и Южной Америке — 100 %, а в Европе — 80 % финансовых институтов имеют страховое покрытие⁵.

Попытки учитывать риск предпринимаются не только на федеральном, но и на региональном уровне. Например, в мае 2007 г. в Самарской области

¹ См.: Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. Категории науки гражданского права // Избр. тр.: в 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 195.

² См.: Ефимова Л.Г. Ответственность и распределение убытков в расчетных отношениях // Государство и право. 1995. 12. С. 29–30.

³ См.: Танаев В.М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. С.С. Алексеева. М., 2000. С. 23.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. 29, ст. 3686.

⁵ См.: Звягинцев Д. Стабилизировать рынок ценных бумаг // Законность. 2000. 12. С. 40.

был принят Закон «Об обеспечении страхованием рисков, связанных с использованием средств областного бюджета, целевого бюджетного дорожного фонда Самарской области и областной собственности»¹, в соответствии со ст. 6 которого заемщики, получающие кредитные ресурсы из областного бюджета, осуществляют страхование предмета залога, передаваемого в обеспечение исполнения обязательств по возврату бюджетного кредита страховой компании, победившей в конкурсном отборе, проведенном в соответствии с законодательством РФ о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд.

Следует также иметь в виду, что в литературе достаточно активно исследуется вопрос о способах минимизации рисков. Так, система внутренних и внешних механизмов минимизации финансовых рисков предусматривает использование следующих методов:

1) избежание риска — отказ от осуществления финансовых операций, уровень риска по которым чрезвычайно высок; отказ от использования в высоких объемах заемного капитала; отказ от чрезмерного использования денежных активов в краткосрочных финансовых вложениях, если уровень риска несопоставим с уровнем доходности финансовой операции по шкале «доходность—риск» и др.;

2) лимитирование риска — это установление лимита, то есть предельных сумм расходов, продажи, кредита и т.п.;

3) диверсификация, то есть процесс распределения капитала между различными объектами вложения, которые непосредственно не связаны между собой;

4) хеджирование — страхование рисков от неблагоприятных изменений цен на любые товарно-материальные ценности по контрактам и коммерческим операциям, предусматривающим поставки (продажу) товаров в будущем;

5) распределение рисков, самострахование и др.²

¹ См.: Волжская коммуна. 2007. 13 дек.

² См.: *Кабанов А.В.* Основные способы минимизации финансовых рисков // Юрист. 2006. 10. С. 21–23; см. также: *Беляков А.В.* Банковские риски: проблемы учета, управления и регулирования. М., 2003.

С.А. Кузнецов,
*кандидат юридических наук, доцент
Института права Самарского
государственного экономического
университета, судья Арбитражного суда
Самарской области*

К вопросу о порядке установления требований кредиторов в делах о банкротстве

Установление требований кредиторов в делах о банкротстве представляет собой проверку законности и обоснованности названных требований, оценку размера требований, а также решение вопроса о наличии

оснований для включения требований в реестр требований кредиторов. «Заявленные кредиторами требования нуждаются в проверке со стороны допустимости их к разделу конкурсной массы. Необходимо произвести исследование, основательно ли предъявленное требование, не подлежит ли оно оспариванию, а если оно будет признано достаточно обоснованным, то во всей ли заявленной сумме или только в части ее. Другими словами, проверка заключается в разрешении вопроса о спорности или бесспорности каждого из заявленных требований. Если возникнет сомнение в возможности признать требование, в таком случае оно должно быть отвергнуто, не допущено к участию в разделе»¹.

Действующее отечественное законодательство о банкротстве (Федеральный закон от 26 октября 2002 г. 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»², далее — Закон о банкротстве 2002 г.) предусматривает судебный порядок установления требований кредиторов в делах о банкротстве (ст. 71, 100 Закона о банкротстве 2002 г.). Кредиторы направляют свои требования в арбитражный суд, должнику и арбитражному управляющему. Судебный акт об установлении требований кредиторов и о включении требований кредиторов в реестр требований кредиторов является основанием для внесения требований кредиторов в соответствующий реестр и основанием для признания кредиторов лицами, участвующими в деле о банкротстве.

Ранее действовавшие законы о банкротстве — Федеральный закон от 8 января 1998 г. 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»³ (далее — Закон о банкротстве 1998 г.) и Закон РФ от 19 ноября 1992 г. 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»⁴ (далее — Закон о банкротстве 1992 г.) относили установление требований кредиторов в делах о банкротстве к компетенции арбитражных управляющих, а на суд возлагали обязанность проверки правомерности установления требований кредиторов только в случаях поступления в суд от кредиторов или от должника соответствующих заявлений, возражений, свидетельствующих о наличии спора по вопросу об установлении требований кредиторов (ст. 27 Закона о банкротстве 1992 г., статьи 63, 75 Закона о банкротстве 1998 г.).

Дореволюционное отечественное законодательство о банкротстве также предусматривало первоначальное рассмотрение и установление требований кредиторов конкурсным управлением, а в случае несогласия кредиторов с отклонением или установлением требований, произведенным конкурсным управлением, наделяло кредиторов возможностью обратиться в суд с жалобой на определение конкурсного управления по вопросу об установлении требований кредиторов или с соответствующим иском в общем порядке⁵.

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что большинство зарубежных законодательств о банкротстве (германское, французское, бельгийское, венгерское, испанское) предусматривали первоначальную проверку требований кредиторов общими

¹ Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М., 2000. С. 401.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. 43, ст. 4190.

³ См.: Там же. 1998. 2, ст. 222.

⁴ См.: Российская газета. 1992. 30 дек.

⁵ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 401–414.

собраниями кредиторов с участием попечителей, в то время как английское законодательство о банкротстве предусматривало первоначальную проверку требований кредиторов попечителем с возможностью обжалования кредитором в суд отказа в признании требования, а итальянское законодательство о банкротстве предусматривало первоначальную проверку требований кредиторов самим судьей, что неоправданно обременяло судью рассмотрением бесспорных требований, занимало значительное количество времени и отрывало судью от исполнения обычных обязанностей. Такой порядок установления требований кредиторов, по мнению Г.Ф. Шершеневича, значительно уступает порядку, принятому французским и германским законодательствами¹.

В связи с этим возникает вопрос о целесообразности и адекватности порядка установления требований кредиторов, предусмотренных действующим отечественным Законом о банкротстве 2002 г., согласно которому, по общему правилу, установление требований кредиторов осуществляется судом и только на основании определения суда о включении требования в реестр требований кредиторов соответствующее требование подлежит включению в реестр. При этом суд, рассматривающий дело о банкротстве, в силу указанного порядка принужден рассматривать в том числе и требования кредиторов, подтвержденные судебными актами о взыскании задолженности, а также иные требования кредиторов, в отношении которых отсутствуют споры или возражения.

Никакого разумного обоснования сохранения такого порядка установления требований кредиторов в делах о банкротстве не существует. Для сохранения судебного контроля за правомерностью включения требований в реестр требований кредиторов вполне достаточно сохранить за лицами, участвующими в деле о банкротстве, возможность обжалования в суд, рассматривающий дело о банкротстве, действий арбитражных управляющих по включению требований в реестр требований кредиторов и отказов арбитражных управляющих во включении требований в реестр требований кредиторов, не возлагая на суд, рассматривающий дело о банкротстве, обременительной и отнимающей много времени обязанности рассмотрения множества не требующих судебной проверки бесспорных требований кредиторов, которые с успехом могли бы быть включены в реестр требований кредиторов арбитражным управляющим самостоятельно.

Дело о банкротстве представляет собой дело об установлении (признании) факта имущественного состояния должника², его выяснению служат частные производства по установлению прав кредиторов (требований), в рамках которых определяется размер задолженности, впоследствии соотносимый с размером стоимости имущества, принадлежащего должнику. Специфика факта, устанавливаемого в рамках дела о банкротстве, состоит в том, что этот факт связан с наличием у должника определенных прав и обязанностей, а точнее — с определенным их соотношением, поэтому необходимо установление соответствующих прав и обязанностей, в том числе, путем рассмотрения

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 408–409.

² В связи с этим мы не согласны с Б.С. Бруско, по мнению которого, «установление юридически значимых фактов не является целью производства по делу о банкротстве» (Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. М., 2006. С. 90).

в рамках дела о банкротстве споров о таких правах и обязанностях. Однако споры о правах кредиторов в рамках дела о банкротстве не носят самостоятельного характера и направлены лишь на выяснение факта имущественного состояния должника. Вместе с тем во многих случаях наличие у должника определенных прав и обязанностей никем не оспаривается, многие требования кредиторов, как подтвержденные, так и неподтвержденные судебными актами, носят бесспорный характер, в связи с чем отсутствует объективная необходимость их судебной проверки в отсутствие соответствующих обращений к суду от лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Ограничения, связанные с особым порядком предъявления и удовлетворения требований кредиторов, закреплены законодателем в рамках комплекса мер, направленных на предотвращение банкротства и восстановление платежеспособности должника, а также на создание условий для справедливого обеспечения экономических и юридических интересов всех кредиторов, включая лиц, в отношении которых необходимо введение дополнительных гарантий социальной защиты.

Установление Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» особого режима имущественных требований к должнику, не допускающего удовлетворения этих требований в индивидуальном порядке, позволяет обеспечивать определенность объема его имущества в течение всей процедуры банкротства, создавая необходимые условия как для принятия мер к преодолению неплатежеспособности должника, так и для возможно более полного удовлетворения требований всех кредиторов, что, по существу, направлено на предоставление им равных правовых возможностей при реализации экономических интересов, в том числе и когда имущества должника недостаточно для справедливого его распределения между кредиторами. При столкновении законных интересов кредиторов в процессе конкурсного производства решается задача пропорционального распределения среди кредиторов конкурсной массы¹.

Процедура обращения в суд с требованием кредитора представляет собой не способ защиты права, а судебный порядок (форму) защиты права. Способом защиты права является признание (установление) права (требования) кредитора в рамках дела о банкротстве. Однако вопрос о защите права кредитора путем его признания в рамках дела о банкротстве может быть поставлен только в случае нарушения или оспаривания права кредитора, иначе отсутствует предмет защиты. Если право (требование) кредитора в рамках дела о банкротстве признается всеми лицами, участвующими в деле о банкротстве, в том числе должником, и никто из названных лиц не заявляет возражения относительно требования кредитора, то включение требования кредитора в реестр требований кредиторов в такой ситуации представляет

¹ См.: абз. 4, 5 п. 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 12 марта 2001 г. 4-П по делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц.

собой не защиту, а реализацию права кредитора с учетом особенностей, предусмотренных законодательством о банкротстве¹. Поскольку речь идет о реализации права кредитора, а не о защите, то отсутствует необходимость в судебном порядке реализации права (требования) кредитора, которое никем не оспаривается. Для реализации соответствующего права (требования) кредитора вполне достаточно совершения арбитражным управляющим действий по включению требования кредитора в реестр требований кредиторов. И лишь в случае, если относительно включения арбитражным управляющим требования кредитора в реестр требований кредиторов или относительно отказа арбитражного управляющего во включении требования в реестр требований кредиторов у лиц, участвующих в деле о банкротстве, в том числе у кредитора, предъявившего соответствующее требование, возникнут возражения, появится необходимость судебной защиты, которая может быть реализована путем обращения в суд с жалобой на действия арбитражного управляющего по включению требования в реестр требований кредиторов или с жалобой на отказ арбитражного управляющего во включении требования в реестр требований кредиторов и с требованием об установлении (признании) требования (права) кредитора.

Способы защиты права, равно как и способы реализации права, определяют соответствующие формы защиты (реализации) права, которые должны в наибольшей степени адекватно соответствовать названным способам, способствуя эффективной защите (реализации) права. Судебный порядок реализации права (требования) кредитора, которое никем не оспаривается, не отвечает указанному подходу, поскольку не способствует эффективной реализации права (требования) кредитора и лишь загромождает суды бесспорными требованиями.

По смыслу п. 13 постановления Пленума ВАС РФ от 15 декабря 2004 г. 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”»² к способам защиты права относятся только неподтвержденные судебными актами требования кредиторов, следовательно, требования кредиторов, подтвержденные судебными актами, к способам защиты права не относятся. Возникает вопрос: зачем же в таком случае предъявляются подтвержденные судебными актами требования кредиторов в рамках дел о банкротстве, как не с целью защиты права? Обязательственное право может считаться защищенным только после удовлетворения требования кредитора, а если удовлетворение названного требования не состоялось, то возникновение необходимости защиты права кредитора не исключается и в случае наличия судебного акта о понуждении должника к исполнению обязательства перед кредитором в натуре.

¹ Включение требования в реестр требований кредиторов представляет собой осуществление права (требования) кредитора в рамках дела о банкротстве, поскольку конечной целью названного права (требования) является удовлетворение, которое в рамках дела о банкротстве производится в соответствии с реестром требований кредиторов, поэтому включение требования кредитора в реестр требований является для кредитора необходимым этапом осуществления права (требования) на пути к удовлетворению соответствующего права (требования) в рамках дела о банкротстве.

² См.: Специальное приложение к «Вестнику ВАС РФ». 2005. 12.

Ю.В. Данилочкина,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель зав. кафедрой Института права
Самарского государственного экономического
университета

Правовая дефиниция «рынок» и значение торгового кодекса в регламентации рыночных отношений

На сегодняшний день определение «рынок» и его правовая дефиниция достаточно актуальны в науке, литературе и на практике. Эта правовая категория является центральной в предпринимательских отношениях, поскольку они составляют круг «рыночных отношений».

В настоящее время не существует единого законодательного определения, которое могло бы быть положено в основу понятий рынков различных сфер деятельности. Это, безусловно, является недостатком законодательства, учитывая наличие в нем таких дефиниций, как «рынок ценных бумаг», «доминирующее положение на рынке», «товарный рынок», «рыночные отношения» и т.д. Существующие правовые определения рынков — «рынок финансовых услуг» — сфера деятельности финансовых организаций на территории РФ или ее части, определяющаяся исходя из места предоставления финансовой услуги потребителю; «товарный рынок» — сфера обращения товара — в основном отражают лишь экономическую сущность рынка — обращение, хотя и закреплены законодательно.

Не вызывает сомнений, что рынок — это, прежде всего, категория экономическая, которая должна стать каркасом его юридического значения. Как отмечается в экономической литературе, рынок — это сфера обмена, организованная по законам товарного производства и обращения. Например, Т.И. Николаева, разделяя точку зрения большинства ученых-экономистов, рассматривает рынок потребительских товаров как систему экономических отношений по поводу купли-продажи товаров, под которыми понимаются обладающие потребительной стоимостью продукты труда, предназначенные для продажи (реализации), включая услуги¹. Однако если рынок в своей экономической сущности не предусматривает определенных границ, то в юридическом значении он имеет рамки, установленные законом (например, не все объекты, представленные на рынке, могут свободно обращаться в силу их ограничения или изъятия из гражданского оборота, субъекты рынка могут осуществлять свою деятельность в соответствии с определенными разрешительными процедурами и т.д.). Имеются и другие значительные отличия.

Обобщив указанные позиции, можно отметить, что и в экономическом, и в юридическом смысле существо рынка состоит, прежде всего, в обороте или обмене товаров, работ или услуг. Нельзя согласиться с теми, кто считает

---

¹ См.: Николаева Т.И. Торговля в сфере товарного обращения // Известия Уральского гос. экон. ун-та. 1999. 2. С. 10.

обязательным правовым признаком рыночных отношений равенство сторон¹. Если придерживаться данной точки зрения, то все правоотношения в сфере рынка следует признавать гражданско-правовыми отношениями, поскольку именно для гражданского права характерен такой метод правового регулирования, как равенство сторон. В этом случае все рыночные отношения будут ограничиваться товарно-денежными, имущественными отношениями, что никак не вписывается в современный рынок, его понятие значительно шире.

Категории «рынок» и «оборот» («обмен») нередко взаимозаменяются в литературе. Рассмотрение рынка как обмена вообще является юридически неверным. Ведь на правовом языке «обмен» означает не что иное, как договор мены, по которому каждая из сторон обязуется передать в собственность другой стороны один товар в обмен на другой. А оборот (применительно к исследуемым отношениям — гражданский оборот) — это только существо (основа) рынка, а не его юридическое содержание. Определение рынка как идентичного гражданскому обороту понятия не является верным.

Например, Е.А. Суханов, анализируя сделки с ценными бумагами, утверждает, что «... оборот ценных бумаг является юридическим выражением экономической категории “рынок”»², не предусматривая существования самостоятельного понятия рынка в его юридическом смысле. Русский ученый Ю.С. Гамбаров более восьми десятилетий назад высказал точку зрения, согласно которой понятие гражданского оборота в широком смысле слова «заклучает в себе все учреждения и нормы, при посредстве которых совершается и обеспечивается удовлетворение разнообразных потребностей человека, требующих для этого, при разделении труда и ограниченности индивидуальных средств, содействия других людей»³. Данное определение гражданского оборота является почти полным выражением категории «рынок» в юридическом смысле.

Между тем понятия «рынок» и «оборот» различны по своему объему: первое шире второго⁴. Как «совокупность сделок по продаже товаров, работ, услуг, передаче имущества» рынок, безусловно, обладает другими особенностями и другими составляющими. Можно сказать, что оборот — это лишь выражение динамики рынка без указания на его статические составляющие. Вместе с тем предпринимательские договоры (сделки) также регламентируются не только гражданским законодательством, но и актами других отраслей законодательства: валютного, финансового, таможенного, налогового и др.

Б.Б. Эбзеев определяет гражданский оборот «как совокупность гражданско-правовых отношений имущественного характера, существующих на определенной территории и возникающих на основании различного рода юридических фактов»⁵. Объектами гражданского оборота он признает только

¹ См.: *Белых В.С., Скуратовский М.Л.* Гражданский кодекс России: новая модель регулирования и судебная практика // Государство и право. 2001. 8. С. 9–10.

² Цит. по: *Белов В.А.* Ценные бумаги в российском гражданском праве. М., 1996. С. 3 (вступ. ст. Е.А. Суханова).

³ *Гамбаров Ю.С.* Курс гражданского права. СПб., 1911. Т. 1. С. 581.

⁴ Аналогичной точки зрения в отношении оборота и рынка земли придерживаются Г.А. Волков, А.К. Голиченков, О.М. Козырь (см.: Развитие рынка земли: правовой аспект // Государство и право. 1998. 2. С. 50).

⁵ *Эбзеев Б.Б.* Гражданский оборот: понятие и юридическая природа // Государство и право. 1999. 2. С. 32.

объекты, обладающие имущественным признаком. Соответственно, здоровье как, например, объект рынка медицинских услуг, лишенный стоимостной оценки, объектом гражданского оборота, по его мнению, не является.

Существуют и другие определения гражданского оборота, которые также не могут отождествляться с рынком. Так, С.С. Алексеев сформулировал положение, согласно которому категория гражданского оборота используется в качестве обозначения сферы действия гражданского права¹. Понятие же рынка имеет межотраслевой характер, охватывает сферы действия различных отраслей права. Понятия гражданского и экономического оборота не могут отождествляться, это связанные между собой, но различные по своей природе явления социальной действительности. В любом случае в юридическом смысле понятие «экономический оборот» — более широкое, нежели «гражданский», так как должно включать в себя совокупность всех взаимоотношений, направленных на удовлетворение потребностей людей.

Различие между экономическими и рыночными отношениями проводят и иные исследователи. Так, В.М. Ведяхин и С.Н. Ревина отмечают: «рыночные отношения не тождественны экономическим, последние значительно шире по своему содержанию и существуют в любом обществе, при любой экономической и политической системе»². В этом смысле нельзя полностью согласиться с позицией ряда авторов, которые рассматривают экономический оборот как совокупность сделок между предпринимателями и потребителями³, то есть как разновидность гражданского оборота. Кроме того, понятие гражданского оборота включает в себя и более мелкие сегменты, имеющие место на рынке: коммерческий оборот — оборот товаров, работ, услуг направленных на осуществление торговли (образование экономических благ)⁴; деловой оборот — совокупность сделок между предпринимателями⁵. В то время как понятие, например, «хозяйственно-правовой оборот» — оборот, включающий в себя также взаимоотношения с государством в лице его органов, в определение гражданского оборота не входит, хотя на рынке присутствует.

Рынок должен рассматриваться как совокупность всех правовых взаимоотношений (что не входит ни в одно понятие оборота), например, в сфере оказания медицинских услуг — это и предпринимательские отношения по поводу оказания медицинских услуг, и страховые взаимоотношения, возникающие из договора обязательного или добровольного медицинского страхования, и т.д. В этом смысле заслуживают внимания определения, в которых сделан акцент на взаимоотношения, существующие на рынке: «Рынок представляет собой пакет соглашений, при помощи которых продавцы и покупатели вступают в контакт по поводу купли-продажи данных товаров или услуг»⁶. В определении

¹ См.: Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права // Ученые труды. Сер.: Гражданское право. Свердловск, 1959. Т. 1. С. 281.

² Ведяхин В.М., Ревина С.Н. Об особенностях рыночных правоотношений // Журнал российского права. 2002. 8. С. 36.

³ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. М., 1994. С. 48.; Курбатов А.Ф. Гражданское право. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. URL: <http://www.optim.ru/bh/2001/1/kurbatov.asp>.

⁴ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 24.

⁵ См.: Эбзеев Б.Б. Указ. соч. С. 33.

⁶ Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика: пер. с англ. 2-е изд. М., 1995. С. 444.

К. Макконнелла, С. Брю рынок трактуется как «механизм или приспособление, осуществляющее контакт между покупателями, или предъявителями спроса, и продавцами, или поставщиками товара или услуги»¹. А.Ю. Юданов отмечает, что «рынок — это общественный институт, сводящий вместе покупателя и продавца для совершения ими сделки купли-продажи определенного товара и (или) услуги»². А.Ю. Голубков, говоря о рынке ценных бумаг, определяет его как «совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере обмена финансовыми и иными активами в процессе выпуска и совершения сделок с ценными бумагами, обладающими свойствами специфического товара»³. Последнее определение обладает большей юридической точностью, так как указывает на рынок как на совокупность всех общественных отношений, а не только на отдельные взаимоотношения.

Перечисленные понятия верно уходят от определения рынка как совокупности сделок и отмечают существование его других взаимосвязанных элементов. Это многочисленные субъекты данного рынка, между которыми такие взаимоотношения складываются. В связи с этим интерес представляет Постановление Правительства РФ от 15 июня 1998 г. «О комплексной программе развития инфраструктуры товарных рынков Российской Федерации на 1998–2005 годы»⁴. В этой Программе товарные рынки рассматриваются как «система субъектов экономики и их отношений (производителей и потребителей, посредников и организаций, обеспечивающих их отношения)». Программа наиболее полно отражает суть рынка в отношении субъектного состава, где помимо исполнителей и потребителей присутствуют и посредники — страховщики, а также иные организации. В свою очередь взаимоотношения между субъектами обязательно возникают по поводу определенных объектов, некоторые из них не имеют места в гражданском или ином обороте (медицинская помощь и т.д.), но имеют место на рынке. И, наконец, данные отношения имеют юридические границы своего существования, определенные законом.

Таким образом, рынок — это специальная сфера производственно-экономической деятельности, в рамках которой следует выделять: а) специальный состав субъектов; б) особые объекты, по поводу которых возникают правоотношения; в) юридические факты (сложные юридические составы), порождающие правоотношения; г) сами правовые отношения. При этом характерной чертой рынка является значительная роль государства в его организации и мониторинге. Эта деятельность всегда имеет экономический характер, но социально-имущественный эффект непосредственно не связан с экономическим эффектом.

Данное определение может быть использовано или положено в основу законодательного определения рынка, а также отражено в нормативном акте, предполагающем в будущем регулировать предпринимательские отношения. Путем раскрытия в законопроекте составляющих понятия рынка:

¹ Макконнелл К., Брю С. Экономикс: принципы, проблемы, политика: в 2 т.: пер. с англ. М., 1992. Т. 1. С. 53.

² Юданов А.Ю. Конкуренция: теория и практика. М., 1996. С. 28.

³ Голубков А.Ю. Правовое регулирование рынка ценных бумаг // Государство и право. 1997. 2. С. 105.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. 25, ст. 2910.

«правовые взаимоотношения рынка», «субъекты рынка», «объекты рынка», «границы рынка» и других — должна сложиться полная правовая картина его функционирования.

В законодательстве можно отметить огромное количество источников, регулирующих осуществление предпринимательских отношений. Такая разрозненность норм, регламентирующих отношения с участием предпринимателей, а также иные причины положили начало формированию идей о разработке в России Торгового кодекса¹.

К таким причинам, выражающим особенности правового регулирования именно предпринимательских отношений, можно отнести:

- наличие источника, регулирующего только предпринимательские отношения — обычаев делового оборота;
- установление специального режима ответственности «вне зависимости от вины» только для предпринимателей из всего субъектного состава гражданских правоотношений;
- наличие на сегодняшний день таких форм предпринимательства, которые выходят за рамки субъектов гражданского права — совместные предприятия, холдинги, финансово-промышленные группы, торгово-промышленные палаты;
- деятельность специальных субъектов, способствующих торговому обороту — биржи, инвестиционные фонды, банки и т.д.;
- особенности комплексной ответственности в сфере предпринимательства — как гражданско-правовой, разновидностью которой является упущенная выгода (что характерно только для предпринимательской деятельности), так и административной, уголовной;
- специальные виды ответственности — контрреклама и т.д.;
- возмещение самостоятельного корпоративного регулирования отдельных субъектов — корпоративные прецеденты, обычаи, нормативные акты и т.д.

Формирование Торгового кодекса видится тем более актуальным с учетом динамичности развития торгового законодательства по отношению к общему гражданско-правовому регулированию. Кроме того, ГК РФ содержит преимущественно частноправовые нормы, Торговый же кодекс призван кодифицировать и координировать нормы как частноправового, так и публично-правового характера, регулирующие в равной степени все отношения с участием предпринимателей.

В конце 2003 г. вступил в силу Хозяйственный кодекс Украины². В большинстве зарубежных стран действуют различные нормативные акты, регулирующие гражданские и торговые отношения. Во Франции — Французский гражданский кодекс (1804 г.), Французский торговый кодекс (1807 г.),

¹ См.: *Баренбойм П.* Торговый кодекс как ключевой элемент экономического развития России // *Российская юстиция.* 1994. 12. С. 28; *Воскресенский Г.* Торговое право в России должно быть // *Российская юстиция.* 1994. 12. С. 37; *Дозорцев В.А.* Один кодекс или два? // *Правовые проблемы рыночной экономики в Российской Федерации. Труды ИЗИСИП при Правительстве РФ.* Вып. 57. М., 1994. С. 24; *Исаев М.* Появится ли в России Торговый кодекс? // *Советская юстиция.* 1993. 23. С. 65; *Коммерческий кодекс РФ (проект).* М., 1997; *Чанкин В.В.* Торговое право: современные тенденции // *Государство и право.* 1993. 2. С. 68.

² См.: URL: <http://www.ubc.ua/Links/gosp-kod.html>.

в Германии — Германское гражданское уложение и Германское торговое уложение (1900 г.) и т.д.

В начале 2004 г. от российских органов власти стали поступать заявления о необходимости разработки торгового кодекса в Российской Федерации. Так, 21 января 2004 г. Г. Греф сообщил о возможности создания специальной комиссии в Госдуме по торговле и коммерческому праву, так как «действующее законодательство о торговле нуждается в существенном улучшении»¹.

Принятие предпринимательского или торгового кодексов в том виде, как это сейчас предлагается, практически невозможно, поскольку они будут регулировать разнородные общественные отношения, тем более такие, которые уже урегулированы действующим законодательством. Можно говорить лишь о систематизации действующего законодательства в сфере рыночных отношений в форме инкорпорации, то есть об искусственном выделении предпринимательского законодательства на основе действующих правовых норм².

В данном случае существует два пути, по одному из которых может пойти Россия.

Во-первых, разработать торговый кодекс как специальный нормативный акт наряду с Гражданским кодексом (субсидиарное применение). Однако высказываются различные мнения по поводу нецелесообразности такого положения вещей³. Так, если собрать нормы всех предпринимательских законов в единый кодекс, по-прежнему останется необходимость принятия специальных законов (в коммерции невозможно все урегулировать). Процесс правоприменения таким образом только усложнится: придется устанавливать соотношение этих законов с нормами не только Гражданского кодекса, но и еще одного кодекса — торгового.

Во-вторых, если исключить субсидиарное применение и разработать самостоятельный нормативный акт, это неизбежно приведет к дуализму частного права, разрушению принципа единства правового регулирования, к чему Россия, как уже отмечалось, не готова.

Кроме того, целесообразно было бы учесть опыт западных стран. В современный период развития зарубежное законодательство характеризуется постепенным отказом от дуализма частного права. Так, в Италии — родине дуализма, оказались от деления на гражданское и торговое право и приняли единый гражданский кодекс.

Были попытки принятия торгового кодекса, например, в Челябинске⁴. Однако их юридическая сила вызывает сомнение. Несмотря на подобную кодификацию, предпринимательство относится к ведению гражданского законодательства, которое в свою очередь состоит из норм только федерального законодательства (ст. 3 ГК РФ). В то же время активные попытки самостоятельной разработки, кодификации торговых норм свидетельствуют о практической необходимости подобных процессов и на уровне регионов, к которым необходимо прислушаться.

---

¹ Г. Греф выступает за создание Торгового кодекса РФ // Прайм-ТАСС. Москва. 21 января 2004 г.

² См.: *Ведяхин В.М., Ревина С.Н.* Указ. соч.

³ См.: *Бушев А.Ю., Макарова О.А., Попондопуло В.Ф.* Коммерческое право зарубежных стран. М., 2003. С. 7.

⁴ См.: Урал-Пресс. 1999. 15 сент.

Таким образом, кроме попытки высказать точки зрения по поводу необходимости кодификации торговых отношений, практически никаких шагов в данном направлении законодателями не предпринимается. Не определены ни содержание, ни структура данного законопроекта, разработка которого представляет собой сложнейшую работу.

Н.В. Дельцова,
*кандидат юридических наук, доцент
Института права Самарского
государственного экономического
университета*

Интеллектуальная собственность в гражданском праве и современном законодательстве Российской Федерации

Четвертая часть Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) изменила доминировавший до недавнего времени научный подход к понятию интеллектуальной собственности как совокупности прав на особую группу объектов гражданских правоотношений — результатов интеллектуальной деятельности.

В современной законодательной трактовке интеллектуальная собственность — это не право, а объект новой группы прав, которую ГК РФ именует интеллектуальными правами.

Данное решение законодателя было воспринято в науке неоднозначно. В литературе высказываются мнения о том, что современный законодательный подход вступает в противоречие с международными нормативными актами и Конституцией РФ; порождает разногласия между правовыми нормами, с одной стороны, и теорией и практикой — с другой¹. Одним из главных аргументов, используемых авторами, является ссылка на положения п. VIII ст. 2 Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности от 14 июля 1967 г.², где указывается, что интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям; исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности; научным открытиям; промышленным образцам, товарным знакам; знакам обслуживания и коммерческим обозначениям; защите от недобросовестной конкуренции; другие права,

¹ См.: Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М., 2009. Т. 3. С. 105–109; Мозолин В.П. «О концепции исключительных прав» // Журнал российского права. 2007. 12. С. 100–109; Фалалеев А. Исключительное право в Проекте концепции совершенствования гражданского законодательства // Авторское право и смежные права. 2009. 9. С. 16.

² См.: Международные договоры и соглашения в области охраны интеллектуальной собственности. 3-е изд. М., 2001. С. 3–21.

относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях.

В ходе научной полемики в противовес приведенному мнению поясняется, что термин «интеллектуальная собственность» является многозначным, «...под ним можно понимать как право интеллектуальной собственности вместе с входящими в его состав правами, так и объекты этих прав...»¹. С точки зрения профессора И.А. Зенина, поскольку интеллектуальной собственностью являются охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, «...то по своей сути категория интеллектуальной собственности не претерпела в ст. 1225 и 128 ГК РФ принципиальные изменения по сравнению с отмененной ст. 138 ГК РФ и п. VIII ст. 2 действующей Стокгольмской конвенции об учреждении ВОИС»².

Представляется, что предложенная законодательная конструкция не противоречит существующему комплексу международно-правового нормативного регулирования отношений в области интеллектуальной собственности. Именно в международных документах проявляется многозначность терминологии. В частности, Всемирная декларация по интеллектуальной собственности от 26 июня 2000 г.³ использует термин «интеллектуальная собственность» для обозначения объекта прав, то есть охраняемых научных и технических изобретений, литературных или художественных произведений, товарных знаков и т.д.

Отсутствуют противоречия и нормам Конституции РФ. Согласно ст. 44 Конституции РФ интеллектуальная собственность охраняется законом; аналогичную норму содержит и п. 2 ст. 1225 ГК РФ.

Закрепление категории «интеллектуальные права» означает появление в гражданском праве РФ нового родового понятия, в которое в качестве видовых входят понятия «исключительное право», «личное неимущественное право», «иное право». Сам же термин «интеллектуальные права» не является новым для правовой науки, его впервые ввел еще в 1879 г. бельгийский юрист Э. Пикар. Согласно его теории интеллектуальные права считались правами *suī generis*, находящимися вне классической триады вещных, обязательственных и личных прав⁴.

В соответствии со ст. 1226 ГК РФ интеллектуальные права признаются на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (интеллектуальная собственность). Специфика правоотношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, связанная, прежде всего, с особенностями их объекта, привлекала внимание ученых-правоведов разных исторических периодов.

---

¹ Толстой Ю.К. О четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда. 2009. 3. С. 12.

² Интервью доктора юридических наук, заслуженного профессора МГУ И.А. Зенина // Законодательство. 2009. 5. С. 6.

³ См.: URL: http://www.ifips.ru/connect_ru/ru/about/normative_dokuments/megd_dok/obsh_vopr/deklar_is (дата обращения: 13.09.08).

⁴ См.: Еременко В.И. О части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2007. 4 // СПС «КонсультантПлюс».

В дореволюционный период вопрос о природе литературной и художественной (отвлеченной)¹ собственности являлся спорным. Одни исследователи, среди которых наиболее известен профессор И.Г. Табашников, считали, что объектом права литературной и художественной собственности является вещь, «которая, хотя и не похожа на остальные, но имеет реальное бытие, распознается внешними органами чувств, способна к воспроизведению до бесконечности и к денежной оценке».² Другие исследователи полагали, что объект права отвлеченной собственности «имеет свойство духовное, бестелесное»³, так как представляет собой творение ума. Профессор Д.И. Мейер утверждал: «предметом права является не вещь, а мысль, воплотившаяся в известную форму»⁴, поэтому применять нормы о праве собственности возможно «на столько тому не противится свойство предмета»⁵.

Изучением отдельных видов объектов права «отвлеченной» собственности занимались такие известные цивилисты, как Г.Ф. Шершеневич⁶, А.А. Пиленко⁷, Я.А. Канторович⁸, В.И. Синайский. Впервые наиболее общее определение, позволяющее объединить все результаты интеллектуальной деятельности в единую правовую категорию, дал Ю.С. Гамбаров. В противовес понятию «вещь», он применил понятие «бестелесная вещь», известное еще римскому праву⁹. Используя идею о существовании бестелесной вещи, Ю.С. Гамбаров обращал внимание на то, что она «фиктивна как вещь, но существует как отличный от вещи и постоянно возрастающий по своему значению объект права»¹⁰. Указанный объект он определял посредством категории нематериальных благ, включая в данное понятие научные, художественные, промышленные и иные духовные продукты деятельности, которые, проявляясь вовне, получают известную самостоятельность и имущественную ценность, сообщающие им способность быть предметом права и юридической защиты, которая по форме является близкой к защите абсолютными исками, действующими против всех и каждого¹¹.

В юридической литературе советского периода рассмотрение этих объектов происходило в рамках традиционных институтов авторского и изобретательского права. Проблемным вопросам данных правоотношений посвящены работы Б.С. Мартынова, Б.С. Антимонова, Е.А. Флейшиц, В.А. Рясенцева, В.И. Серебровского, М.В. Гордона, Н.А. Райгородского, А.И. Вагсберга, Л.М. Азова, О.С. Иоффе, В.Я. Ионаса, В.А. Дозорцева, Э.П. Гаврилова, О.А. Красавчикова и др. Большинство советских правоведов сходились во мнении о единой нематериальной природе объектов авторского и патентного права.

¹ Данный термин использовался рядом авторов для обозначения прав «пользования результатами умственного творчества в области литературы, промышленности, торговли». См.: *Нерсесов Н.И.* Торговое право. М., 1896. С. 190.

² Цит. по: *Канторович Я.А.* Литературная собственность. СПб., 1895. С. 32.

³ *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. СПб., 1896. С. 652.

⁴ *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. Изд. 8-е, испр. и доп. М., 2000. С. 374.

⁵ Там же. С. 375.

⁶ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 332–335.

⁷ См.: *Пиленко А.А.* Право изобретателя. М., 2001. С. 234–244.

⁸ См.: *Канторович Я.А.* Указ. соч. С. 27–28.

⁹ См.: Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. С. 143.

¹⁰ *Гамбаров Ю.С.* Курс гражданского права. Т. 1. Общая часть. СПб., 1911. С. 577.

¹¹ См.: Там же. С. 578–579.

Общей характерной тенденцией указанного периода являлось рассмотрение данных объектов в рамках системы духовного производства. По утверждению Б.С. Анитимонова и Е.А. Флейшиц, «произведения литературы, науки, искусства — это нематериальные продукты человеческого труда, в отличие от вещей, которые возникают как продукция материального производства»¹. Подобные идеи высказывались практически всеми авторами того исторического периода.

Специфика нематериальных объектов авторских и изобретательских отношений обосновывалась исследователями, исходя из характера деятельности, в результате которой они создаются. Все объекты, независимо от того, регулируются их правовой режим нормами авторского или изобретательского права, представляют собой результат творческого процесса.

О творчестве как деятельности, обуславливающей возникновение авторских и изобретательских правоотношений, писали и многие другие авторы, такие как М.В. Гордон, В.А. Рясенцев, А.И. Вагсберг, О.С. Иоффе, В.И. Серебровский и др. По мнению большинства из них, творческая деятельность лежит в основе любого мыслительного процесса, завершающегося созданием нового результата, каковым являются произведения литературы, науки, искусства, а также разнообразные технические достижения (изобретения, рационализаторские предложения и т.п.).

По мнению многих советских ученых, признаком творческого нематериального блага является внешняя форма его выражения. В литературе советского периода отмечалось, что для объектов авторского и изобретательского права она различна: для первых это может быть книга, картина, скульптура, для вторых — модели, опытные образцы и т.п.

В работах профессора О.А. Красавчикова объекты данных правоотношений представлены как разнообразные виды результатов творческой деятельности, которым присущи следующие общие черты: во-первых, они являются продуктами творческой деятельности личности либо группы или коллектива; во-вторых — продуктами духовного производства, в силу чего представляют собой нематериальные (духовные) блага, не имеющие стоимости, хотя и могут обладать непреходящей, исторической или социальной ценностью; в-третьих, являясь духовным благом, имеют определенную форму объективизации (материализации), например, книга, где напечатано литературное произведение, холст, на котором написана картина².

Современные исследователи, такие как И.А. Зенин, В.А. Дозорцев, А.П. Сергеев, В.М. Фейгельсон, Н.М. Кейзеров, С.В. Усольцева, В.О. Калятин, С.А. Бабкин, Р.А. Мерзликина исходят из того, что всем объектам интеллектуальных прав присущи общие признаки³. Так, по мнению профессора А.П. Сергеева, «всякий объект интеллектуальной собственности должен быть благом нематериальным, являться результатом интеллектуальной деятельности, на который за достигнувшем его лицом или правообладателем признается исключительное право на использование»⁴.

¹ Анитимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М., 1957. С. 5.

² См.: Красавчиков О.А. Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) // Правоведение. 1984. 3. С. 15–16.

³ См.: Гражданское право: учебник для вузов: в 2 т. / под ред. Е.А. Суханова. М., 1994. Т. 1. С. 624.

⁴ Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 1999. С. 675.

С точки зрения профессора В.А. Дозорцева, условиями введения охраны всех нематериальных результатов интеллектуальной деятельности являются их свойства. В первую очередь — эстетическое или информационное (в широком смысле слова) содержание объекта, которым определяется его ценность. В.А. Дозорцев отмечал, что данный объект должен поддаваться обособлению от смежных объектов, иначе «становится непонятным, на что субъект имеет право»¹.

С.А. Бабкин определяет, что каждый объект интеллектуальной собственности имеет информационную природу².

С.В. Усольцева подчеркивает, что объект интеллектуальной собственности — это «допускаемый правом объективированный результат интеллектуальной деятельности, имеющий конкретного автора и отражающий его индивидуальность, что не исключает, а напротив, предполагает реальную возможность воспроизведения его третьими лицами»³.

По мнению Р.А. Мерзликиной, результаты интеллектуальной деятельности отличаются от всех иных объектов гражданских прав наличием трех признаков: во-первых, они нематериальны, но объективированы, во-вторых, они носят творческий характер, в-третьих, обладают имущественно-стоимостными признаками⁴.

Л.Б. Гальперин и Л.А. Михайлова в своих исследованиях приводят более обширный перечень признаков:

1) все объекты интеллектуальной собственности есть результаты или проявления деятельности ума;

2) имеют стоимостные оценки, могут быть предметом трудовых контрактов, договоров купли-продажи, передачи права использования другим субъектам, то есть могут быть включены в товарооборот на коммерческих условиях;

3) выступают носителями определенной информации, воплощенной в объективированную форму;

4) большинство объектов как результаты творческого труда имеют авторов;

5) не относятся к «потребляемым вещам», с течением времени их значение уменьшается, происходит моральное старение;

6) находятся в системной связи, которая заключается в том, что на каждом этапе научно-технического прогресса формируются и развиваются интеллектуальные продукты, которые в известной степени зависят от предыдущих.

Предложенные в литературе различных исторических периодов признаки результатов интеллектуальной деятельности позволяют выделить те из них, которые можно квалифицировать как общие. По нашему мнению, к ним относятся: особый характер деятельности, в результате

¹ Дозорцев В.А. Комментарий к схеме «Система исключительных прав» // Дело и право. 1996. 4. С. 40.

² См.: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009. С. 564.

³ Усольцева С.В. Результаты интеллектуальной деятельности как правовая категория: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1997. С. 38.

⁴ См.: Мерзликина Р.А. Гражданско-правовая регламентация интеллектуальной собственности в российском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. URL: http://www.rgiis.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=179.

которой создаются данные объекты; объективная форма выражения; закрепление (легитимация в определенной форме) исключительного права за создателем или иным правообладателем объекта интеллектуальной собственности.

Помимо общих возможно выделение и других признаков, которые определяют специфику данных объектов и позволяют их дифференцировать. Можно утверждать, что объекты интеллектуальных прав представляют собой систему. Подтверждением этому является закрепленное в ГК РФ разделение всех объектов интеллектуальных прав в рамках ст. 1225 на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Полагаем, что творческий элемент интеллектуальной деятельности, в результате которой создаются объекты интеллектуальных прав, позволяет объединить некоторые из них в рамках их особой подгруппы (условно творческие), и отделить их от других объектов интеллектуальных прав (нетворческих).

Для первых, например, характерны: творческий характер результата интеллектуальной деятельности, выделение фигуры автора (наличие института авторства; наделение автора другими неимущественными правомочиями в отношении интеллектуального продукта); выполнение функции развития интеллектуально-творческого потенциала в сфере науки, литературы, искусства, иных видов интеллектуального творчества и др.

В свою очередь нетворческие объекты также подлежат объединению между собой, при этом системообразующим признаком в данном случае будет такое свойство данных объектов, как способность индивидуализировать и отличать субъектов предпринимательской деятельности, их продукцию, предприятия.

Изложенный выше подход является основой формирования системы объектов интеллектуальных прав; он дает возможность расширять круг охраняемых объектов, включая в него новые результаты интеллектуальной деятельности.

В современных условиях развития научно-технической сферы вопрос о включении в число охраняемых объектов интеллектуальных прав вновь создаваемых интеллектуальных результатов является особо актуальным. В литературе подчеркивается, что нормы ГК РФ в недостаточной степени обеспечивают интересы создателей интеллектуальных результатов именно потому, что перечень охраняемых объектов, перечисленных в ст. 1225 ГК РФ, является закрытым. Кроме того, данная норма может рассматриваться как противоречащая п. VIII ст. 2 Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, «в которой указано, что интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к ряду объектов, перечень которых, в отличие от российского перечня объектов, является открытым»¹.

Действительно, в соответствии с ст. 1225 ГК РФ правовая охрана предоставляется следующим объектам интеллектуальной собственности: 1) произведениям

---

¹ Еременко В.И. О части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2007. 4 (СПС «КонсультантПлюс»).

науки, литературы и искусства; 2) программам для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ); 3) базам данных; 4) исполнениям; 5) фонограммам; 6) сообщениям в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); 7) изобретениям; 8) полезным моделям; 9) промышленным образцам; 10) селекционным достижениям; 11) топологиям интегральных микросхем; 12) секретам производства (ноу-хау); 13) фирменным наименованиям; 14) товарным знакам и знакам обслуживания; 15) наименованиям мест происхождения товаров; 16) коммерческим обозначениям.

Следовательно, в четвертой части ГК РФ в основном перечислены ранее известные объекты, отношения по поводу которых регулировались на уровне специальных законов. Исключения составляют лишь секреты производства и коммерческие обозначения, впервые обозначенные на законодательном уровне в качестве объектов соответствующих отношений.

Полагаем, что подобное законодательное решение является не совсем удачным. За пределами правовой охраны остаются многие результаты интеллектуальной деятельности, например, открытия, методики обучения и т.п.¹

О расширении круга охраняемых объектов говорится также и в обсуждаемом в настоящее время Проекте концепции совершенствования раздела VII Гражданского кодекса Российской Федерации «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» от 13 мая 2009 г.² (далее — Проект концепции). Проект концепции предполагает возможное расширение перечня охраняемых объектов в связи с использованием результатов интеллектуальной деятельности в информационно-телекоммуникационных сетях, прежде всего сети Интернет³.

По нашему мнению, этот процесс должен коснуться не только объектов в области телекоммуникационных технологий, но и иных результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. В частности, в рамках обсуждения Проекта концепции следует рассмотреть возможность предоставления правовой охраны доменным именам⁴.

В связи с изложенным представляется, что существенным недостатком действующего гражданского законодательства является отсутствие общего понятия объекта интеллектуальных прав (интеллектуальной собственности). Однако именно данная правовая дефиниция позволит определить общие критерии отнесения результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним объектов к объектам интеллектуальных прав⁵ и сформировать системообразующие характеристики интеллектуальной собственности как объекта гражданских прав.

Ранее нами были выделены общие признаки объектов интеллектуальных прав, которые позволяют сформулировать следующее определение: *объекты*

¹ Ревинский О.В. Как понимать интеллектуальные права // Патенты и лицензии. 2008. 8. С. 8.

² См.: URL: www.lawfirm.ru/news/index.php?id=647.

³ См.: Обсуждаем Концепцию совершенствования четвертой части ГК РФ // Патенты и лицензии. 2009. 8. С. 8–9.

⁴ См.: Нагорный Р.С. Доменное имя как объект гражданского права // Журнал российского права. 2008. 2. С. 122.

⁵ См.: Мерзликина Р.А. Указ. соч.

интеллектуальных прав (интеллектуальная собственность) — это представленные в объективной форме нематериальные результаты интеллектуальной деятельности, на которые в установленном законом порядке закрепляется исключительное право автора или иного правообладателя.

Полагаем, что общее понятие интеллектуальной собственности как объекта интеллектуальных прав должно найти отражение в ГК РФ. В связи с этим актуальным и значимым представляется предложение Р.А. Мерзликиной о восстановлении ст. 138 «Интеллектуальная собственность» гл. 6 подразд. 3 разд. I ГК РФ, посвященной объектам интеллектуальных прав. Полагаем, что данное предложение необходимо включить в качестве предмета дискуссии в обсуждение Проекта концепции.

Кроме того, считаем, что одним из вопросов при обсуждении Проекта концепции должен стать вопрос о включении в ст. 1225 ГК РФ нормы, позволяющей дополнить ряд охраняемых объектов интеллектуальных прав нормами специального законодательства или ГК РФ.

В настоящей статье нами были затронуты лишь некоторые общие вопросы, посвященные проблематике формирования норм об интеллектуальной собственности. Соответствующие исследования активно продолжаются, в том числе и в рамках научных полемик¹. В рассматриваемом разрезе проблем полагаем, что именно специфические характеристики объектов интеллектуальных правоотношений оказывают влияние на формирование современной системы правового регулирования.

¹ См.: *Гаврилов Э.П.* Раздел VII ГК РФ: пути совершенствования // Патенты и лицензии. 2009. 8. С. 2–7.

А.Е. Мурзин,
*кандидат юридических наук, заместитель
зав. кафедрой Института права Самарского
государственного экономического
университета*

Перспективы развития системы исполнительных норм в отечественном праве

Всякое законодательство, направленное на соответствующее регулирование, должно быть основано на использовании общих понятий универсального характера и категорий, применимых к регулированию исполнения. Так, базовой основой всякого регулирования следует считать использование конструкции правоотношения при понимании его возможного сложного, нелинейного и многосубъектного характера. К таким категориям относятся общие категории стадий и производств, сроков; применительно к процессуальным аспектам — категории представительства, расходов, сроков и правил их исчисления и течения, сторон и прочих конструктивных элементов процесса. Стадийность процесса и четкое ощущение логической последовательности

сменяющих друг друга стадий — и есть тот важный костяк процесса исполнения, который при следовании ему освободит правовую материю от дублирования и противоречий. Например, отсутствие какого-либо стадийного и содержательного соотнесения банкротства предприятия и исполнения судебных актов в отношении него до принятия нового Федерального закона «Об исполнительном производстве» порождало в законодательстве «пробельную» и не ясную с нормативной точки зрения ситуацию. Очевидно, что она содержательно должна быть устранена путем соотнесения обоих состояний как стадий внутри юридического процесса и самого исполнения. Обращается внимание на проблему единой системы сроков принудительно-го исполнения. При невозможности отрицания специфики, в том числе и в части сроков, следует все-таки настаивать на включении системы соответствующих правил в исполнительный кодекс, сведя разнообразие и разбросанность правил к необходимому минимуму.

Соотношение публично-правового и частноправового в регулировании системы обеспечения надлежащего исполнения всей системы правовых обязательств должно быть пересмотрено в отечественном праве в ходе подготовки к принятию Исполнительного кодекса. Речь идет лишь о правильном, беспробельном сочетании публично-правового и частноправового в механизме исполнения. Достаточно очевидны неполноценность и незрелость заложенной в отечественном исполнительном праве системы мер принуждения к исполнению. Необходимо отметить, что состав принудительных мер может и должен быть расширен для обеспечения эффективности принудительного исполнения, в то же время следует четко соотнести набор обеспечительных и принудительных мер в исполнительном праве с учетом устоявшихся конструкций иностранных правовых систем. Авторы проекта исполнительного кодекса пошли по другому пути, расширив перечень мер принудительного исполнения в основном за счет отнесения к ним действий по обращению взыскания на некоторые конкретные виды имущества должника, что не решает проблемы их обнаружения.

На базе уяснения правой природы исполнительской стадии юридического процесса и роли и места судебного пристава как органа принудительного исполнения необходимо упорядочить систему норм по судебному (как предварительному, так и последующему) «контролю» за его деятельностью. Определенный шаг в этом направлении сделан с принятием нового Федерального закона «Об исполнительном производстве», но проблема нуждается в общетеоретическом осмыслении.

Теоретически должен быть обоснован и ответ на вопрос о формах и основаниях участия специальных субъектов в принудительном исполнении и их роли в структуре такого исполнительного правоотношения.

В отношении содержания универсального для всякого принудительного исполнения Исполнительного кодекса РФ должна быть продумана система внутренних производств применительно как к виду исполняемого решения, так и к системе применяемых принудительных мер. Принудительное исполнение должно сложиться из четкой системы, во-первых, внутренних стадий как его временного развития, во-вторых, производств как видов его по существу применительно к юрисдикционным актам, которые нуждаются в этом — актам иностранных судов, третейских судов и пр. В настоящее

время отсутствуют единообразия в теоретическом понимании процессуальной сущности признания акта, приведения его в исполнение, возможности его обжалования и т. д. Обобщение разнообразных норм многочисленных международных договоров и иных норм даст возможность унифицированно разрешить соответствующие вопросы в Исполнительном кодексе.

В заключение необходимо отметить, что в целом следует поддержать идею создания Исполнительного кодекса как акта, который только и позволит достичь искомого единообразия в данной сфере юридической деятельности как части механизма обеспечения исполнения и общеправовых, и индивидуальных правовых норм. Действительно, даже новый Федеральный закон «Об исполнительном производстве», к сожалению, упускает из вида целый ряд реалий, игнорировать которые не только не рационально, но и теоретически и практически неправильно. Так, данный Закон не основан на понимании действительного места исполнения в правовой системе; не содержит единой системы производств и стадий в зависимости от меры общего и особенного в конкретной ситуации исполнения; не учитывает реально сложившейся двухуровневой системы как государственной власти в целом, так и судебной власти.

И.Е. Милова,
*кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой Института права
Самарского государственного
экономического университета*

Формирование концепции адвокатского расследования

В свое время в процессуальной науке высказывалось мнение, что адвокат при выполнении своих функций вправе собирать нужные ему для защиты сведения, принимать меры к выяснению лиц, могущих быть свидетелями в пользу обвиняемого, при обязательном, конечно, условии, что все его действия соответствуют закону. Многие известные ученые призывали устранить недоверие к адвокатам, подозрительность к ним, опасения, что стоит адвокату дать большую свободу, то он и свидетелей начнет подговаривать к ложным показаниям, и документы будет подготавливать неверные¹.

Развивая эту идею, некоторые авторы признавали за защитником право на обращение за разъяснениями в научные учреждения с целью получения сведений для оспаривания обвинительной версии, обоснования ходатайства защитника о назначении экспертизы или для опровержения выводов уже полученного экспертного заключения².

¹ См.: *Строгович М.С.* Деятельность адвокатов в качестве защитников обвиняемых // Советское государство и право. 1981. 8. С. 92–95.

² См.: *Стецовский Ю.И.* Уголовно-процессуальная деятельность защитника. М., 1982. С. 58.

Близкую позицию занимали ученые, полагавшие, что защитнику нет нужды отказываться от встречи с людьми, которым что-то известно по делу. Он не может проигнорировать просьбу своего подзащитного побеседовать с лицами, которые могут опровергнуть или смягчить обвинение¹.

Сходных взглядов придерживались процессуалисты, считавшие, что в целях последующего представления доказательств допустимо защитнику беседовать с гражданами, располагающими определенными сведениями, получать от них письменные объяснения, проводить самостоятельный осмотр места происшествия, фотографировать предметы, имеющие отношение к расследуемому событию, а также изготавливать модели и образцы. Подобным взглядам близка точка зрения о том, что в связи с осуществлением защиты адвокат может прибегнуть к помощи специалиста².

Несколько позже в науке появились смелые предложения о наделении защитника правом проводить следственные действия в целях выявления обстоятельств, оправдывающих или смягчающих ответственность подозреваемого, обвиняемого, а также излагать свои выводы в особом документе — оправдательном заключении или в заключении о смягчении ответственности обвиняемого. При этом подчеркивалось, что круг следственных действий, которые вправе проводить защитник, должен быть достаточно широким, но не должен повторять те следственные действия, которые уже провел дознаватель, следователь, прокурор³.

Отечественные процессуалисты в преддверии демократических преобразований сформулировали революционную идею о том, что защитнику целесообразно предоставить право производить «параллельное расследование», а по делам общественно-публичного обвинения права представителя потерпевшего должны быть существенно расширены, «вплоть до допущения адвокатского расследования, смыкавшегося с расследованием служебным»⁴. В первом случае имелось в виду расследование в интересах обвиняемого, а во втором — в интересах жертвы преступления. Подобная постановка и решение проблемы связывались с различными субъектами и полярно противоположными функциями в уголовном процессе — обвинением и защитой. Вместе с тем ставилась задача введения нового института уголовно-процессуального права.

Фундаментальные основы адвокатского расследования заложила Концепция судебной реформы в Российской Федерации, утвержденная Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года. В ней содержатся весьма значимые положения, сводящиеся к тому, что защитнику и представителю потерпевшего обеспечивается возможность самостоятельно собирать доказательства по делу, допустимость которых устанавливается законом. В то же время ничем не может быть ограничено право адвоката

¹ См.: *Петрухин И.Л.* О расширении защиты на предварительном следствии // Советское государство и право. 1982. 1. С. 84.

² См.: *Варфоломеева Т.В.* Криминалистика и профессиональная деятельность защитника. Киев, 1987. С. 17–18.

³ Там же. С. 22–23.

⁴ *Горя Н.* Принцип состязательности и функции защиты в уголовном процессе // Советская юстиция. 1990. 7. С. 22.

встречаться с очевидцами события и другими лицами, располагающими какими-либо сведениями по делу, требовать их вызова и допроса¹.

Под таким углом зрения ролевые функции адвоката-защитника и представителя потерпевшего выглядят крайне эффективно, полностью вписываясь в модель состязательного уголовного процесса, с равными правами сторон в собирании доказательств.

Основные направления, обозначившие возникновение института адвокатского расследования, определенные в Концепции судебной реформы в Российской Федерации, получили последующее законодательное закрепление. В качестве примера приведем предписание ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, ст. 15, ч. 3 ст. 86 УПК Российской Федерации, п. 3 ст. 6 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Вместе с тем в Концепции не использовались категории — «параллельное расследование», «адвокатское расследование» или «частное адвокатское расследование», которые появились на теоретическом уровне значительно позднее.

Нормативная концепция параллельного расследования была впервые предложена авторским коллективом под руководством С.А. Пашина в Проекте УПК РФ, подготовленном в Главном государственном правовом управлении Президента Российской Федерации. Проект предусматривал возможность производства частных расследовательских мер (по типу розыскных мероприятий) с привлечением сторонами в том числе частных детективов (п. 5 ч. 1 ст. 89 Проекта), а также частных следственных действий с участием официального наблюдателя от органа дознания для содействия и создания гарантий законности в сборе доказательственного материала (ст. 75, 81, 89, п. 3 ч. 3 ст. 101, ст. 161 Проекта).

Очевидна искусственность такого рода конструкции, ее легальное внедрение вряд ли дало бы положительный эффект при розыскной природе российского уголовного процесса. На тот момент для реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве за счет параллельного расследования не существовали исторические, экономические, социальные и правовые предпосылки.

Достаточно известен Проект УПК РФ, разработанный депутатами-членами Комитета Государственной Думы по законодательству и судебно-правовой реформе, предусматривающий наделение защитника правом собирать и представлять предметы, документы и сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе опрашивать частных лиц, а также запрашивать справки, характеристики и иные документы из различных организаций, объединений; запрашивать с согласия подзащитного мнение специалистов для разъяснения возникающих в связи с оказанием юридической помощи вопросов, требующих специальных познаний. Таким образом, предлагалось «предпроцессуальной» доказательственной деятельности защитника придать процессуальный характер².

---

¹ См.: *Пашин С.А.* Предисловие к официальному тексту Концепции судебной реформы в России. Концепция судебной реформы. URL: <http://www.neps.ru/node>.

² См.: *Резник В.Ю.* Теоретические основы и практика деятельности адвоката на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. С. 8.

УПК РФ нельзя назвать полным воплощением предложений вышеприведенных Проектов, что оставляет место для научных изысканий.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство впервые закрепило положение о том, что «защитник вправе собирать доказательства». При этом определены и пути данной деятельности: получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций (п. 1–3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Анализируя ст. 86 УПК РФ, заметим, что положения, включенные в п. 1 и 2 ч. 3 данной нормы, представляют собой новеллы уголовно-процессуальной деятельности защитника в сфере доказывания, имеющие отношение к досудебному производству по уголовным делам и представляющие собой значительный шаг в эволюции института адвокатского расследования. Законодатель, предоставив защитнику право собирать доказательства, по сути, признал за ним право производить адвокатское расследование. Наделив адвоката-защитника правом опрашивать лиц с их согласия, получать документы, предметы и иные сведения, УПК РФ придал этой деятельности процессуально-правовой характер, включил ее в сферу доказывания по уголовным делам.

В свете сказанного возникает вопрос, к какой категории должны быть отнесены действия адвоката по собиранию и фиксации доказательств. Думается, что ответ дает п. 32 ст. 5 УПК РФ, где упоминается о «следственных, судебных или иных действиях». Очевидно, что указанные действия не являются ни следственными, ни судебными, но вполне попадают в разряд «иных действий», хотя это и слишком общее понятие. Вместе с тем более правильно было бы именовать их конкретным термином, что ставит перед наукой задачу его формулировки. Вполне возможно ввести дефиницию «действия защиты» или «действия стороны защиты», либо «действия частного характера». Предлагаемые термины носят универсальный характер, поскольку позволяют использовать их для процессуальных действий защиты, совершаемых как в суде, так и при производстве дознания или предварительного следствия.

Сторонники адвокатского расследования считают целесообразным ввести в УПК РФ самостоятельную главу «Проведение частного расследования», в которой можно систематизировать нормы, регламентирующие рассматриваемую деятельность и порядок фиксации ее результатов. Некоторые авторы говорят о необходимости предусмотреть уголовную ответственность для адвокатов-защитников за фальсификацию доказательств.

Получила свое развитие мысль, высказанная в начале 90-х гг. прошлого столетия, об изложении выводов стороны защиты в оправдательном заключении или в заключении о смягчении ответственности обвиняемого¹.

Перспективы совершенствования правовых основ участия адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе в доказывании, состоят в корректировке уже существующих норм, регламентирующих различные формы доказательственной деятельности защитника, и во введении новых норм, расширяющих права защитника в этом направлении.

¹ См.: Горя Н. Указ. соч. С. 22–23.

В.А. Пономаренков,
кандидат юридических наук, доцент
Института права Самарского
государственного экономического
университета

Понятие и источники международных стандартов уголовного судопроизводства

В настоящее время отмечается расширение круга вопросов, в той или иной мере регулируемых международным правом. Сфера регулирования уголовно-процессуальных отношений, действовавшая в основном в соответствии с внутригосударственными нормами права, в настоящее время подлежит регулированию в соответствии с *международными стандартами*, под которыми понимают *общепризнанные международно-правовые принципы и процедуры, относящиеся к сфере правового регулирования уголовно-процессуальных отношений*.

Международные стандарты не просто закрепляют перечень общепризнанных принципов международного права (прав и свобод человека, отправления правосудия и др.) и процедур, но и устанавливают их объем, минимальный уровень, на котором они должны реализовываться в государстве, провозгласившем либеральные ценности составной частью своей правовой системы. Поэтому реализация стандартов требует создания как соответствующих международных, так и внутригосударственных механизмов. Нормы внутреннего права создаются в соответствии с международными стандартами, в этом и состоит суть процесса инкорпорации, то есть включения норм международного права во внутригосударственное право.

Согласно Конституции РФ (ч. 4 ст. 15) «*общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы*». При этом указывается, что «*если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора*».

Международные стандарты определяют ту планку, ниже которой цивилизованные государства опускаться не могут. В связи с тем, что юридические, социальные, этнические, экономические и географические условия в мире различны, не все стандарты можно применять повсеместно и одновременно. Однако они должны вызывать постоянное стремление государств к преодолению практических трудностей, стоящих на пути их осуществления, поскольку в целом отражают те минимальные условия, которые международное сообщество считает приемлемыми.

Необходимо отметить, что источниками международных стандартов в сфере уголовного судопроизводства являются не только нормы международного права и международные договоры, но и международно-правовые обычаи, решения международных судебных органов, международные

акты рекомендательного характера, содержащие в себе общепризнанные международно-правовые принципы и процедуры, относящиеся к сфере правового регулирования уголовно-процессуальных отношений.

Международные стандарты уголовного судопроизводства могут иметь различный порядок их закрепления, они могут существовать в форме неписаных международно-правовых обычаев, а могут быть зафиксированы в каких-либо документах. При этом документы, в которых содержатся общепризнанные принципы международного права, могут быть как обязательными для выполнения (например, Устав ООН), так и носящими рекомендательный характер (декларации, резолюции, а также документы, принятые под эгидой специализированных учреждений, например, ООН, ВОЗ, МОТ, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО и др.).

На региональном уровне под влиянием Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., появились акты о правах человека: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Американская декларация прав и обязанностей человека, Африканская хартия прав человека и прав народов. При этом на региональном уровне созданы международные судебные органы, призванные обеспечить претворение в жизнь норм данных международных актов и общепризнанных принципов международного права, что породило необходимость реформирования сферы судостроительства и судопроизводства на национальном или внутреннем уровне.

Если говорить о решениях международных судебных органов, то под ними понимаются акты, постановленные структурами, наделенными полномочиями по отправлению правосудия, например, Европейским Судом по правам человека и др.

В международных судебных органах (рассматривающих споры между государствами и разбирающих дела между государствами и физическими лицами) применяются процедуры, большинство которых сложилось на региональном (межнациональном) уровне и отрабатывалось в судах внутри государств. Эти выработанные процедуры и принципы, лежащие в их основе, превратились в международные стандарты, в силу чего они представляют интерес для реформирования российского уголовного судопроизводства.

Международные акты рекомендательного характера (например, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и др.) служат дополнительными источниками международного права, позволяющими лучше разобраться в содержании международно-правовых стандартов. Они могут и должны применяться в качестве таковых не только международными судебными органами, но и национальными судами при отправлении правосудия.

Международные стандарты, включающие в себя международно-правовые принципы и процедуры как наиболее общие правила поведения участников международного общения, оказывают существенное влияние на установление международных и национальных правовых норм как более конкретных правил поведения. Тот или иной принцип может не только предопределить возникновение конкретных правил, но и подчинить их себе. Это выражается в том, что более конкретные правила поведения согласуются между собой и в то же время соотносятся с принципом как более общим правилом поведения.

Нормы международного права закрепляют конкретные правила поведения, при этом последние всегда оформляются в виде норм международных актов или международно-правовых обычаев. Принцип может быть сформулирован в каком-либо международном акте в виде некоторой нормы, но может и не получить четкой формулировки, а проявляться в совокупности норм, изучение которых в комплексе позволяет судить об их соответствии определенному принципу.

Международные стандарты служат минимальными ориентирами при определении направления развития правового регулирования различных социально-правовых институтов конкретной страны, а вовсе не являются догмами, стоящими выше любых правил, действующих в каждом отдельном государстве¹. Такие нормы могут быть частью правовой системы страны, но не отменять ее писаное право; они должны применяться с осторожностью, позволяющей учитывать различия правовой культуры, правового сознания. Это дает возможность национальной правовой системе находиться в рамках исторически достигнутого и международно-поощряемого уровня и эволюционировать.

В свою очередь решения национальных судебных органов и практика деятельности правоохранительных органов, призванных регулировать социальные вопросы общественного развития, жизнедеятельности институтов общества, а также защищать права и законные интересы человека и гражданина, подтверждают действие международных стандартов. Другими словами, эти решения и складывающаяся практика помогают определить отношение государства к конкретному правилу поведения и тем самым позволяют демонстрировать признанность стандартов и содержание признанного стандарта.

Высокое значение международных стандартов в сфере уголовного судопроизводства во многом объясняется ростом интенсификации международного общения. Это требует тщательного изучения международных стандартов, а также тенденций их развития, поскольку международные стандарты постоянно эволюционируют. Только на основе глубокого знания и понимания международных стандартов можно адекватно внедрять их в отечественную уголовно-процессуальную деятельность. Такое внедрение должно послужить толчком к дальнейшему развитию отечественной системы уголовного судопроизводства на основе обобщенного мирового опыта.

Провозгласив приоритет прав и свобод человека и гражданина и возложив на государство обязанность не только признавать, соблюдать и защищать человека, его права и свободы, но и гарантировать в силу ч. 1 ст. 45 их государственную защиту, Конституция РФ признала тем самым человеческую личность высшей из всех ценностей, которыми располагает общество, и придала интересам личности статус публичных интересов, защита которых должна быть гарантирована в любом государстве независимо от его политического, экономического и идеологического устройства².

¹ См.: Автономов А.С. Международные стандарты в сфере отправления правосудия. М., 2007. С. 12–14.

² См.: Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 15.

Вступление России в Совет Европы (1996 г.), ратификация Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней (1998 г.) возложили на нашу страну обязанность поддерживать и обеспечивать уровень защиты прав и свобод человека и гражданина в соответствии с требованиями международных стандартов, которые нашли свое воплощение в Конституции РФ, действующем уголовно-процессуальном законодательстве в форме принципов.

Таким образом, международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства представляют собой комплексные принципиальные положения, содержащие базовые рекомендации, направленные на обеспечение гуманизации, рационализации и эффективности уголовного процесса, обеспечение прав и интересов участников уголовно-процессуальных отношений.

Г.А. Третьякова,

кандидат исторических наук, доцент,

зам. директора Института права

Самарского государственного экономического
университета

Таможенная политика России в начале XIX века

Осуществление стратегических мероприятий в области защиты экономического суверенитета и безопасности государства, внутреннего рынка, отечественной торговли и промышленности всегда было неразрывно связано с проводимой в стране таможенной политикой. А таможенная политика всегда являлась составной частью как внешней, так и внутренней политики государства.

Место, роль и содержание таможенной политики определяются многими составляющими, привносимыми в нее из других политик. Она оказывается тесно связанной с ними и прямо или косвенно им подчиняется. Это подчинение обусловлено также тем, что на ее формирование и реализацию оказывают влияние государственные, общественные, деловые структуры как внутри страны, так и на международном уровне, одни из которых являются субъектами, другие — объектами таможенной политики.

«Таможенная политика» — сложная категория, включающая несколько направлений. По мнению Н.М. Блинова, В.Н. Иванова, В.Б. Кухаренко и А.Г. Пашинского, правовая (властная), организационная (институциональная), экономическая, психоэтическая, технико-технологическая и коммуникационная политики являются элементами таможенной политики. Эти же авторы подразделяют на отдельные элементы и правовую (властную) политику, включая в нее в качестве элементов «обретение, удержание и использование государственной власти в сфере регулирования ВЭД». И, наконец, они определяют таможенную политику как систему, «... комплекс мер, правил регулирования, способов упорядочения ВЭД посредством нормативно-законодательной базы и мер административно-властного характера, которыми

наделены таможенные органы»¹.

Начало XIX в. отмечено активным участием России в масштабных внешнеполитических событиях. Это не могло не сказаться на ее внешней торговле, которая в значительной степени регулировалась мерами таможенного характера. Поскольку европейское и восточное направления в российской внешней торговле развивались неравнозначно, то неодинаковым было и их таможенное обеспечение.

В начале XIX в. был отменен запрет на вывоз русских товаров из портов². Александр I снял также запрет на ввоз в Россию фарфора, фаянса, инструментов, тканей и других товаров, введенный Павлом I в 1800–1801 гг.³ В 1802–1807 гг. были повышены ввозные пошлины на сахар, ткани и хлопчатобумажную пряжу. При этом был разрешен беспошлинный ввоз машин и инструментов для фабрик⁴.

Однако фритрейдерские тенденции в таможенной политике России стали противоречить внешнеполитической конъюнктуре. Исходя из секретных статей Тильзитского мира, заключенного между Россией и Францией, российским императорским указом от 20 марта 1807 г. был запрещен импорт английских мануфактурных товаров. На все находящиеся в русских портах суда и имущество англичан был наложен арест. Русским судам, находившимся в Англии, было приказано немедленно вернуться в Россию без груза. Однако товары английского происхождения продолжали прибывать на нейтральных судах, и в 1809 г. вышло постановление о том, что нейтральность груза должна быть доказана капитаном судна перед «комиссией нейтрального мореплавания» в Петербурге или Архангельске⁵.

Подобное положение привело к многочисленным затруднениям внутри страны, из которых правительство рассчитывало выйти путем тарифно-пошлинных мероприятий. Было разработано «Положение о торговле на 1811 год». Для поддержания экспорта вывозные пошлины на часть товаров были отменены (хлеб, железо), но на некоторые, исходя из фискальных соображений, повышены (лен, пенька, соль и др.). В то же время был крайне ограничен импорт: продукты, отнесенные к «предметам роскоши», а также те, которые могли производиться внутри страны, запрещались к ввозу. Остальные предметы импорта, за исключением сырья, подлежащего беспошлинному пропуску, были обложены очень высокой пошлиной. Таможенно-политические принципы «Положения о торговле на 1811 год» установили почти запретительную систему по отношению к ввозу товаров, но в то же время создали благоприятные условия для торговли с нейтральными государствами⁶.

После поражения Наполеона на конгрессах европейских держав высказывались пожелания установления дружественных торговых связей между

---

¹ Блинов Н.М., Иванов В.Н., Кухаренко В.Б., Пашинский А.Г. Проектирование таможенной политики. М., 2001. URL: <http://ilts.ru/cgi-bin/eng.p>.

² См.: ПСЗ. Т. XXVI. 19775.

³ См.: Там же. 19812.

⁴ См.: Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. Челябинск, 2005. С. 168.

⁵ См.: Сидиков А.Ю. Внешнеторговая и таможенная политика России в XIX веке: дис. ... канд. эконом. наук. Владикавказ, 2004. С. 18.

⁶ Там же. С. 18.

нациями, исключения всяких препятствий в международной торговле. В силу этого был принят тариф 1816 г., представлявший собой меру переходную и довольно осторожную¹. Остался запрет на ввоз многих товаров (как и в Положении о торговле 1811 г.). В остальном пошлинное обложение снизилось в среднем на 50 %, отчего тариф и заслужил название «половинного». Тариф 1916 г. предусматривал обложение как *ad valorem* (пошлиной с цены), так и неценовыми пошлинами, в зависимости от категории товара. Вместе с тарифом вводились новые правила по его применению. Для борьбы с заниженной оценкой товаров, облагаемых пошлиной с цены, таможенники получили право оставлять товары в свою пользу по заявленной цене плюс 10 % и т.п.²

Раздел Польши между Россией, Пруссией и Австрией привел к изменению таможенной политики. Тариф 1819 г., введенный в действие в 1820 г., декларировал свободу внешней торговли, разрешил ввоз в Россию практически всех промышленных товаров. Он содержал ценовые пошлины в размере 2, 3, 5, 6 и 15 %, но только для сырья, не производимого внутри страны и легко провозимых тайными способами предметов (например, драгоценностей). На остальные товары устанавливались ввозные пошлины от 25 до 60 %. Запретительных статей стало меньше, но на ранее запрещенные товары обложение достигало 60 %, что фактически являлось запретом³.

Еще до опубликования нового тарифа Александр I в октябре 1819 г. установил беспошлинную (за некоторым исключением) торговлю с Царством Польским. Таможенный тариф 1819 г. (вступивший в действие с 1820 г.) привел к реальной корректировке правовых основ российской внешней торговли в интересах других государств, прежде всего Пруссии, Австрии и новых польских земель⁴.

Российские промышленные и торговые предприниматели не смогли быстро приспособиться к введению элементов свободной торговли и стали оказывать сильное давление на власть. В силу этого в 1820 г. на некоторые товары пошлины были увеличены. А в 1822 г. русское правительство издало новый тариф, который почти целиком возвратился к положениям тарифа 1816 г. с теми же многочисленными запрещениями и высокими пошлинами.

Таможенное регулирование восточной и южной торговли России имело ряд особенностей. Во-первых, оно было менее четко регламентировано. Во-вторых, таможенные пошлины отличались от аналогичных по европейской торговле.

28 мая 1812 г. между Россией и Турцией по итогам русско-турецкой войны 1806–1812 гг. был заключен Бухарестский мир, в результате чего Россия присоединила значительную часть Черноморского побережья Кавказа и получила право торгового судоходства по всему течению Дуная. Этот договор повлек за собой развитие российского торгового законодательства. Так, в октябре 1811 г. Александр I утвердил особые правила для торговых отношений «с черкесами и абазинцами», которые номинально находились

¹ См.: *Лодыженский К.И.* Указ. соч. С. 184.

² См.: *Абашеева Е.А.* Нормативно-правовое регулирование таможенной деятельности на европейской границе в первой половине XIX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 46.

³ См.: Там же. С. 53.

⁴ См.: Там же. С. 54.

под властью Турции. Согласно указанным правилам купцы, занимающиеся торговлей с горами, получали значительные выгоды. Товары, которые привозились в Керчь и Бугаз, должны были там беспошлинно обмениваться по установленному тарифу, за исключением банковских ассигнаций и всякого огнестрельного и холодного оружия, пороха, свинца, железа и стали¹. Через 10 лет были утверждены новые «Правила для торговых сношений с черкесами и абазинцами». Они разрешали доставку только тех товаров, которые были означены в «особой росписи». С российской стороны можно было отпускать только те товары, которые по таможенному тарифу «к вывозу дозволены». Как и по упомянутым «Правилам» 1811 г. запрещалось экспортировать российские и иностранные серебряные и медные монеты, российские банковские ассигнации, огнестрельное и холодное оружие, порох и свинец, «как в деле, так и в кусках или слитках»².

Гюлистанский мирный договор 1813 г., завершивший русско-иранскую войну 1804–1813 гг. не только оформил включение в состав России значительных территорий Закавказья, но и предоставил русским купцам право свободной торговли в Иране, а иранским — в России.

С 1817 г. в Одессе начал свое существование режим беспошлинной торговли (действовавший в течение 42 лет).

Развитие тарифной системы в начале XIX в. привело к росту контрабанды, которая существенным образом влияла на состояние внешней торговли. Как следствие, в Российском государстве повышенное внимание уделялось изменению правовой базы, обеспечивающей организацию таможенных служб. В 1819 г. был принят Таможенный Устав, с утверждением которого «в России появляется систематическое законодательство о контрабанде»³. В Уставе содержалось определение понятия контрабанды. Под ней понимались не только товары, проносимые или провозимые через границу мимо таможен, но также и товары, привезенные из-за границы и не указанные в предъявленных в таможенную документацию документах.

Таким образом, в начале XIX в. правительство пыталось вести сбалансированную таможенную политику, однако она не всегда была однозначна и адекватна потребностям развития Российской империи.

---

¹ См.: Пчегалтук С. Из истории торговых отношений России и Кавказа: организация деятельности Попечительства керченской и бугазской торговли // Два века. Журнал российской истории 18–19 столетий. 3.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 37. С. 878.

³ Угаров Б.В. Международная борьба с контрабандой. М., 1981. С. 21.

• К ЮБИЛЕЮ ВУЗА –
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

И.В. Шишко,
*доктор юридических наук, директор
Юридического института Сибирского
федерального университета*

**О Юридическом институте
Сибирского федерального университета**

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск) уже более полувека является ведущим центром по подготовке высококвалифицированных юридических кадров в Красноярском крае. Он был основан в 1955 г. как учебно-консультационный пункт ВЮЗИ, впоследствии преобразованный в заочный факультет Томского госуниверситета. В 1969 г. этот факультет вошел в состав нового — Красноярского государственного университета. В 2006 г. на базе КрасГУ был создан Сибирский федеральный университет, в котором Юридический институт занимает достойное место среди других 16 институтов.

За более чем полувековое развитие Юридический институт СФУ превратился в один из флагманов юридической науки и высшего образования Сибири: на его базе создан Учебно-методический совет по образованию в области юриспруденции Сибирского федерального округа.

Институт хорошо известен в России и за рубежом фундаментальными научными исследованиями в области уголовного права, криминалистики и криминологии, гражданского процесса и гражданского права, истории политических и правовых учений и теории государства и права, уголовного процесса, международного права, административного и налогового права.

О высоком уровне квалификации профессорско-преподавательского состава Юридического института свидетельствует то, что 77 % преподавателей имеют ученую степень доктора или кандидата юридических наук.

В Институте обучаются около 2300 студентов. Образовательная деятельность ведется по программам высшего и дополнительного профессионального образования. Наряду с традиционной подготовкой студентов по специальности «Юриспруденция» в Институте в соответствии с принципами Болонского процесса сформирована многоуровневая система подготовки. Так, на очном юридическом факультете ведется подготовка бакалавров и магистров.

Для Института важно, чтобы в нем обучались наиболее способные, высокообразованные и талантливые студенты. Поэтому уже более 10 лет действует система довузовского правового образования, которая ежегодно охватывает

до 1 500 школьников Красноярского края. О высоком уровне образования в Юридическом институте свидетельствует то, что его студенты получают стипендии Президента РФ, Правительства РФ и международных фондов, регулярно и успешно участвуют во всероссийских и международных конкурсах, олимпиадах, научно-практических конференциях.

Развитие фундаментальной и прикладной науки является приоритетным направлением в деятельности Юридического института. Научные труды профессорско-преподавательского состава Юридического института активно публикуются в центральных издательствах юридической литературы, иностранных и ведущих российских научных журналах. Так, в числе наиболее значимых из изданных в центральных издательствах за последние 5 лет можно назвать работы доктора юридических наук, профессора С.А. Дробышевского («История политических и правовых учений: основные классические идеи», 2008, 2-е изд.), доктора юридических наук, профессора Т.В. Сахновой («Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты», 2008), доктора юридических наук, профессора А.С. Барабаша («Публичное начало российского уголовного процесса», 2009), доктора юридических наук, профессора А.С. Горелика и доктора юридических наук, профессора Л.В. Лобановой («Преступления против правосудия», 2005).

Ряд монографий сотрудников Института вошел в золотой фонд отечественной юридической науки. Это фундаментальные работы доктора юридических наук, профессора В.П. Шахматова, посвященные исследованию теоретических проблем сделок в гражданском праве — «Сделки, совершенные с целью, противной интересам государства и общества» (1966), «Составы противоправных сделок и обусловленных ими последствий» (1967) и ставшая классической монография доцента Б.Т. Базылева «Юридическая ответственность. Теоретические вопросы» (1985).

В Институте идет процесс формирования научных школ (по уголовному праву, теории и истории государства и права, криминологии), чему способствует подготовка, в том числе с участием иностранных партнеров, по 5 специальностям (12.00.01, 12.00.03, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.15) в существующей при Институте аспирантуре.

С 2008 г. при Сибирском федеральном университете действует Объединенный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ 212.099.14 по трем специальностям — 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09.

Юридический институт регулярно организует международные и всероссийские научно-практические конференции, география участников которых весьма обширна. Так, в сентябре 2008 г. были организованы и проведены две крупные международные научно-практические конференции «Финансовая система России: опыт и перспективы правового регулирования» и «Сравнительное правоведение: наука, методология, учебная дисциплина», в которых приняли участие более 30 зарубежных ученых-правоведов. В международной конференции «Ювенальная юстиция в странах Европы и Азии: концепции и успешные практические модели» (22–25 сентября 2009 г.) участвовали эксперты из 11 стран (Англии, Германии, Дании, Испании, Италии, Литвы, Финляндии, Шотландии, Казахстана, Кореи и Японии).

Сотрудники института стремятся развивать связи с другими юридическими высшими учебными заведениями как России, так и мира. Так, в марте 2009 г. был заключен договор между СФУ и Санкт-Петербургским государственным университетом о сотрудничестве в области развития юридического образования. В последние годы заключены двусторонние договоры о сотрудничестве с университетом г. Алкалы (Испания), Чунбукским (Корея), Карловым (Чехия) и Вильнюсским (Литва) университетами.

В последние два десятилетия Юридический институт активно участвует в международных научных проектах и исследованиях: является грантополучателем крупнейших зарубежных фондов (Копорация Карнеги, Фонд Роберта Боша, Фонд Макартуров, DAAD) в области развития юридической науки и образования. Совместно с университетами Грайсфальда (ФРГ), Тилбурга (Нидерланды), Йонсуу (Финляндия) Институт является пятикратным грантополучателем Европейской программы TEMPUS.

Работники института уделяют пристальное внимание связи науки, образования и юридической практики. Преподаватели Института принимают активное участие в разработке и экспертизе проектов российских и краевых законов, подготовке замечаний и предложений в проекты постановлений Пленума Верховного Суда РФ, сотрудничают с федеральными органами власти, органами власти Красноярского края и других регионов.

Профессоры и доценты являются членами экспертных советов и комиссий органов власти, членами квалификационных комиссий, а заведующий кафедрой уголовного права, профессор, доктор юридических наук А.Н. Тарбагаев назначен членом Высшей квалификационной коллегии судей РФ — представителем общественности на четырехлетний срок.

По инициативе Юридического института при Красноярском краевом суде в 2006 г. был создан научно-консультативный совет, в состав которого наряду с судьями вошли преподаватели института. Позднее подобные научно-консультативные советы были созданы при Третьем Арбитражном Апелляционном суде и Управлении Следственного комитета при Прокуратуре РФ по Красноярскому краю.

В то же время практические работники привлекаются к чтению лекций, рецензированию дипломных работ, участвуют в работе государственных аттестационных комиссий.

Кроме того, в 2001 г. в состав института вошла Юридическая клиника, созданная в апреле 1998 г. на базе общественной приемной Красноярского общественного комитета по защите прав человека. Ежегодно студенты-клиницисты Юридического института под руководством наставников из числа преподавателей института оказывают правовую помощь более двум тысячам социально-незащищенных граждан.

В 2008 г. в институте создан НИИ законодательства и правовой политики.

Институт активно сотрудничает со средствами массовой информации. К примеру, в 2009 г. партнерские отношения с федеральным правовым порталом «www.pravo.ru» позволили сотрудникам института начать реализацию уникального для России некоммерческого проекта — бесплатного адресного профессионального юридического интернет-консультирования

граждан профессорско-преподавательским составом, аспирантами и лучшими студентами института.

В следующем году Юридическому институту Сибирского федерального университета исполнится 55 лет. Этот юбилей преподаватели и сотрудники встречают устремленными в будущее и с надеждами на дальнейшее развитие своего института.

О.Е. Щербинина,

*кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой Юридического института
Сибирского Федерального Университета*

Право на информацию в системе прав человека

В системе прав человека в качестве одной из составляющих закреплено право на информацию.

В современных условиях значение информации трудно переоценить. Она позволяет развивать межгосударственное сотрудничество, контакты между народами, выполняет коммуникативную функцию внутри каждого государства. О месте и роли информации, ее значимости неоднократно указывалось в различных международных документах: Документе Московского совещания 1991 г., Решении Будапештского саммита СБСЕ 1994 г., Окинавской хартии глобального информационного общества 2000 г.¹ и других. Сознвая важность информации для жизни человека и общества, государства заключают межправительственные соглашения, стремясь создать общее информационное пространство независимо от государственных границ. Примером подобных актов могут служить Соглашение о сотрудничестве в области информации 1992 г., Соглашение о сотрудничестве в формировании информационных ресурсов и систем, реализации межгосударственных программ государств-участников СНГ в сфере информатизации 1999 г., Соглашение о сотрудничестве в распространении массовой информации 2002 г., Соглашение об обмене материалами национальных информационных агентств государств-участников СНГ 2003 г.² Информационные обмены признаются важнейшей формой сотрудничества. Несомненно, что такое сотрудничество в полной мере содействует осуществлению права на информацию.

Для характеристики права на информацию и раскрытия его содержания важно определиться с тем, что понимается под информацией. С одной стороны, информация понимается как сообщение о чем-либо, с другой стороны, она рассматривается как сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи. Исходя из такого понимания, право на информацию следует рассматривать, с одной стороны, как право на сообщение чего-либо,

¹ См.: Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 1998. С. 670, 685; Дипломатический вестник. 2000. 8.

² См.: Бюллетень международных договоров. 1993. 10; 2002. 11; 2003. 11; 2008. 6.

а с другой стороны, как право на сведения, хранимые, перерабатываемые и передаваемые. Следовательно, право на информацию — это право информировать о чем-либо, то есть осуществлять информационную деятельность, распространять какие-либо сведения, а также это право получать, иметь, хранить, перерабатывать какие-либо сведения. Первая часть такого определения непосредственно связана со свободой слова, свободой выражения мнения. Именно в таком понимании право на информацию чаще всего провозглашается и закрепляется в международных актах. В частности, согласно ст. 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹ каждый человек имеет право на свободу убеждений и свободное выражение их; это право включает в том числе и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ. Подобная формулировка содержится в ст. 19 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ст. 11 Конвенции СНГ о правах и свободах человека 1995 г., ст. 13 Американской конвенции о правах человека 1969 г.²

Наряду с указанными актами, которые в равной степени касаются любого человека, право на информацию соответствующим образом закреплено в международных актах, имеющих целью защиту прав отдельных категорий населения. Так, право детей на свободу выражения мнения и, как его часть, право на поиск, получение и передачу информации, установлено в ст. 13 Конвенции о правах ребенка 1989 г.³ Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право на свободу выражения мнений, получения и обмена информацией на своем языке по Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995 г. (ст. 9)⁴. Немаловажное значение в рассматриваемом аспекте имеет ст. 13 Конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.⁵

В национальном законодательстве государств право на информацию также закреплено, но имеет свои особенности. В конституциях ряда государств оно так же, как и в международных актах, непосредственно связано со свободой слова. Например, согласно ст. 24 Конституции Республики Армения⁶ каждый имеет право на свободу слова, включая свободу поиска, получения и распространения сведений и идей через любые средства информации, независимо от государственных границ. Во многих государствах их основные законы свободу слова и право на информацию закрепляют отдельно. Так, согласно ст. 37 Конституции Португальской Республики⁷ все имеют право получать и добывать информацию без каких-либо препятствий и дискриминации. По ст. 39 Конституции Азербайджанской Республики каждый обладает свободой законным путем искать, приобретать, составлять и распространять инфор-

¹ См.: Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 1998. С. 42.

² См.: Там же. М., 1998. С. 59, 723; Бюллетень международных договоров. 1998. 7; 1999. 6.

³ См.: Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 1998. С. 310. См.:

⁴ См.: Бюллетень международных договоров. 1999. 5.

⁵ См.: Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 1998. С. 364.

⁶ См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии: сб. документов. М., 1998, с.109.

⁷ См.: Конституции государств Европейского Союза. М., 1997. С. 529.

мацию. Право свободно получать и распространять информацию любым, не запрещенным законом способом, имеет каждый (ст. 20 Конституции Республики Казахстан)¹. Право каждого искать, получать и распространять любую информацию, за исключением направленной против существующего конституционного строя и других ограничений, предусмотренных законом, закреплено в ст. 29 Конституции Республики Узбекистан². Достаточно своеобразно указанное право закреплено в Конституции Эстонской Республики³. Каждый имеет право получать информацию, распространяемую для всеобщего пользования (ст. 44), а согласно ст. 45 каждый имеет право свободно распространять идеи, мнения, убеждения и иную информацию устно, печатно, изобразительным или иным способом. В соответствии с ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Приведенные положения основных законов ряда государств показывают, что закрепленное в них право на информацию различно по своему объему и содержанию. Представляется, что более всего правомочий, раскрывающих содержание права на информацию, содержится в Конституции РФ и ее формулировки в значительной степени соответствуют положениям международных актов. В большинстве же других конституций эти правомочия значительно уже и сводятся к получению информации и ее распространению.

Характеризуя право на информацию, следует подчеркнуть, что оно не носит абсолютного характера. Это вытекает как из формулировок международных актов, так и национального законодательства. Так, провозглашенное во Всеобщей декларации право на информацию, на первый взгляд, можно воспринимать как абсолютное, поскольку в ст. 19 ничего не говорится о каких-либо ограничениях. Однако о возможности ограничений всех прав и свобод человека, провозглашенных в Декларации, сказано в ст. 29. Более конкретное правило об ограничении права на информацию содержится в п. 3 ст. 19 Пакта о гражданских и политических правах. Ограничение может иметь место только на основании закона и является необходимым для уважения прав и репутации других лиц, а также для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Еще более широкий перечень оснований для возможных ограничений этого права содержится в ч. 2 ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Кроме оснований, указанных в Пакте, ограничение может быть введено в интересах территориальной целостности, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, недопущения разглашения конфиденциальной информации, авторитета и беспристрастности правосудия.

Введение ограничений предусмотрено и другими международными актами. Такую возможность государства реализуют в национальном законодательстве, хотя формулировки их различны. Так, ст. 29 Конституции РФ

¹ См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии: сб. документов. С. 63, 232.

² См.: Там же. С. 455.

³ См.: Там же. С. 632.

ничего не говорит непосредственно об ограничении права на информацию, но указывает, что искать, получать, передавать, производить и распространять информацию можно только любым законным способом. Включение формулы законности в этом аспекте позволяет говорить об определенном ограничении. Кроме того, в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусмотрено, что права и свободы, а значит, и право на информацию, могут быть ограничены федеральным законом, если это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Конституции ряда других государств предусматривают возможность ограничения права на информацию непосредственно. Например, по ст. 34 Конституции Республики Беларусь¹ пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав. Согласно Основному Закону ФРГ² границы свободы получения информации из общедоступных источников устанавливаются предписаниями общих законов и другими правовыми актами. По мотивам совести и сохранения профессиональной тайны ограничивает право на информацию Конституция Испании. Наказание в соответствии с общими принципами уголовного права за нарушения, совершенные при пользовании свободой слова и информации, предусмотрено Конституцией Португалии. Достаточно большой перечень оснований для ограничения свободы информации содержит Конституция Швеции³. Она может быть ограничена в интересах государственной безопасности, экономики, общественного порядка и безопасности, достоинства личности, святости частной жизни, предупреждения преступлений и привлечения к ответственности за них.

Соответствующие основания имеются и в основных законах других государств. Несмотря на имеющиеся в них различия по перечню таких оснований, превалирующим можно назвать ограничение права на информацию в целях защиты прав и свобод других лиц, особенно в части, касающейся частной жизни лица. Недопустимость вмешательства в личную и семейную жизнь, незаконность посягательства на честь и репутацию человека вытекают из Всеобщей декларации прав человека (ст. 12), Пакта о гражданских и политических правах (ст. 17). Право на уважение частной и семейной жизни каждого закреплено в ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в ст. 9 Конвенции СНГ о правах и свободах человека, других международных актах. В связи с этим в национальном законодательстве предусмотрены специальные правила об ограничении права на информацию. Например, согласно ст. 24 Конституции РФ сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается. Подобные правила содержатся в конституциях Азербайджана (ст. 34), Таджикистана (ст. 23), Украины (ст. 32)⁴. Особый порядок защиты

¹ См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии: сб. документов. С. 141.

² См.: Конституции государств Европейского Союза. С. 182.

³ См.: Там же. С. 375, 705.

⁴ См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии: сб. документов. С. 405, 515.

права на неприкосновенность частной жизни при сборе и распространении информации о тех или иных лицах установлен Конституцией Королевства Нидерланды¹.

Помимо конституционных положений наличие согласия лица на распространение информации о его частной жизни предусмотрено и другими правовыми актами. В частности, одним из принципов правового регулирования отношений в сфере информации, закрепленных Федеральным законом от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационные технологии и о защите информации», является неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Недопущение распространения персональных данных без согласия субъекта предусмотрено также Федеральным законом от 27 июля 2006 г. «О персональных данных»². Наказание за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации предусмотрено Уголовным кодексом РФ (ст. 137). Подобное правило содержится в уголовных законах других государств, например, в ст. 135 УК Кыргызстана³.

Осуществление права на информацию в значительной степени зависит от наличия соответствующих гарантий. Обязанность государств предусмотреть такие гарантии и осуществить их следует из международных договоров, в которых они участвуют. Так, в соответствии со ст. 2 Пакта о гражданских и политических правах государства-участники обязуются принять меры, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, закрепленных в Пакте, в том числе и права на информацию. Подобные обязанности государств предусмотрены в ст. 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 1 Конвенции СНГ о правах и свободах человека, ст. 1 Американской конвенции о правах человека, ст. 1 Африканской Хартии прав человека и народов⁴. Обязанности государств далее конкретизируются, прежде всего, в конституциях. В Российской Федерации общее положение о гарантиях прав и свобод человека закреплено в ст. 27 Конституции. Гарантия свободы мысли и слова, а также связанного с ними права на информацию предусмотрена в ст. 29 Конституции РФ. Очень лаконичная формула гарантии содержится в ст. 5 Основного закона Германии: свобода печати и свобода информации посредством радио и кино гарантируются. Такую же краткую формулировку содержит Конституция Мексики (ст. 6)⁵: право на получение информации гарантируется государством. В конституциях многих государств (например, Греции, Дании, Италии, Финляндии, Испании, Нидерландов, Португалии, Швеции)⁶ положений о гарантиях именно в отношении права

¹ См.: Конституции государств Европейского Союза. С. 477.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. 31 (ч. 1) ст. 3448; ст. 3451.

³ Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб., 2002.

⁴ Международные акты о правах человека: сб. документов. С. 738.

⁵ Мексиканские Соединенные Штаты: Конституция и законодательные акты. М., 1986. С. 35.

⁶ Конституции государств Европейского Союза. С. 249, 312, 426, 614.

на информацию нет. Следовательно, будут действовать общие гарантии осуществления прав и свобод человека.

В Конституциях некоторых государств речь идет о гарантиях свободы массовой информации. Например, ст. 39 Конституции Азербайджана носит название «Свобода информации». В ч. 1 этой статьи закреплено право на информацию каждого человека, а в ч. 2 гарантируется только свобода массовой информации. Представляется, что такая формула гарантии не позволяет говорить об эффективном осуществлении права на информацию каждым человеком.

Своеобразно сформулирована гарантия в ст. 34 Конституции Республики Беларусь: гражданам этой Республики гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической и международной жизни, состоянии окружающей среды. Представляется, что такая формула гарантии носит узкий характер, поскольку в ней названы конкретные виды информации, но информация может касаться и иных сфер жизни человека и общества. Кроме того, в данном случае государство предоставляет гарантию только своим гражданам. Однако на территории государства могут находиться иностранные граждане, апатриды, которые в равной степени с собственными гражданами государства обладают правом на информацию. Следовательно, гарантия должна распространяться и на них.

Конституционные положения о гарантиях права на информацию не раскрывают их содержание. В этом отношении Конституция Украины имеет некоторое отличие от других. В соответствии со ст. 32 каждому гарантируется судебная защита права опровергать недостоверную информацию о себе и членах своей семьи и права требовать изъятия любой информации, а также права на возмещение материального и морального ущерба, причиненного сбором, хранением, использованием и распространением такой недостоверной информации.

Отсутствие четких базовых гарантий может быть восполнено специальными законами, принятыми на основе конституции. В Российской Федерации правила, связанные с реализацией права на информацию, достаточно подробно сформулированы в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральном законе «О персональных данных». Особенно важными в этих Законах являются положения о защите информации и персональных данных, право пострадавших лиц на судебную защиту. Однако, как показывает практика, довольно часто и персональные данные (особенно содержащиеся в компьютерных базах данных) и иная информация о личной жизни становятся известными лицам, не имеющим на то никаких прав. При этом довольно сложно установить источник утечки информации. В связи с этим следовало бы более четко проводить работу по созданию систем защиты информации. Это позволило бы более эффективно охранять и защищать права человека в целом. Обозначенная проблема присуща не только России, ею озабочены в настоящее время многие государства. Для ее решения в 2001 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации¹. В рамках Совета

¹ См.: Бюллетень международных договоров. 2009. 6.

Европы в 1981 г. была заключена Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера¹.

Право на информацию в системе прав человека тесно связано с другими правами. В частности, прослеживается связь с правом на охрану здоровья и медицинскую помощь. Согласно ст. 10 Конвенции о правах человека и биомедицине 1996 г.² каждый человек имеет право ознакомиться с любой информацией о своем здоровье. В соответствии со ст. 31 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан³ каждый гражданин имеет право в доступной для него форме получить имеющуюся информацию о состоянии своего здоровья.

Определенное значение право на информацию имеет при реализации права на справедливое судебное разбирательство. По ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право быть незамедлительно и подробно уведомленным (иначе говоря, проинформированным) на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения. Право на получение соответствующих сведений (информации) предусмотрено также Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными 1957/1977 гг., Сводом принципов защиты всех лиц, подвергающихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1988 г., Европейскими пенитенциарными правилами Совета Европы 1987 г.⁴ По УПК РФ⁵ (ст. 46) подозреваемый вправе знать, в чем он подозревается, а по ст. 47 обвиняемый вправе знать, в чем он обвиняется, то есть эти лица обладают правом на получение соответствующей информации. В некоторых государствах (например, Испании, Португалии) право на информацию каждого о предъявленном обвинении закреплено в конституционных нормах.

Право на информацию связано и с правом на благоприятную окружающую среду. Например, каждый имеет право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды согласно Конституции РФ (ст. 42).

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что право на информацию по формулировкам ряда правовых актов входит в право на свободное выражение каждым своего мнения. Однако, исходя из значимости права на информацию и его роли в современном мире, можно говорить о его самостоятельности в системе прав человека. Оно связано со свободой слова, свободой выражения мнений и идей, способствует реализации этих свобод, осуществлению многих других прав человека.

¹ См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 106.

² См.: Московский журнал международного права. 1999. 3. С. 302.

³ См.: Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. Новосибирск, 2008. С. 24.

⁴ См.: Международные акты о правах человека. С. 195, 209; Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. С. 216.

⁵ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2001. С. 30.

В.С. Кашо,

кандидат юридических наук, доцент
юридического института Сибирского
федерального университета

Концептуальные взгляды современной юридической науки на институт муниципально-правовой ответственности

Отрасль муниципального права является новой в российской правовой системе, следовательно, большинство ее институтов до сих пор нуждается в теоретическом осмыслении¹. Сказанное в полной мере относится к сформировавшемуся в последние годы комплексному институту ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления. В данный институт входят положения Европейской хартии местного самоуправления об ответственности органов местного самоуправления и административном надзоре за их деятельностью, положения Конституции Российской Федерации 1993 г., определяющие общий правовой статус местного самоуправления; гл. 10 Федерального закона от 6 октября 2003 г. 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Кроме того, множество норм об ответственности в системе местного самоуправления содержатся в федеральном трудовом, уголовном, гражданском, административном законодательстве. Вопросы ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления регулируются также законами субъектов Федерации, уставами муниципальных образований.

Таким образом, институт ответственности в системе местного самоуправления имеется, но какова юридическая природа этой ответственности? Закрепив ряд санкций органов и должностных лиц местного самоуправления, не относящихся к традиционным видам отраслевой ответственности (отзыв, роспуск, досрочное прекращение полномочий, временное осуществление полномочий, «банкротство»), законодатель ушел от легального закрепления их отраслевой принадлежности, оставив эту участь ученым. В результате одним из новых теоретико-правовых явлений последнего десятилетия стало введение в научный оборот, в учебную литературу и тематику научных конференций термина «муниципально-правовая ответственность». Однако содержание данного понятия является одним из наиболее дискуссионных в муниципально-правовой науке. Существующие в научной литературе подходы к содержанию данного вида ответственности (с учетом объема статьи речь идет только о ретроспективной ответственности) можно разделить на две группы.

1. *Все санкции, предусмотренные Федеральным законом от 6 октября 2003 г. 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», (а иногда — и меры ответственности других отраслей*

---

¹ См.: *Пешин Н.Л.* Наука муниципального права // Конституционное и муниципальное право. 2009. 9.

права, применяемые к органам и должностным лицам местного самоуправления), являются муниципально-правовыми санкциями, а муниципально-правовая ответственность выступает самостоятельным видом отраслевой ответственности.

Среди фундаментальных работ данного направления следует отметить докторскую диссертацию И.А. Алексеева «Муниципально-правовая ответственность: проблемы теории и практики» (Ставрополь, 2007 г.), в которой предпринята попытка сформировать целостную концепцию муниципально-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности, включающего ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством, населением, физическими и юридическими лицами. В частности, в ней приводятся следующие аргументы:

— муниципально-правовая ответственность является разновидностью публично-властного принуждения, а не государственного принуждения в «чистом» виде как конституционно-правовая ответственность;

— при определении мер ответственности к органам и должностным лицам местного самоуправления применяются нормы различных отраслей права;

— существует особый круг субъектов муниципально-правовой ответственности; а также иные основания выделения ответственности;

— привлечение к муниципально-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления осуществляют специально на это уполномоченные органы или должностные лица как местного самоуправления, так и вышестоящие органы и должностные лица государственной власти;

— муниципально-правовая ответственность применяется в случае нарушения соответствующими субъектами нормативных правовых актов о местном самоуправлении;

— данные виды ответственности предусматриваются самостоятельной системой нормативных правовых актов¹.

Аналогичный подход к муниципально-правовой ответственности характерен и для кандидатских диссертаций Е.В. Измайловой, А.А. Кочерги, М.В. Красновского². Наиболее полно взгляды сторонников данной концепции изложены в работе Е.В. Измайловой, где она, отстаивая самостоятельность муниципально-правовой ответственности как разновидности публично-правовой ответственности, приводит следующие аргументы: неоднородный характер мер ответственности, неоднородность субъектов ответственности, собственные санкции, основания, процедуры, источники регулирования³.

Основным недостатком рассматриваемой концепции, на наш взгляд, является то, что в ней, как правило, нет четкой и последовательной позиции

---

¹ См.: Алексеев И.А. Муниципально-правовая ответственность: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ставрополь, 2007. С. 11.

² Измайлова Е.В. Юридические механизмы института ответственности в системе местного самоуправления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Кочерга А.А. Муниципально-правовая ответственность глав муниципальных образований и депутатов представительных органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации на территории Южного федерального округа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006; Красновский М.В. Проблемы юридической ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.

³ Измайлова Е.В. Указ. соч. С. 20–21.

относительно включения в муниципально-правовую ответственность санкций различных отраслей права, применяемых в отношении органов и должностных лиц местного самоуправления. Например, И.А. Алексеев, с одной стороны, разделяет общепринятую позицию о комплексном характере отрасли муниципального права и, исходя из этого, муниципально-правовая ответственность рассматривается им как комплексный институт отрасли муниципального права, в котором по предметному признаку объединены разнообразные по своей природе правовые нормы, регулирующие отношения в сфере местного самоуправления и разные виды юридической ответственности. С другой стороны, основанием выделения муниципально-правовой ответственности является то, что данный вид ответственности обеспечен своеобразным набором санкций, применяемых к специальному субъекту за совершение особого вида правонарушения — муниципального деликта, что должно исключать уголовно-правовые, гражданско-правовые, административные и дисциплинарные санкции¹.

Аналогично Е.В. Измайлова и А.А. Кочерга, признавая муниципально-правовую ответственность самостоятельным видом отраслевой юридической ответственности, одновременно делают вывод о том, что муниципально-правовая ответственность — это комплексный институт муниципального права, и многие ее нормы имеют разную отраслевую принадлежность (относятся к уголовному, административному и другим отраслям права)². Из всего перечисленного непонятно, является ли муниципально-правовая ответственность моноответственностью или все-таки представляет собой комплексный вид юридической ответственности.

2. Разграничиваются конституционно-правовая, муниципально-правовая и другие виды юридической ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления.

Довольно многочисленная группа ученых, занимающихся исследованием в области муниципального права, обосновывает самостоятельность внутриотраслевой муниципально-правовой ответственности, которая понимается ими как ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением. Остальные меры ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления распределяются между видами ответственности, регулируемые другими отраслями права, в том числе конституционной ответственностью³. К этой же группе принадлежат

¹ Алексеев И.А. Указ. соч. С. 11, 13.

² Измайлова Е.В. Указ. соч. С. 20–21; Кочерга А.А. Указ. соч. С. 4.

³ См.: Бабичев В.И. Субъекты местного самоуправления и их взаимодействие. М., 2000. С. 62; Долгополова М.С. Муниципально-правовая ответственность: проблемы правового регулирования и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005; Кольцова Е.Г. Юридическая ответственность коллегиальных органов местного самоуправления: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 22; Лисовицкий Д.А. Правовое регулирование ответственности выборных лиц местного самоуправления и выборных муниципальных органов перед населением: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004; Тимофеев К.Б. Конституционно-правовые основы ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Чеботарев Г.Н. Соотношение конституционно-правовой и муниципально-правовой ответственности в системе местного самоуправления // Российский юридический журнал. 2002. 4. С. 37–41; Шугрина Е.С. Муниципальное право: учебник. М., 2004. С. 293.

и те авторы, которые, не давая определенного названия ответственности органов местного самоуправления перед населением, определяют ее как специфический вид ответственности (не относящийся ни к одному из существующих видов ответственности)¹ либо называют ответственность перед населением муниципальной (муниципально-правовой) ответственностью, объединяя ее вместе с конституционной в публично-правовую ответственность².

Концепция муниципально-правовой ответственности как ответственности перед населением получила широкое признание в муниципальном праве. Одни исследователи ограничились поддержкой идеи муниципально-правовой ответственности перед населением,³ другие посвятили ей свои диссертации⁴. Главным критерием разграничения конституционно-правовой и муниципально-правовой ответственности большинство сторонников данного направления считают инстанцию ответственности. По этому критерию ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством и его органами относится к конституционно-правовой, а ответственность депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления перед населением — к муниципально-правовой.

Е.С. Шугрина, посвятившая данной проблеме большое количество работ и часть докторской диссертации, в частности, указывает, что особенности конституционно-правовой и муниципально-правовой ответственности и, следовательно, их обособление как самостоятельных видов юридической ответственности объясняются предметом и методом регулирования общественных отношений; функциями, которые выполняет отрасль права в общей системе права; спецификой статуса субъектов правоотношений; особенностями юридической природы неправомерного поведения в соответствующей сфере; характером предписаний, на базе которых возникает ответственность; основаниями ответственности, особой процедурой ее реализации⁵.

Е.Г. Кольцова, возражая против критерия, предложенного Е.С. Шугриной, считает, что разграничение конституционно-правовой и муниципально-правовой ответственности должно основываться на различиях в предмете конституционного и муниципального права⁶. В.О. Пономарева, указывая на комплексный характер ответственности органов и должностных лиц местного

¹ См.: *Пешин Н.Л.* Муниципальное право: схемы и комментарии: учеб. пособие. М., 2001. С. 243; *Емельянов Н.А.* Местное самоуправление в Российской Федерации: конституционно-правовой и институциональный анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 290.

² См.: *Амирбеков К.И.* Юридическая защита местного самоуправления и ответственность его органов и должностных лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

³ См.: Там же.

⁴ См.: *Ваганова Н.А.* Институт отзыва выборных лиц местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2004. С. 14; *Гуркова С.Г.* Ретроспективная муниципально-правовая ответственность, ее основания и стадии привлечения (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009; *Долгополова М.С.* Муниципально-правовая ответственность: проблемы правового регулирования и реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 9.

⁵ См.: *Шугрина Е.С.* Муниципальное право: учебник. С. 293.

⁶ См.: *Кольцова Е.Г.* Указ. соч. С. 22–23.

самоуправления, также разделяет ее на конституционно-правовую — ответственность перед государством и муниципально-правовую — ответственность за ненадлежащее осуществление муниципальной власти (в формах представительной и непосредственной демократии)¹. Д.А. Лисовицкий также определяет муниципально-правовую ответственность как ответственность перед населением за ненадлежащее обеспечение интересов местного населения, ненадлежащее осуществление своих полномочий, выразившееся в противоправных действиях или бездействии².

Н.Н. Черногор к объективным основаниям выделения муниципально-правовой ответственности относит специфику ее содержания и формы, поскольку в отличие от всех прочих видов юридической ответственности она реализуется посредством использования населением соответствующего права, а не путем правоприменения³.

Анализ, проведенный названными выше авторами — сторонниками выделения муниципально-правовой ответственности, показал, что последняя отвечает всем или большинству требований, предъявляемых в теории права к отраслевому виду юридической ответственности (наличие собственных целей, функций, принципов, источников правового регулирования, субъектов, инстанций применения, оснований, санкций, процедуры). К числу недостатков рассматриваемой концепции следует отнести неточность классификации, так как часто к муниципально-правовой ответственности относятся санкции, применяемые не населением, а другими органами и должностными лицами местного самоуправления. Например, Е.С. Шугрина, определяя муниципально-правовую ответственность как ответственность перед населением, к муниципально-правовым санкциям среди прочих относит временное приостановление полномочий, предупреждение, досрочное прекращение полномочий, выражение недоверия, ответственность одних органов местного самоуправления перед другими органами местного самоуправления иных муниципальных образований⁴. Такое же противоречие наблюдается и у Д.А. Лисовицкого, который, определяя муниципально-правовую ответственность как ответственность перед населением, относит к ней ответственность главы муниципального образования перед представительным органом, если он избран из его состава⁵.

Поэтому основным критерием для выделения муниципально-правовой ответственности должен быть, на наш взгляд, не субъект ее применения — население, а муниципальный уровень (инстанции и субъекта) применения ответственности. При таком подходе под ретроспективной муниципально-правовой ответственностью можно понимать внутриотраслевую юридическую

¹ См.: Пономарева В.О. Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед государством: теоретические и правовые аспекты: автореф. дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 8, 17.

² См.: Лисовицкий Д.А. Указ. соч. С. 8,9.

³ См.: Черногор Н.Н. Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 30.

⁴ См.: Шугрина Е.С. Контроль за деятельностью и ответственность власти: муниципальный уровень. М., 2007. С. 110.

⁵ См.: Лисовицкий Д.А. Указ. соч. С. 11.

ответственность, которая регулируется собственными муниципальными нормами, реализуется внутри системы местного самоуправления самими субъектами местного самоуправления и выражается в применении к субъектам местного самоуправления муниципально-правовых санкций за муниципальные правонарушения¹.

Таким образом, развитие муниципального законодательства дало мощный толчок развитию теории ответственности в муниципальном праве, но общепринятая концепция муниципально-правовой ответственности в настоящее время еще не сформировалась, все ее основные положения остаются дискуссионными.

¹ Подробно см.: *Кашио В.С.* Ответственность в системе местного самоуправления. Красноярск, 2005. С. 16–17, 116–121.

Н.Л. Клык,
*кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой Сибирского федерального
университета*

Практический аспект дискуссий о ценных бумагах в разрезе нужд современного товарооборота

Зародившись в незапамятные времена в недрах торгового оборота, ценные бумаги как наиболее эффективное средство мобилизации товарооборота в мировой практике, современной российской торговле, за редким исключением, практически неизвестны. Преобладание в доктрине весьма критического настроения по отношению к бездокументарной форме выпуска ценных бумаг, в итоге породившее предложения об исключении из ст. 454 ГК п. 4 о применении общих положений купли-продажи при продаже имущественных прав, несомненно снижает роль цивилистической науки в макроэкономических преобразованиях современной России и прежде всего в сфере, организующей их развитие, то есть торговле¹.

Справедливое в этом случае утверждение В.А. Белова о том, что несмотря на неисчислимое количество копий, сломанных в ходе полемики по вопросу бездокументарной формы, вопрос продолжает оставаться невыясненным и «больше того, создается впечатление, что чем дальше — тем он сильнее запутывается»² — в полной мере может быть отнесено и к бесконечной научной дискуссии в отношении правовой природы цессии.

¹ Тот факт, что бездокументарные ценные бумаги относятся не к торговым, а к инвестиционным ценным бумагам, отнюдь не умаляет их значения в оптимизации современного товарооборота, поскольку выпуск акций и облигаций, позволяя привлекать необходимые финансовые ресурсы без обращения к банковским кредитам, предоставляет возможность минимизировать риски предпринимательской деятельности в ситуациях финансовых катастроф в экономике.

² *Белов В.А.* К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг // СПС «КонсультантПлюс».

Имеющий самое непосредственное отношение к проблематике института ценных бумаг в части уточнения начал вещно- и обязательно-правового регулирования имущественных отношений, весьма спорный характер цессии в современной доктрине показателен сам по себе, ибо свидетельствует об отсутствии единого мнения относительно базовых понятий, напрямую затрагивающих проблематику института ценных бумаг, что в свою очередь предполагает поиск того онтологического подхода, который позволил бы разобраться в существующем положении дел.

Представляется, что наиболее оптимальной в данном случае является следующая постановка вопроса: почему в дореволюционной цивилистике не только права требования, но и ценные бумаги исключались из предмета купли-продажи?¹

Прежде всего следует отметить, что отсутствие в Своде законов гражданских общих положений о ценных бумагах, в том числе об абстрактности закрепляемого ими обязательства, отнюдь не мешало осознанию их значения в развитии производительных сил в обществе — чего явно не хватает современным исследованиям.

Так, отмечая преимущества использования абстрактных сделок, заключающиеся в простоте осуществления основанных на них процессуальных притязаний и быстроте и легкости обращения порождаемых ими прав, Ю.С. Гамбаров самым мрачным образом оценивал последствия их невостребованности в экономике: «нечего говорить, насколько такая гибель была бы разорительна для кредита и всего менового хозяйства»².

Обращая внимание на то, что оборот обязательственных прав требует наибольшей свободы, поскольку «каждое ограничение без нужды неблагоприятно отражается на экономическом положении общества», Д.И. Мейер особо подчеркивал, что «почти вся торговля движется кредитом: кредитные знаки, векселя заменяют деньги — ими производятся платежи точно так же, как наличными деньгами», поэтому без оборота прав требования «не может развиваться кредит, а без него развиваться торговля»³.

По сути отечественные цивилисты придавали интересам развития торговли не меньшее значение, нежели римские юристы, которые, как известно, в условиях официальной неподвижности обязательств стремились создавать предпосылки для создания их оборота — сначала путем использования стипуляции, как это имело место при активной делегации, а затем, с появлением формулярного процесса — судебного представительства, в рамках которого зародился и был отшлифован механизм известной нам цессии.

В этих условиях сам факт отнесения обязательственных прав к предмету купли-продажи в римской истории предполагал неизбежность аналогичного

¹ Несмотря на то, что договор купли-продажи является всего-навсего одним из договорных видов в гражданском праве, именно он, составляя сердцевину торгового оборота, позволяет выявить истоки состоявшихся исторических метаморфоз в соотношении вещных и обязательственных правоотношений на основе диалектики абсолютных и относительных правоотношений, принижающей историю появления субъектов торгового права, новых объектов и сделок.

² Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 711.

³ Мейер Д.И. Русское гражданское право. Часть 2. М., 1997. С. 114–115.

подхода и в российской цивилистике. И, казалось бы, в силу законодательных новелл Свода законов гражданских не существовало причин для доктринального непризнания предметом главной отчуждательной сделки обязательственных прав и ценных бумаг. Так, в ст. 1384 Свода предусматривалось: «продавать можно только то имущество, коим владелец может распоряжаться по праву собственности», причем в перечень движимого имущества включалось не только наличное, но и долговое имущество.

Кроме перечня видов наличного имущества в ст. 401 специальной нормой (ст. 402) оговаривалось отнесение *к движимому имуществу* наличных капиталов, заемных писем, векселей, закладных и *обязательств всякого рода*. Имущества *долговые* определялись в ст. 418 как «*суть все имущества, в долгах на других лицах состоящие, и все то, что нам принадлежит по договорам, заемным письмам, векселям и всякого рода обязательствам*».

Вместе с тем, несмотря на использование в законодательстве понятий «наличные» и «долговые» имущества, в научном обиходе проводится их резкое размежевание на вещи и обязательства.

«У нас..., — писал Д.И. Мейер, — нередко говорят о покупке или продаже векселя, заемного письма и т.п. Но с юридической точки зрения, тут нет покупки или продажи, а только передача, *уступка* права». Выдвигаемый им довод заключался в том, что «купля-продажа не обнимает вещей отвлеченных, прав на чужие действия», «передача векселя, заемного письма и тому подобного есть не купля-продажа, а особая сделка: она обсуждается особо, сообразно своему существу»¹.

На первый взгляд, своеобразная научная обструкция положений законодательства, когда вместо предусмотренного в ст. 1384 Свода термина «имущество» отечественные ученые оперируют понятием «вещь», представляет не что иное, как «крест» российской цивилистики, если принять при этом во внимание перманентность современных дискуссий по поводу начал вещно- и обязательственно-правового регулирования в целом.

Вместе с тем подобная оценка была бы явно несправедливой, принимая во внимание то значение, которое отводилось в дореволюционной цивилистике интересам развития отечественной торговли, когда научная мысль стремилась создать условия для экономического эффекта, производимого абстрактными сделками в виде отношений так называемого внутриторгового кредитования.

Несмотря на наличие в современной литературе весьма заметного интереса к дореволюционным исследованиям (что нагляднее всего видно в предложениях об исключении из ст. 454 ГК РФ 4 пункта), выявление причин, по которым доктрина оперировала вместо легального понятия «имущество» понятием «вещь», а также исключала из предмета купли-продажи права требования и ценные бумаги, практически не производится.

Поскольку в условиях действия консенсуальной модели (ст. 711 Свода законов гражданских) момент возникновения права на вещи явно несовместим с моментом перехода прав на обязательственные права и ценные

¹ Мейер Д.И. Указ. соч. С. 225.

бумаги (требуется дополнительное волеизъявление отчуждателя в виде цессии или передачи документа), стремление заменить ее на реальную модель было самым мощным актом противодействия законодательным установлениям, направленность которого в пользу развития российской торговли не вызывает сомнений.

В качестве довода в пользу критической оценки консенсуальной модели перехода права собственности Д.И. Мейер называл *недоступность* малоразвитому юридическому быту граждан *отвлеченных понятий*, для которого необходима материальная основа, «осязательный остов» для права собственности — то есть то, что характерно для приобретения товара при реальной модели, когда право собственности возникает не в момент заключения договора купли-продажи или иного договора, а в момент передачи товара.

Имеющее на первый взгляд исключительно доктринальное значение, суждение автора тем не менее принципиально важно для современной оптовой торговли — сферы торговой деятельности, в которой практически не действует правило п. 1 ст. 223 ГК РФ о переходе права собственности с момента передачи вещи, так как передача товара в ней производится для дальнейшей продажи, а не для потребления, следовательно, приобретатель, как правило, не заинтересован во владении приобретаемым товаром.

Именно такого рода возможность отчуждения товаров имеет место в случае передачи покупателю вместо вещи товарораспорядительного документа на нее (п. 3 ст. 224 ГК), когда способом передачи становится не традиция вещи, а цессия или, как ее иногда именуют — переуступочная надпись¹.

Вряд ли следует обосновывать то, какими доктринальными потерями в современной квалификации цессии оборачивается игнорирование фактических отношений по отчуждению вещей, когда едва ли имеет смысл говорить о неприменимости договора купли-продажи при отчуждении натуральных или денежных обязательственных прав, а тем более в имеющей принципиально важное значение сфере снабжения производственного и потребительского секторов экономики.

Именно такой вывод напрашивается и при ознакомлении с позицией К.П. Победоносцева, отмечавшего отсутствие «явственной практической необходимости в установлении общего правила передачи обязательства», которая «становится ощутительной лишь на некоторой степени экономического развития», когда «право требования по договору получает значение вещественной ценности и само становится орудием мены и кредита»². Причем констатация им факта «господствующей неопределительности ценностей» отнюдь не означала каких-либо сомнений о применимости купли-продажи при отчуждении прав требования. Так, говоря о передаче прав по заемным письмам, не обеспеченным залогом, автор поясняет, что «такая передача есть продажа заемного письма: преемник платит при этом займодавцу деньги за должника и вследствие этого вступает в права кредитора»³.

¹ См.: Пушинский Б.И. Коммерческое право России. М., 2005. С. 61.

² Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 3. М., 2003. С. 230.

³ Там же. С.231.

В придании же *передаче* вещи значения не только способа приобретения права собственности, но и значения *вещного договора*¹ усматривалась необходимость признания *бесповоротности перехода права собственности* на движимое имущество, что в итоге приводило к разграничению вещных и обязательственных прав на практически значимом уровне, то есть в разрезе соотношения между охранительными средствами гражданского права.

В германской юриспруденции учение о разграничении обязательственных и вещных договоров развивалось на основе легального закрепления реальной системы перехода права собственности, то есть в благоприятных условиях. Российской же цивилистике пришлось преодолевать неизбежные сложности в переориентации законодателя на изменение системы перехода права собственности, и тем самым придание *договору купли-продажи значения лишь основания, но не способа приобретения права собственности*, что до сих пор далеко не всегда принимается во внимание.

Таким образом, можно сделать вывод: если в римском праве смысл разграничения сделок на обязательственные и распорядительные заключался в необходимости *укрепления права собственности для целей разграничения с правом владения*, то смысл подобного разграничения в дореволюционной российской цивилистике усматривался в обеспечении *бесповоротности* перехода права собственности на движимые имущества.

Что же касается изменения при этом начал вещно- и обязательственно-правового регулирования, в частности, позволяющих объяснить соответствующие новеллы современного гражданского законодательства, то они получили предельно внятное объяснение в исследовании Н.Л. Дювернуа. Говоря о переработке простого *естественного явления для целей юридических*, ученый отметил, что как для характеристики человека «в юридическом смысле вполне безразличны те или другие его моральные или физические особенности», так же и «для юридической квалификации вещи могут не иметь никакого значения весьма многие ее физические свойства», поскольку в «состав понятия лица, как и понятия вещи, вводится только некоторая доля действительного содержания понятий человека и вещи»². Например, «при передаче в состав имущества общества недвижимости участник получает взамен акции или паи, которые *силой закона* отнесены к движимым имуществам»³.

Можно было бы продолжить анализ суждений о смысле придания *силой закона* обязательственного характера возникающему при этом правоотношению

¹ См.: *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М., 2002. С. 235. Более подробно о разграничении обязательственных и вещных договоров дореволюционными цивилистами в современной литературе см.: *Бердников В.В.* Распорядительная сделка как способ изменения имущественно-правового положения лица // Законодательство. 2002. 2. С. 16–22; 3. С. 36–39; *Синицын А.С.* Концепция вещного договора в германской и российской цивилистике: дискуссионные аспекты // Законодательство. 2004. 7. С. 5–13. В отличие от других ученых, опирающихся на работы германских исследователей, Д.И. Мейер опирается на разграничение в римском праве договоров на вещественные (*contractus reales*) — *совершаемые посредством передачи вещи*, и на консенсуальные (*contractus consensuales*) — *совершаемые простым соглашением*, то есть первоначальную основу как обозначения систем перехода права собственности по ФГК и ГГУ, так и последующего выделения в купле-продаже обязательственных и вещных договоров (см.: *Мейер Д.И.* Указ. соч. С. 157–158).

² *Дювернуа Н.Л.* Чтения по гражданскому праву. Т. 2. М., 2004. С. 8–9.

³ Там же. С. 31–32.

по поводу оплаты акции, доли участия или пая как итоге юридической переработки простых элементов в учениях о лицах и вещах¹.

Именно осознанием необходимости укрепления права собственности добросовестного приобретателя объясняется устремление дореволюционной цивилистики к реальной системе перехода права собственности, которая позволяла за договором купли-продажи признавать значение *основания* для перехода права собственности от продавца к покупателю, а за фактическим действием в виде *передачи имущества* — значение не просто *способа*, а особой сделки, влекущей *бесповоротность* перехода права собственности к его приобретателю.

В условиях легального установления, предполагающего переход права собственности на отчуждаемое имущество не с момента передачи имущества, а с момента заключения договора купли-продажи, ценные бумаги не могли рассматриваться в качестве предмета отчуждения в силу несовместимости в этом случае с порядком возникновения прав *из* и *на* бумаги.

Как в общегражданском обязательстве, так и в обязательстве по ценным бумагам переход прав требования входил в конфликт с консенсуальной системой перехода права собственности, поэтому ценные бумаги и рассматривали в качестве особых объектов гражданского оборота, *правовая регламентация оборота которых не мыслилась по правилам вещи*.

Данное обстоятельство не учитывается в полной мере, когда цессии придается значение самостоятельного договорного вида или подвергается сомнению обоснованность выпуска бездокументарных ценных бумаг только по причине *сложившихся* в российской цивилистике *устойчивых* позиций о соотношении вещных и обязательственных прав. Вряд ли было бы справедливо говорить об их устойчивости, принимая во внимание направленность дореволюционной цивилистики на замену консенсуальной модели перехода права собственности на реальную, невольным итогом которой явилось игнорирование возможности возникновения в торговой практике *относительных правоотношений* по поводу принадлежности движимых вещей на праве собственности.

Тот факт, что в условиях консенсуальной по ГК РСФСР 1922 г. и реальной по ГК РСФСР 1964 г. систем перехода права собственности не произошло отказа от единого для вещей, прав требования и ценных бумаг понятия «имущество» в Своде законов гражданских, в то время как в рыночном во всех отношениях ГК РФ 1994 г. (п. 1 ст. 454) произошла замена на понятие «вещь», как раз и создает повод для существования научных позиций о различии правового сопровождения актов отчуждения данных объектов гражданского права.

Верные по своей направленности утверждения в современной литературе о невозможности *безусловного* применения положений о купле-продаже при отчуждении *прав требований*² позволяют поставить вопрос о том, насколько

¹ См.: Дювернуа Н.Л. Указ. соч. С. 68–69.

² Наиболее важной при этом особенностью невозможности *безусловного* применения положений о купле-продаже при отчуждении прав требований, следует назвать *отсутствие юридической зависимости* перехода прав требований от первоначального кредитора к новому от договора купли-продажи. Так, из нормативно-правового единства правил ст. 218 и 223 (п. 1) такого рода обязательность следует лишь в отношении перехода права собственности на вещи. Такого рода различия *безусловного* и *условного* применения положений о купле-продаже при отчуждении вещей и прав требований создают как раз повод для различения соответственно: сделок, абстрактных по общему правилу (традиция) и необходимо абстрактных сделок (цессия).

безусловно применение положений о переходе права собственности на вещи в отношении даже ценных бумаг документарной формы выпуска.

В качестве своеобразного «ответа» на данный вопрос можно сослаться на ситуацию, существовавшую в правоприменительной практике до появления постановления Пленума ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», когда при оспаривании купли-продажи все без исключения ценные бумаги разделяли судьбу вещей, то есть возвращались в порядке реституции прежнему владельцу. Ситуацию, при которой ни о какой *защите оборота* не могло идти и речи, поскольку абстрактность закрепляемого ценными бумагами обязательства практически оказалась «пустым звуком».

Трудно сказать, когда и каким образом может быть преодолено явление глобального недоверия в торговой среде к опробованным мировым экономическим опытом рыночным механизмам — векселям, складским свидетельствам, коносаментам, акциям, облигациям и другим, но то, что это одна из важнейших задач современной цивилистической науки, не подлежит сомнению, ибо в условиях финансового кризиса использование именно этих правовых средств способно привести к появлению и развитию внутриторгового кредитования, без которого современная торговля едва ли в состоянии развиваться.

Т.П. Шишмарева,

*кандидат юридических наук, доцент
Юридического института Сибирского
федерального университета*

Правовой статус залогодержателей в процедурах несостоятельности

Залогодержатели среди кредиторов должника, над имуществом которого введены процедуры несостоятельности, могут иметь различный правовой статус. Залогом могут быть обеспечены как частноправовые обязательства (§ 3 гл. 23 Гражданского кодекса РФ), так и обязанности публичного характера (п. 5 ст. 61, ст. 63, 73 Налогового кодекса РФ, ст. 341 Таможенного кодекса РФ). Исходя из этого, среди залогодержателей следует различать конкурсных кредиторов и уполномоченные органы, хотя в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» залогодержатели наделены статусом конкурсных кредиторов (ст. 18.1)¹.

Залог как способ обеспечения исполнения гражданско-правового обязательства традиционно используется в сфере частного права, позволяя залогодержателям преимущественно перед другими кредиторами получить удовлетворение за счет вырученной от продажи предмета залога денежной

¹ О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 г. 127-ФЗ (в ред. от 19 июля 2009 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. 43, ст. 4190; 2009. 29, ст. 3632.

суммы. Залоговые отношения могут возникать как на основании договора, так и по основаниям, установленным законом (законный залог). При этом в качестве залогодателя договор вправе заключить как должник основного обязательства, обеспечиваемого залогом, так и третье лицо (п. 1 ст. 335 ГК РФ).

Особенно важно то обстоятельство, что в процедурах несостоятельности (банкротства) в качестве конкурсных кредиторов участвуют кредиторы, которые имеют к должнику денежные требования (абз. 8 ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Кредиторы, имеющие к должнику притязания неденежного характера, обладают иным статусом. Они предъявляют к должнику требования в порядке, установленном процессуальным законодательством (п. 5 ст. 4 Федерального закона). Однако требования и таких кредиторов могут обеспечиваться залогом. Какие правовые последствия наступают в этом случае? На наш взгляд, определение характера требования обусловлено требованием из основного, а не из акцессорного обязательства. Исходя из систематического толкования Закона «О несостоятельности (банкротстве)», следует признать, что особый статус залогодержателя предопределяет не только обеспечение требования залогом (ипотекой), а главным образом — характер требования кредитора. Так, участник долевого строительства приобретает право ипотеки на земельный участок и строящийся (создаваемый) многоквартирный дом после регистрации договора или на объект незавершенного строительства после государственной регистрации права собственности на него; при несостоятельности залогодателя он не становится конкурсным кредитором до тех пор, пока не преобразует требования к застройщику в денежные.

Итак, кредитор с неденежным требованием из основного обязательства споры с должником разрешает в исковом производстве. Однако и для таких кредиторов Законом установлены определенные правовые последствия, в частности, в связи с введением процедур несостоятельности (банкротства) при вынесении решения суда об обращении взыскания на предмет залога приостанавливается исполнительное производство до принятия решения о признании должника несостоятельным и оканчивается исполнительное производство после введения конкурсного производства (пп. 1, 4 ст. 96 Федерального закона «Об исполнительном производстве»¹; абз. 2, 4 п. 1 ст. 63; абз. 2, 5 п. 1 ст. 81; абз. 8 п. 1 ст. 94; абз. 7, 8 п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Можно констатировать, что права кредитора с неденежными требованиями, обеспеченными залогом (ипотекой), защищены не в должной мере по сравнению с залогодержателями — конкурсными кредиторами. В случае, если кредитором-залогодержателем требование не будет трансформировано в денежное, то удовлетворение требований такого залогодержателя Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» по сути не регулируется.

Можно ли в таком случае признавать требование об обращении взыскания на предмет залога денежным в целях допущения залогодержателя к участию

¹ См.: Об исполнительном производстве: федеральный закон от 2 октября 2007 г. 229-ФЗ (в ред. от 3 июня 2009 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. 41, ст. 4849; 2009. 23, ст. 2761.

в процедурах несостоятельности? Ответ на этот вопрос не представляется однозначным в связи с изменениями, внесенными в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»¹.

В арбитражных судах в ходе применения Закона в прежней редакции сложилась определенная практика в отношении характера требования залогодержателя об обращении взыскания на заложенное имущество, если он не является должником основного обязательства. В данном случае оценивается содержание требования об обращении взыскания на предмет залога безотносительно к требованию из основного обязательства, обеспечиваемого залогом. Арбитражные суды чаще всего признают отсутствие у залогодержателя требований денежного характера, так как он несет лишь риск обращения взыскания на заложенное имущество².

Однако требование залогодержателя об обращении взыскания на заложенное имущество, предоставленное залогодателем, в отношении которого возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве) в обеспечение исполнения обязательства иного лица, иногда приравнивается к денежному требованию³. Основным доводом в пользу такого толкования является то обстоятельство, что удовлетворение требования залогодержателя производится в денежной форме из выручки от продажи заложенного имущества. В литературе характер требования об обращении взыскания на предмет залога признается квазиденежным⁴.

Тем не менее Президиум ВАС РФ подтвердил сложившуюся практику и указал об изменении подхода при применении Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» лишь в редакции от 30 декабря 2008 г.⁵ В действующем Законе законодатель признает требование об обращении взыскания на предмет залога при несовпадении должника и залогодателя в одном лице требованием денежного характера, соответственно кредитор приобретает статус конкурсного кредитора (п. 5 ст. 138 Закона).

Разделение требования, вытекающего из основного обязательства, и требования об обращении взыскания на предмет залога возможно и в других случаях. Так, в арбитражной практике требование об обращении взыскания

¹ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: федеральный закон от 30 декабря 2008 г. 296 (в ред. от 19 июля 2009 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. 1, ст. 4; 29, ст. 3632.

² См.: постановления ФАС Уральского округа от 30 октября 2007 г. Ф09-8922/07-С4; от 20 февраля 2008 г. Ф09-10803/07-С1; постановление ФАС Поволжского округа от 21 февраля 2007 г. А06-179(6765Б/3-11/05)3-11/06; постановление ФАС Московского округа от 11 октября 2007 г. А40-49303/06-73-1082Б; постановление ФАС Дальневосточного округа от 14 марта 2006 г. Ф03-А59/06-1/110 // СПС «КонсультантПлюс» (официально не опубликованы); Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о способах обеспечения исполнения обязательств (залог, поручительство): утв. президиумом ФАС Уральского округа 27 сентября 2005 г. и Президиумом ВАС РФ 23 марта 2006 г. URL: www.arbitr.ru.

³ См.: О передаче дела в Президиум ВАС РФ: определение ВАС РФ от 10 ноября 2008 г. А46-8136/2007; постановление ФАС Центрального округа от 5 июля 2007 г. А68-594/Б-06; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 15 января 2007 г. А19-10245/06-29-Ф02-6725/06-С2 // СПС «КонсультантПлюс» (официально не опубликованы).

⁴ См.: Соломатина Н.Н. Банкротство залогодателя: проблемы реализации прав неденежных кредиторов // Юридическая работа в кредитной организации. 2008. 2.

⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 10 февраля 2009 г. 9639/08. URL: www.arbitr.ru.

на предмет залога предъявляется к лицу, которое не является должником основного обязательства, а приобрело предмет залога по договору купли-продажи. Предмет купли-продажи, будучи обремененным залогом в силу права следования, переходит к приобретателю, который также может признаваться несостоятельным. И в этом случае в арбитражной практике требование об обращении взыскания не рассматривают в качестве денежного требования и соответственно залогодержателя не признают конкурсным кредитором¹. Изменится ли арбитражная практика применительно к таким случаям? Сфера действия п. 5 ст. 138 Закона иная.

Представляется, что в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» необходимо внести изменения, касающиеся возможности преобразования имущественных требований в денежные с целью участия соответствующего субъекта в деле о банкротстве в качестве конкурсного кредитора.

Требования кредиторов из публично-правовых обязанностей, обеспеченных залогом, а также из гражданско-правовых обязательств с публичными образованиями в процедурах несостоятельности представляют уполномоченные органы. Требования уполномоченных органов — также денежные, их отличительным признаком является, прежде всего, основание возникновения публичной обязанности — налоги, сборы, пошлины и другие, за исключением гражданско-правовых обязательств с публичными образованиями, основанием возникновения которых являются гражданско-правовые договоры (ст. 93.2. БК РФ).

На наш взгляд, по отношению к уполномоченным органам, требования которых обеспечены залогом, применимы в полной мере нормы Закона о залогодержателях по аналогии закона.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» регулирует права залогодержателей, являющихся конкурсными кредиторами.

Правом на подачу заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) наряду с должником обладают конкурсные кредиторы и уполномоченные органы. Федеральный закон предоставляет право конкурсным кредиторам, требования которых обеспечены залогом, участвовать в собраниях кредиторов с правом голоса или без права голоса. О залогодержателях, имеющих иной статус, законодатель в ст. 12 Закона не упоминает.

Право конкурсных кредиторов-залогодержателей участвовать в собраниях кредиторов с правом голоса в процедуре финансового оздоровления и внешнего управления связано с их отказом от реализации предмета залога в ходе соответствующей процедуры или при отказе арбитражного суда в удовлетворении ходатайства о реализации предмета залога (абз. 4 ст. 12 Закона). Позиция законодателя в этой части вполне оправданна, так как залогодержатели, имеющие интерес в обращении взыскания на предмет залога, по сути обладают иным статусом, чем остальные конкурсные кредиторы.

При заключении мирового соглашения согласие залогодержателей на его заключение имеет решающее значение (п. 2 ст. 150 Закона).

Залогодержатель вправе отказаться от реализации предмета залога в ходе

¹ См.: постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 4 февраля 2004 г. Ф04/507-10/А67-2004 // СПС «КонсультантПлюс».

финансового оздоровления и внешнего управления (п. 3 ст. 18.1 Закона). Отказ залогодержателя от субъективного права на обращение взыскания на предмет залога не влечет прекращения залогового правоотношения. Должник при распоряжении имуществом должен получить его согласие. До введения конкурсного производства право залога становится условным.

Замещение активов должника производится только в том случае, если оно одобрено всеми залогодержателями (абз. 2 п. 2 ст. 115, п. 1 ст. 141 Закона).

Согласно п. 2 ст. 18.1 Закона конкурсный кредитор, требования которого обеспечены залогом, вправе обратиться взыскание на предмет залога в ходе процедуры финансового оздоровления и внешнего управления на основании решения арбитражного суда, рассматривающего дело о несостоятельности, если должник не докажет, что взыскание сделает невозможным восстановление его платежеспособности. В этой части действующая редакция Закона в существенно отличается от предыдущей, в которой было предусмотрено безусловное право залогодержателя, обладающего правами конкурсного кредитора, обратиться взыскание на предмет залога в процедуре финансового оздоровления и внешнего управления.

Удовлетворение требований залогодержателей производится посредством обращения взыскания на предмет залога с момента введения процедуры наблюдения исключительно в судебном порядке (п. 1 ст. 18.1 Закона). Представляется, что законодатель распространяет указанное требование на лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Текущие кредиторы, требования которых обеспечены залогом, вправе обратиться взыскание на предмет залога как в судебном, так и во внесудебном порядке.

Исполнение судебного решения в процедуре наблюдения и финансового оздоровления не представляется возможным (абз. 4 п. 1 ст. 63, абз. 5 п. 1 ст. 81 Закона). А.В. Егоров предлагает распространять действие указанных норм только на требования конкурсных кредиторов¹.

В процедуре внешнего управления исполнительное производство о взыскании задолженности по текущим платежам осуществляется по правилам Федерального закона «Об исполнительном производстве», поскольку в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» не предусмотрено приостановление исполнительного производства по текущим платежам (абз. 2 п. 2 ст. 95). В п. 38 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда от 15 декабря 2004 г. 29 указывается именно об общем порядке исполнения по текущим платежам². В п. 1 ст. 95 действующего Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» установлено, что действие моратория не распространяется и на текущие платежи.

В конкурсном производстве требования текущих кредиторов удовлетворяются за счет конкурсной массы в очередности, установленной п. 2 ст. 134 Закона, каких-либо преимуществ для залогодержателей не установлено

¹ См.: *Егоров А.В.* Залог и банкротство: в поисках удачного регулирования // Вестник ВАС РФ. 2007. 6. С. 14.

² О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. 29 // Вестник ВАС РФ. 2005. 1.

в отличие от залогодержателей–конкурсных кредиторов.

Удовлетворение требований конкурсных кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом (ипотекой), регулируется в законодательстве о несостоятельности особо. В связи с введением процедур несостоятельности залоговые правоотношения не прекращаются, если только не прекратилось действие основного обязательства (п. 15 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. 29)¹.

Предъявление залогодержателем требования к должнику в процедуре несостоятельности (банкротства) означает исключительно судебную процедуру обращения взыскания на заложенное имущество, внесудебный порядок в данном случае на основе соглашения или в силу закона, как, например, предусмотрено п. 4 ст. 341 ТК РФ, когда товары находятся под таможенным контролем и переданы в заклад таможенным органам, исключается. В процедуре наблюдения, которая вводится с целью установления финансового состояния должника и сохранения его имущества, не предусмотрено удовлетворение требований кредиторов, в том числе и залогодержателей.

В процедуре финансового оздоровления, которая вводится с целью санации должника, по общему правилу расчеты с кредиторами производятся только в случае восстановления платежеспособности должника на основе плана финансового оздоровления в соответствии с графиком погашения задолженности, утверждаемого арбитражным судом.

Для процедуры финансового оздоровления одним из существенных признаков, установленных в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)», является обеспечение исполнения обязательств должника третьим лицом или третьими лицами (ст. 79 Закона). При использовании залога (ипотеки) в качестве способа обеспечения исполнения обязательства залогодателем выступает не должник, а третье лицо, на имущество которого и обращается взыскание при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником своего обязательства. Именно в этом случае имущество залогодателя и имущество должника обособлены, процедуры несостоятельности вводятся в отношении должника.

В процедуре внешнего управления расчеты с кредиторами производятся при условии восстановления платежеспособности должника по определению суда о переходе к расчетам с кредиторами, расчеты производятся в соответствии с реестром требований кредиторов (ст. 120–121 Закона).

Существенным образом изменился в Законе порядок удовлетворения требований залогодержателей в конкурсном производстве. Как известно, по Закону «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» 1992 г. залогодержатели были выведены из состава конкурсных кредиторов, их требования удовлетворялись вне конкурса из имущества должника (ст. 29), что соответствовало обеспечительной функции залога. Законом 1998 г. залогодержатели были включены в число конкурсных кредиторов, их требования удовлетворялись в составе третьей очереди преимущественно перед иными конкурсными

---

¹ См.: О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. 29 // Специальное приложение к «Вестнику ВАС РФ». 2005. 12.

кредиторами. В Законе 2002 г. применялся иной порядок, залогодержатели числились в составе кредиторов третьей очереди, но их требования удовлетворялись за счет продажи предмета залога. При этом удовлетворение требований залогодержателей производилось преимущественно перед привилегированными кредиторами в том случае, если залоговые правоотношения возникли ранее, чем правоотношения с кредиторами первой или второй очереди.

Однако Законом 2002 г. не была решена проблема соотношения требований текущих кредиторов и залогодержателей. В судебной практике существовали различные подходы к порядку удовлетворения требований залогодержателей и текущих кредиторов, предпочтение получали либо одни, либо другие¹.

В литературе анализировались преимущества и недостатки этих подходов². А. В. Егоров, например, предлагал отказаться «...от различия режимов кредиторов первой и второй очереди в зависимости от времени возникновения обязательств перед ними...»³.

В действующем Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» требования залогодержателя удовлетворяются преимущественно перед текущими кредиторами за счет продажи предмета залога (п. 1 ст. 138 Закона). Залоговое правоотношение прекращается с реализацией заложенного имущества для конкурсного кредитора, по требованию которого было обращено взыскание на предмет залога согласно абз. 2 п. 5 ст. 18.1. Закона. Требования залогодержателя, не удовлетворенные за счет продажи предмета залога, удовлетворяются в составе требований кредиторов третьей очереди, если кредитор имеет статус конкурсного кредитора.

Представляется, что установленные указанным Законом нормы должны распространяться на конкурсных кредиторов и уполномоченные органы. Что же касается залогодержателей с правами послеочередных кредиторов, то совершенно очевидно, что их требования подлежат удовлетворению в послеочередном порядке, а не в третью очередь, хотя они и обеспечены залогом, в противном случае положение Закона о делении кредиторов на определенные ранги представляется весьма бессмысленным.

Итак, залогодержатели в процедурах несостоятельности (банкротства) обладают особым статусом по сравнению с конкурсными кредиторами, их интересы в производстве по делу о несостоятельности явно не совпадают. В действующем Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» восстановлена обеспечительная функция залога по сравнению с прежними редакциями Закона, что позволяет выделить залогодержателей в особую

¹ См., например: постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 21 марта 2007 г. по делу Ф04-8883/2006 (30050-А27-22) // СПС «КонсультантПлюс» (официально не опубликован); постановление ФАС Дальневосточного округа от 20 октября 2006 г. по делу Ф03-А24/06-1 (3987); постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 27 ноября 2006 г. по делу Ф046206/2006 (26694-А67-22); постановление ФАС Уральского округа от 8 ноября 2006 г. по делу Ф09-1885/06-С4; постановление ФАС Центрального округа от 19 февраля 2007 г. по делу А62-2048/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Егоров А. В. Залог и банкротство: в поисках удачного регулирования // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. 6. С. 5–13; Тариканов Д. Правовое положение залоговых кредиторов в деле о несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. 2007. 6. С. 82–83.

³ См.: Егоров А. В. Указ. соч. С. 12.

Е.И. Петрова,
кандидат юридических наук, зав. кафедрой
Юридического института Сибирского
федерального университета

Проблемы межотраслевой координации трудового права и права социального обеспечения

В широком смысле «взаимодействие» выступает как философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого¹. Однако применительно к рассматриваемой теме обратимся к более узкому и наиболее часто употребляемому значению данного термина, которое по своей сущности созвучнее с понятием «координация» (от латинского *co-* — совместно, *ordinatio* — упорядочение) — взаимосвязь, согласование, поскольку в нем удачно отражается характер усилий законодателя при решении комплексных задач правового регулирования. Такая взаимосвязь и взаимные действия на уровне отраслей права возможны при наличии некоторых условий.

Прежде всего, необходимость отраслевого праворегулирования существует там и тогда, когда имеет место определенная общность природы регламентируемых правом общественных отношений. Объединяющим фактором трудовых и социально-обеспечительных отношений выступают публично-правовые начала в их регулировании. Это выражается, например, в закреплении государственной политики в сфере труда и социального обеспечения, определении компетенции государственных органов и учреждений в области трудовых и социально-обеспечительных отношений, регулировании государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и законодательства об обязательном социальном страховании.

В сфере трудового права и права социального обеспечения отмеченная общность формируется в интересах обеспечения всесторонней правовой охраны субъективных прав работника не только как наемного лица в процессе трудовой деятельности, но и как лица, подлежащего обязательному социальному страхованию. В научной литературе справедливо отмечается, что центральным субъектом в области социального страхования является застрахованное лицо, ибо вся рассматриваемая система направлена на реализацию его прав². Наемный работник становится застрахованным с момента заключения трудового договора. Трудоправовая и социально-страховая правосубъектность работника тесно связаны между собой, причем первая обуславливает вторую.

Проявляясь в данном качестве, исследуемое регулирование сочетает в себе, как минимум, две совокупности норм, принадлежащих к различным правовым отраслям, — норм трудового права и норм права социального обеспечения.

¹ См.: *Спиркин А.Г.* Философия: учебник. М., 2002. С. 262.

² См., например: *Федорова М.Ю.* Социальное страхование как организационно-правовая форма социальной защиты населения: проблемы правового регулирования. Омск, 2000. С. 306.

В законодательстве о труде имеются некоторые предпосылки для формирования юридического механизма, направленного на обеспечение интересов сторон трудового договора при реализации прав и обязанностей в области обязательного пенсионного страхования, страхования от несчастных случаев на производстве, профессиональных заболеваний, а также в связи с временной нетрудоспособностью, беременностью и родами. Так, в соответствии со ст. 2 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) обеспечение права каждого работника на обязательное социальное страхование является одним из основных принципов правового регулирования трудовых отношений. А нормы ст. 22 ТК РФ предусматривают обязанность работодателя осуществлять социальное страхование в порядке, установленном федеральными законами. Согласно ст. 65 ТК РФ при заключении трудового договора лицо, поступающее на работу, предъявляет работодателю среди прочих документов и страховое свидетельство государственного пенсионного страхования. Кроме того, в связи с изменением ст. 1 ТК РФ в июне 2006 г. основными задачами трудового законодательства являются создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства, а также правовое регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, в том числе по обязательному социальному страхованию в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Следовательно, изучая трудовое право, и в частности, такие вопросы, как защита трудовых прав наемных работников, невозможно оставить без внимания не только правовое регулирование защиты их прав в сфере трудовой деятельности, но и то, каким образом они защищаются в сфере обязательного социального страхования, что регламентируется, в свою очередь, нормами права социального обеспечения. Этот прикладной аспект межотраслевого взаимодействия часто не учитывается законодателем, что влечет за собой снижение эффективности защиты субъективных прав работников. Более того, бурное обновление законодательства, регулирующего трудовые и социально-обеспечительные отношения, еще в большей степени обостряет проблему надлежащего межотраслевого регулирования.

Какие ситуации имеются в виду? Вспомним, например, ч. 5 ст. 74 ТК РФ, предусматривающую, что если по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда, может возникнуть угроза массового увольнения работников, работодатель в целях сохранения рабочих мест имеет право с учетом мнения выборного профсоюзного органа данной организации вводить режим неполного рабочего времени на срок до шести месяцев. В области пенсионного страхования это означает невозможность включения указанного периода работы в профессиональный стаж, поскольку отсутствует одно из условий его исчисления — занятость на особых работах полный рабочий день. Такое правило, например, предусмотрено Списком 1 производств, работ, профессий, должностей и показателей на подземных работах, на работах с особо вредными и особо тяжелыми условиями труда, занятость в которых дает право на пенсию по старости на льготных условиях (утвержденным постановлением Кабинета

Министров СССР от 26 января 1991 г. 10)¹. Аналогичное положение закреплено в п. 4 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьями 27 и 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»² (утверждены Постановлением Правительства от 11 июля 2002 г. 516): в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, засчитываются периоды работы, выполняемой постоянно в течение полного рабочего дня.

Возможность наступления неблагоприятных последствий для работника в области обязательного пенсионного страхования в виде уменьшения страхового стажа заложена еще в одном положении Правил 2002 г. Так, в соответствии с п. 9 в специальный страховой стаж не включаются периоды простоя, причем как по вине работодателя, так и по вине работника. Трудно представить, чем руководствовался законодатель при формировании своей позиции. Во-первых, помимо простоя по вине работника и работодателя, возможен простой по независящим от сторон трудового договора обстоятельствам (ч. 2 ст. 157 ТК РФ), что по непонятным причинам не нашло отражения в вышеупомянутых Правилах. Во-вторых, простой как по вине работодателя, так и по независящим от сторон обстоятельствам подлежит оплате согласно ст. 157 ТК РФ и, таким образом, соответствующие суммы включаются в налогооблагаемую базу, то есть на них начисляются страховые взносы в Пенсионный фонд РФ. Следовательно, этот период для работника является ничем иным, как страховым стажем, и, исключив время простоя из специального страхового стажа, законодатель допустил существенную неточность.

Приведенные примеры не только демонстрируют важность координации между собой норм трудового и социально-обеспечительного законодательства при разработке превентивных мер в области пенсионного страхования работников. Они, к сожалению, убедительно показывают, что государство не гарантирует работнику защиты в приведенных выше ситуациях, обусловленных причинами экономического характера. В связи с этим представляется, что существующие ныне правовые конструкции, возлагающие на работника негативные последствия в области обязательного пенсионного страхования в связи с такими обстоятельствами, как неполное рабочее время из-за угрозы массового высвобождения, простоя в условиях кризиса и другими, должны быть подвергнуты существенной корректировке.

Внедрение, хотя и слабое, принципов социального партнерства в сферу регулирования пенсионных отношений иногда приводит к неоднозначности правил исчисления специального стажа работников сезонных отраслей экономики. Приведем пример.

Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» от 17 декабря 2001 г. 173-ФЗ предусматривает правила исчисления страхового стажа лиц, занятых на водном транспорте и в сезонных отраслях промыш-

¹ См.: Сборник нормативных актов по пенсионному обеспечению. М., 1992.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. 28, ст. 2872; 2009. 22, ст. 2725 (далее — Правила 2002 г.).

ленности (п. 2 ст. 12)¹. В связи с этим хотелось бы обратиться к некоторым положениям пенсионного законодательства и показать необходимость их согласования с нормами законодательства о труде в части исчисления страхового стажа упомянутой категории работников.

Постановлением Правительства РФ от 4 июля 2002 г. 498 утвержден Перечень сезонных отраслей промышленности, работа в организациях которых в течение полного сезона при исчислении страхового стажа учитывается с таким расчетом, чтобы его продолжительность в соответствующем календарном году составляла полный год (далее — Перечень от 4 июля 2002 г.)². До принятия настоящего Постановления применялся Перечень сезонных работ и сезонных отраслей промышленности, работа на предприятиях и в организациях которых независимо от их ведомственной принадлежности в течение полного сезона засчитывается в стаж для назначения пенсии за год работы, утвержденный Постановлением Совета Министров РСФСР от 4 июля 1991 г. 381³.

Исчислению в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 12 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», подлежат периоды работ, дающих право на досрочное назначение трудовых пенсий по старости, выполняемых в организациях сезонных отраслей промышленности, поэтому в Перечень от 4 июля 2002 г. включены именно сезонные отрасли промышленности. Однако некоторые отрасли промышленности включены в Перечень еще и с указанием сезонных работ (пп. 1–4). К ним относятся: торфяная и лесозаготовительная отрасли промышленности; лесосплав и лесное хозяйство.

Другие отрасли промышленности предусмотрены в данном перечне без указания видов сезонных работ (пп. 5–9). Порядок льготного исчисления периодов работ, дающих право на досрочное пенсионное обеспечение граждан, занятых в организациях таких отраслей промышленности, распространяется на работников, занятых на сезонных работах. Виды сезонных работ, выполняемые организациями этих отраслей промышленности, в Перечне от 4 июля 2002 г. не указаны. Перечни таких работ утверждаются в порядке, установленном трудовым законодательством.

В соответствии со ст. 293 ТК РФ сезонными работами признаются работы, которые в силу климатических и иных природных явлений выполняются в течение определенного периода (сезона), не превышающего, как правило, шести месяцев. Причем перечни сезонных работ, в том числе отдельных сезонных работ, проведение которых возможно в течение периода (сезона), превышающего шесть месяцев, и максимальная продолжительность указанных сезонных работ определяются отраслевыми (межотраслевыми) соглашениями, заключаемыми на федеральном уровне в рамках социального партнерства.

Таким образом, трудовое законодательство допускает, что продолжительность сезонных работ может быть как менее, так и более шести месяцев,

---

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. 52, ч. 1, ст. 4920; 2009. 27, ст. 3265.

² См.: Там же. 2002. 27, ст. 2709.

³ См.: СПС «КонсультантПлюс».

и устанавливается она актами социального партнерства — соглашениями определенного уровня.

Однако это не означает, что любые виды сезонных работ, дающих право на досрочное пенсионное обеспечение, определяемые отраслевыми (межотраслевыми) соглашениями, исчисляются в льготном порядке, предусмотренном ст. 12 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». В льготном порядке исчисляются периоды работ, выполняемых в течение полного сезона организациями тех отраслей промышленности, которые предусмотрены Перечнем от 4 июля 2002 г. При этом продолжительность сезонных работ определяется отраслевыми (межотраслевыми) соглашениями на федеральном уровне. К таким организациям относятся: организации по производству мясных продуктов, переработке птицы и по производству мясных консервов маслосырдельной и молочной промышленности; организации по производству мясных продуктов, переработке птицы и по производству мясных консервов мясной промышленности; организации по улову рыбы, добыче китов, морского зверя, морепродуктов и переработке этого сырья; рыбокулинарные, консервные, рыбомучные, жиромучные организации и холодильники рыбной промышленности; организации по производству сахара-песка и сахара-рафинада сахарной промышленности; организации по производству плодоовощных консервов плодоовощной промышленности.

Если же работы, дающие право на досрочное пенсионное обеспечение, отраслевыми (межотраслевыми) соглашениями признаны сезонными, но выполняются организациями тех отраслей промышленности, которые не предусмотрены Перечнем от 4 июля 2002 г., то на выполняющих эти работы лиц льготный порядок исчисления страхового стажа не распространяется. Такие сезонные работы исчисляются по их фактической продолжительности.

Вышеизложенное толкование норм пенсионного и трудового законодательства необходимо учитывать представителям работников и работодателей при разработке отраслевых (межотраслевых) соглашений. В противном случае будет нарушена логика взаимосвязанного одновременного применения норм различной отраслевой принадлежности.

Кроме обязательного пенсионного страхования одним из видов обязательного социального страхования является страхование в связи с временной нетрудоспособностью, профессиональным заболеванием и трудовым увечьем, осуществляемым с участием Фонда социального страхования РФ (далее — ФСС). В этой сфере также существуют примеры, когда нормы законодательства о труде не находят согласования с положениями законодательства о страховании. Как известно, в качестве работодателя может выступать физическое лицо, принимающее работника по трудовому договору на работу для личного обслуживания (например, поваров, водителей, садовников и т.п.), а также для оказания помощи по ведению личного подсобного хозяйства (ст. 20 ТК РФ). Однако такие работодатели не могут зарегистрироваться в органе ФСС в качестве страхователей, поскольку для них не определен вид экономической деятельности с целью установления тарифа страхового взноса. В результате работники, выполняющие работу по

трудовому договору в домашнем хозяйстве физического лица-работодателя, исключаются из круга застрахованных лиц и не приобретают права на страховое обеспечение при наступлении страхового случая. Разумеется, сложившаяся ситуация требует устранения.

Говоря о межотраслевом взаимодействии трудового права и права социального обеспечения, хотелось бы отметить еще один аспект. Вызывает недоумение существующая «нестыковка» юридических фактов в пенсионном, трудовом законодательстве и законодательстве о пособиях. Так, Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» предусматривает возможность зачета в страховой стаж периода ухода одного из родителей за каждым ребенком до достижения им возраста полутора лет, но не более трех лет в общей сложности. По-видимому, такая формулировка дает основание учитывать уход за ребенком как работающих, так и неработающих родителей. Согласно ст. 256 ТК РФ отпуск по уходу за ребенком может использоваться матерью, отцом ребенка, а также бабушкой, дедушкой, другим родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ребенком. Такие же подходы сложились и в законодательстве о государственных пособиях. В частности, Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» устанавливает, что право на ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет имеют не только мать либо отец ребенка, но и другие родственники и опекуны, фактически осуществляющие уход за ребенком, подлежащие государственному социальному страхованию¹. Почему же в области пенсионного обеспечения законодатель ограничивает возможность наступления юридических последствий в связи с уходом за ребенком применительно к другим родственникам, которые, кстати, также могут иметь статус застрахованных лиц, как и родители ребенка? Можно предположить, что закон стремился к своеобразной экономии при установлении периодов иной деятельности, которые могут быть включены в страховой стаж. Однако насколько оправдана такая позиция, соответствует ли она демографической политике Российского государства? Вряд ли подобная нормотворческая логика может считаться эффективной.

Итак, взаимосвязь норм трудового права и права социального обеспечения должна органично вписываться в технику правотворчества как естественно обусловленное требование эффективной защиты прав наемных работников. Согласованность правовых решений и отсутствие противоречий между ними выступают своего рода гарантией субъективных прав в рассматриваемых областях. Как известно, «...сущность юридической гарантии состоит в широком содействии субъекту, в беспрепятственности, устранении того, что мешает и может помешать осуществлению правовых предписаний, а значит, удовлетворению правомерных интересов»².

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. 21, ст. 1929; 2008. 52, ч. 1, ст. 6236.

² Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. С. 183.

А.Н. Тарбагаев,
*доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой Юридического института
Сибирского федерального университета*

Некоторые проблемы квалификации совершения преступления организованной группой

12 декабря 2000 г. Российская Федерация подписала Конвенцию Организации Объединенных Наций (ООН) против транснациональной организованной преступности и ратифицировала ее Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. 26-ФЗ. Конвенция вступила в силу для России с 25 июня 2004 г. и теперь должна применяться на территории Российской Федерации, в частности, при квалификации преступлений, совершенных в составе организованной преступной группы. Действующее российское уголовное законодательство предусматривает две разновидности организованных преступных групп: организованную группу (ч. 3 ст. 35 УК РФ) и преступное сообщество (преступную организацию), которое представляет собой сплоченную организованную группу (организацию), созданную для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях (ч. 4 ст. 35 УК РФ).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении 8 от 10 июня 2008 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» указал, что под преступным сообществом (преступной организацией) следует понимать структурно оформленную преступную группу, которая помимо присущих организованной группе признаков (ч. 3 ст. 35 УК РФ) характеризуется сплоченностью и создана для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп, созданное в тех же целях. Такое определение означает, что для признания группы лиц преступным сообществом (преступной организацией) необходимо в первую очередь установить, что она обладает всеми признаками организованной группы плюс конкретными дополнительными признаками, которые определены в ч. 4 ст. 35 УК РФ и истолкованы в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В настоящее время наибольшие трудности в теории и на практике вызывает квалификация совершения преступления организованной группой (ч. 3 ст. 35 УК РФ), а также разграничение последней с группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ), поскольку законодатель при их описании использовал оценочные признаки, которые до сих пор не получили однозначного понимания и толкования в судебной практике. Представляется, что необходимо уделить особое внимание проблеме обеспечения применения Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности на территории Российской Федерации в первую очередь при квалификации

преступлений, совершенных в составе организованной группы с учетом положений, предусмотренных ч. 3 ст. 35 УК РФ, поскольку от этого зависит дальнейшая правильная квалификация совершения преступления преступным сообществом (преступной организацией).

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации международные договоры России являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В соответствии с ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 10 декабря 2003 г. 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснил, что, исходя из ст. 54 и п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации, а также ст. 8 УК РФ, уголовной ответственности в России подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации. Иными словами, нормы международных договоров, ратифицированных Россией, относящиеся к вопросам квалификации преступлений и назначения наказания за их совершение, не являются непосредственным источником уголовного права до тех пор, пока они не будут включены (имплементированы) в текст УК РФ. Для таких ситуаций в тексте договора прямо указывается на обязанность государств-участников внести изменения в свои внутренние законодательства.

В соответствии со ст. 34 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности каждое государство-участник принимает в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства необходимые меры, включая законодательные и административные, для обеспечения осуществления своих обязательств согласно настоящей Конвенции. Это означает, что те положения Конвенции ООН, которые предназначены для квалификации преступлений, совершенных в составе организованной группы, для их практического применения в России должны быть включены (имплементированы) в УК РФ.

Для правильного применения Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности на территории Российской Федерации в процессе уголовно-правовой квалификации групповых преступлений необходимо сопоставить определение организованной группы, данное в ч. 3 ст. 35 УК РФ, с понятием организованной преступной группы, содержащимся в п. «а» ст. 2 Конвенции ООН.

В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

В теории российского уголовного права признаками, свидетельствующими об организованности преступной группы, признаны следующие: а) предварительное объединение для занятия преступной деятельностью; б) устойчивость группы; в) наличие организационных структур; г) тщательная подготовка и планирование преступления; д) распределение ролей между членами группы¹.

По этим признакам группа лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления (группа лиц по предварительному сговору — ч. 2 ст. 35 УК РФ), принципиально отличается от группы лиц, заранее объединившихся для совершения преступлений (организованная группа — ч. 3 ст. 35 УК РФ). Признак организованности применительно к организованной группе проявляется не в организации совершения каждого конкретного преступления, а в создании, поддержании и обслуживании самой криминальной структуры (организованной группы), как правило, созданной для совершения значительного числа преступлений. Устойчивость организованной группы определяет особый характер объединения входящих в нее лиц, что выражается не только в длительности существования группы, но и в стабильности состава, числе совершенных ею преступлений, постоянстве форм и методов преступной деятельности и других обстоятельствах, свидетельствующих о намерении заниматься преступной активностью в течение более или менее длительного промежутка времени².

Н.А. Лопашенко указывает, что признак устойчивости организованной группы определяется следующими обстоятельствами: высокий уровень организованности; планирование и тщательная подготовка преступления; распределение ролей между соучастниками; подбор и вербовка соучастников; обеспечение мер по сокрытию преступления; подчинение групповой дисциплине и указаниям организатора преступной группы; большой временной промежуток существования группы; неоднократность совершения преступлений членами группы; их техническая оснащенность; длительность подготовки даже одного преступления³.

Участники организованной преступной группы предполагают совершение не отдельного преступного посягательства, после чего группа должна прекратить свое существование, а намерены продолжительное время осуществлять деятельность, выражающуюся, как правило, в множественности преступных актов. Закон допускает создание организованной группы для совершения единственного преступления, но такого, которое требует особо тщательной и длительной подготовки. В теории российского уголовного права организованной группой признается такая устойчивая группа лиц, для которой преступная деятельность является средством получения доходов в качестве основного или единственного средства к существованию⁴.

Российское законодательство специально не определяет минимальное число членов организованной преступной группы. Поэтому подлежит при-

¹ См.: *Бойцов А.И.* Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 667.

² См.: Там же. С. 669.

³ См.: *Лопашенко Н.А.* Преступления против собственности. М., 2005. С. 141.

⁴ См.: *Векленко В.В.* Квалификация хищений чужого имущества: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 36.

менению общее правило, установленное в ст. 32 УК РФ, в соответствии с которым соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Значит, и организованная группа как конкретная форма соучастия в преступлении формально может состоять всего лишь из двух субъектов. Однако, если принять во внимание, что основные вышеперечисленные признаки организованной группы (устойчивость, сплоченность, стабильность состава, распределение ролей между участниками и др.) в принципе могут относиться всего лишь к двум лицам, они в значительной степени обесцениваются и утрачивают смысл в качестве критериев, отличающих организованную группу от группы лиц по предварительному сговору.

В п. «а» ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности организованная преступная группа определяется как структурно оформленная группа в составе *трех или более лиц*, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду. При этом в соответствии с п. «b» ст. 2 Конвенции ООН «серьезное преступление» означает преступление, наказуемое лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания.

Конвенциональное определение минимального числа участников организованной преступной группы в три человека представляется более удачным, соответствующим общественной опасности этой формы соучастия, а также позволяющим учесть все вышеуказанные критерии, дающие возможность правильно квалифицировать совершение преступления в составе организованной группы. Думается, что российскому законодательству целесообразно имплементировать данный конвенциональный признак в ч. 3 ст. 35 УК РФ.

Если сравнить понятие «серьезного преступления», данное в п. «b» ст. 2 Конвенции ООН, с понятиями преступлений, предусмотренными в ст. 15 УК РФ, то становится ясно, что наименее опасные «серьезные преступления» укладываются в предусмотренную российским законодательством категорию преступлений средней тяжести — умышленные деяния, наказание за которые превышает два года лишения свободы, но не превышает пяти лет лишения свободы, а также неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное Уголовным кодексом, не превышает двух лет лишения свободы. Следует уточнить, что в составе организованной преступной группы совершаются только умышленные преступления. Поэтому можно сделать вывод, что организованная группа создается для совершения преступлений средней тяжести, а также тяжких и особо тяжких преступлений. Хотя в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2008 г. 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» отмечается, что организованная группа может быть создана и для совершения преступлений небольшой тяжести, однако такой вывод мало соответствует общественной опасности совершения преступлений в составе организованной

группы и противоречит определению организованной преступной группы, содержащемуся в Конвенции ООН.

По признаку категорий преступлений, которые могут быть совершены организованной группой (предусмотренному Конвенцией ООН), она существенно отличается от группы лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ), которая может быть создана и для совершения преступления небольшой тяжести, а также от преступного сообщества (преступной организации), которые создаются для совершения только тяжких и особо тяжких преступлений (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Представляется целесообразным включить указанный, вытекающий из смысла Конвенции ООН, признак (создание группы для совершения преступлений средней тяжести, а также тяжких и особо тяжких преступлений) в определение организованной группы, предусмотренное ч. 3 ст. 35 УК РФ.

В соответствии с п. «с» ст. 2 Конвенции ООН «структурно оформленная группа» как важная характеристика организованной преступной группы означает, что группа не была случайно образована для немедленного совершения преступления, в ней не обязательно формально определены роли ее членов, оговорен непрерывный характер членства или создана развитая структура. Это конвенциональное определение позволяет отличить предусмотренную российским уголовным законодательством организованную группу, с одной стороны, от группы лиц по предварительному сговору, для которой характерно именно создание для немедленного совершения преступления, и, с другой стороны, от преступного сообщества (преступной организации), которое отличается наличием организационно-управленческих структур, общей материально-финансовой базы, образованной, в том числе, из взносов от преступной и иной деятельности, иерархией, дисциплиной, специальными правилами взаимоотношения и поведения участников преступного сообщества, непрерывным характером членства и формальным определением ролей его участников.

По нашему глубокому убеждению, организованная преступная группа предполагает наличие еще одного важного признака, который прямо не предусмотрен в УК РФ и Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, однако именно он выражает сущность организованного характера этой опасной формы соучастия.

Обязательным признаком организованной группы является наличие авторитетного лидера-организатора. При этом члены группы повинуются групповой дисциплине и указаниям своего руководителя. Как справедливо отмечает А.И. Бойцов, характерной особенностью любых развитых организаций является наличие в них специализированного контингента лиц, выполняющих функции управления. Именно при наличии организатора создается социально-правой феномен управления, при котором воля каждого участника согласуется с общей волей и покоряется единому замыслу¹. Организатор не только вербует членов группы, но и подчиняет их жесткой дисциплине, оставляя за собой возможность применения принудительных санкций устрашающего характера, которые исключают неповиновение руководителю или добровольный выход участников из организованной группы.

¹ Бойцов А.И. Указ. соч. С. 672.

В абзаце 2 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. 15 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что в отличие от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, организованная группа характеризуется, в частности, наличием в ее составе организатора (руководителя). В п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» прямо указано, что организованная группа отличается наличием в ее составе организатора (руководителя).

Однако нижестоящие суды не всегда руководствуются этими положениями. Так, в 2008 г. один из районных судов г. Красноярска осудил гражданку Г. по совокупности двадцати преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ (по признаку совершения преступления организованной группой), но никто из осужденных по этому делу (а также ни одно из неустановленных следствием лиц, участвовавших в совершении данного преступления) не был признан организатором или руководителем организованной группы. Вообще в приговоре ни слова не сказано об организаторе (руководителе) организованной группы, что, по нашему мнению, исключает возможность квалификации содеянного Г. по ч. 4 ст. 159 УК, поскольку группа, в составе которой она совершила преступления, при отсутствии организатора или хотя бы руководителя не является организованной. Тем не менее Красноярский краевой суд отказал в удовлетворении надзорной жалобы, указав, что постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по своей сути носят рекомендательный характер и юридической силы уголовного закона не имеют. Думается, что единство судебной практики на территории Российской Федерации является важной гарантией реализации конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом, что требует единообразного применения всеми судами России норм Уголовного кодекса именно в совокупности с их толкованием, которое дается Верховным Судом Российской Федерации.

В соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. Конкретные действия организатора (руководителя) могут состоять: в подыскании других соучастников и их вовлечении в преступную деятельность создаваемой группы; в распределении ролей между соучастниками и их обучении функциональным обязанностям, определяемым конкретной ролью в группе; в разработке плана преступной деятельности; в определении дохода, полученного преступным путем, направляемого на общие групповые нужды, а также его распределении между отдельными членами группы; в руководстве совершением отдельных преступлений.

В ч. 5 ст. 35 УК РФ отмечается, что лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, а также за совершенные организованной группой или преступным сообществом преступления, если они охватывались его умыслом.

Взятые в совокупности правовые положения ч. 3 ст. 33, ч. 3 и 5 ст. 35 УК РФ бесспорно и однозначно утверждают, что квалификация преступления, совершенного как преступным сообществом, так и организованной группой, невозможна без признания хотя бы одного из членов этой группы организатором (руководителем). Даже если преступная группа первоначально самоорганизовалась (предварительно объединилась) в отсутствие организатора, для квалификации ее в качестве организованной группы необходимо установить, что в дальнейшем из числа ее членов выдвинулся один авторитетный руководитель или несколько соруководителей, определяющих направление, характер и масштаб последующей преступной деятельности. Только в этом случае совершение преступлений в составе данной группы может быть квалифицировано по признаку организованной группы.

По нашему мнению, действующее понятие организованной группы, предусмотренное ч. 3 ст. 35 УК РФ, нуждается в корректировке как с учетом определения, данного в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, так и с учетом правильного подхода к пониманию организованного характера ее возникновения и последующего функционирования. Предлагается изложить ч. 3 ст. 35 УК РФ в следующей редакции:

«Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой из трех и более лиц, включающей организатора и (или) руководителя, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений».

А.В. Сулопаров,
*ассистент кафедры Юридического института
Сибирского федерального университета*

Информация в характеристике объекта преступлений

Центральное место в конструкции состава преступления занимает такой его элемент, как объект преступления. Традиционно в юридической литературе объект преступления определяется как общественные отношения, охраняемые уголовным законом¹. А.В. Наумов определяет объект преступления как то, на что посягает лицо, совершающее преступное деяние, и чему причиняется или может быть причинен вред в результате преступления². Далее он отмечает, что в советской юридической литературе под объектом преступления понимались общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств. Однако подобная трактовка объекта преступления не может быть признана общей универсальной теорией³. В связи с этим ученый предлагает

¹ См., например: Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 141.

² См.: *Наумов А.В.* Российское уголовное право: Общая часть: курс лекций. М., 2000. С. 156.

³ См.: Там же. С. 157.

признавать объектом преступления те блага (интересы), на которые посягает преступное деяние и которые охраняются уголовным законом¹.

Компромиссную позицию по поводу объекта преступления занимает Т.А. Бушуева. Она отмечает, что «в литературе все чаще возвращаются к концепции объекта как правового блага, жизненного интереса. И здесь сразу вспоминаются Лист, Иеринг, представители социологической и классической школ уголовного права, которые определяли объект преступления именно как защищенный правом жизненный интерес. Близок к этой позиции был и Н.С. Таганцев»². Исходя из этого, Т.А. Бушуева трактует объект преступления как блага, интересы, общественные отношения, которые охраняются уголовным законом. В настоящей статье считаем возможным остановиться на формулировке, предложенной Т.А. Бушуевой, понимая под объектом, прежде всего, определенные общественные отношения.

Многие общественные отношения, охраняемые уголовным законом, могут быть охарактеризованы как информационные. Речь идет, в частности, об отношениях, защищаемых нормами таких статей, как ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», ст. 129 УК РФ «Клевета», ст. 130 УК РФ «Оскорбление», ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны сообщений», ст. 140 УК РФ «Отказ в предоставлении гражданину информации», ст. 155 УК РФ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)» и др.

Изучением информационных правоотношений занимается новая отрасль права — информационное право. В учебнике по информационному праву В.А. Копылова можно встретить определение информационного правоотношения, под которым понимается урегулированное информационно-правовой нормой информационное общественное отношение, стороны которого выступают в качестве носителей взаимных прав и обязанностей, установленных и гарантированных информационно-правовой нормой³. Под информационно-правовой нормой В.А. Копылов понимает норму права, регулирующую отношения, возникающие в информационной сфере в связи с реализацией информационных прав и свобод и осуществлением информационных процессов при обращении информации⁴. Среди прочих информационно-правовых норм ученый выделяет нормы-санкции, являющиеся либо частью состава правонарушения, либо самостоятельной нормой⁵. Следовательно, нормы уголовного закона могут являться информационно-правовыми и таким образом служить правовым основанием возникновения информационных общественных отношений.

В.В. Крылов, в частности, утверждает, что в тех случаях, когда общественно опасные действия в области информационных отношений совершаются без применения компьютерных средств, законодатель нередко относит их к другим соответствующим родовым объектам. Так, клевета или оскорбление (ст. 129, 130 УК РФ), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ), отказ в предо-

---

¹ См.: *Наумов А.В.* Указ. соч. С. 159.

² Российское уголовное право: курс лекций: в 7 т. / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 1. С. 302 (автор главы — Т.А. Бушуева).

³ См.: *Копылов В.А.* Информационное право. М., 2003. С. 131.

⁴ См.: Там же. С. 122.

⁵ См.: Там же. С. 128.

ставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ), нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав (ст. 146, 147 УК РФ) относятся к разделу «Преступления против личности»; кража, мошенничество, хищение предметов, имеющих особую ценность, умышленные уничтожение или повреждение имущества, заведомо ложная реклама, изготовление и сбыт поддельных кредитных карт, незаконный экспорт технологий, научно-технической информации (ст. 158, 159, 164, 167, 182, 187, 189 УК РФ) — к разделу «Преступления в сфере экономики» и т.д. Таким образом, делает вывод В.В. Крылов, информационные отношения получили и уголовно-правовую защиту. Из этого следует, что информация и информационные отношения стали новым объектом преступления¹.

Наиболее ярко информационный характер общественных отношений, охраняемых уголовным законом, может быть проиллюстрирован на примере ст. 119 и 140 УК РФ. В частности, ст. 119 УК РФ предусматривает ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Субъектами рассматриваемого информационного отношения являются, с одной стороны, все физические лица, вменяемые и достигшие определенного возраста, которые обязаны воздерживаться от оказания неблагоприятного информационного воздействия на других лиц. С другой стороны, субъектами данного информационного отношения являются лица, на которых может быть оказано неблагоприятное информационное воздействие и которые имеют право требовать со стороны всех других физических лиц воздерживаться от оказания такого воздействия. Следовательно, праву одного субъекта данного отношения корреспондирует обязанность другого субъекта воздерживаться от определенного поведения в информационной сфере, в рассматриваемом случае — от угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Несомненно, что данная норма, прежде всего, направлена на защиту жизни и здоровья человека, точнее — на предупреждение причинения вреда жизни и здоровью. Вместе с тем нельзя не учитывать и тот факт, что угроза, доведенная до адресата, может вызвать негативные психические процессы у получателя и, тем самым, ухудшить психическое и физическое состояние человека. Таким образом, криминализация деяния, предусмотренного ст. 119 УК РФ, преследует как цель защиты от возможного причинения физического вреда, так и цель ограждения человека от неблагоприятного информационного воздействия, которое также может оказать самостоятельное негативное влияние на здоровье человека.

Статья 140 УК РФ устанавливает ответственность за отказ в предоставлении гражданину информации. В ней идет речь об информационном правоотношении, возникающем между гражданином и должностным лицом по поводу реализации гражданином конституционного права на получение информации, когда у должностного лица имеется корреспондирующая праву гражданина обязанность предоставить ему определенную информацию.

Таким образом, объектом преступлений могут являться информационные общественные отношения, которые выражаются в наличии у субъектов таких отношений взаимных прав и обязанностей в информационной сфере.

---

¹ См.: Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления. М., 1997. С. 9.

Следовательно, можно заключить, что информационные преступления являются разновидностью преступлений, закрепленных в различных главах УК, и имеют своим объектом информационные общественные отношения.

Л.А. Букалерева в связи с изложенным и применительно к охраняемой законом официальной информации констатирует, что анализ действующего уголовного закона и тенденций его развития в области регулирования охраняемой государством официальной информации позволяет сделать следующий вывод: в настоящее время уголовное законодательство переживает этап формирования цельного по своей природе, системного по характеру взаимосвязи элементов объекта уголовно-правовой охраны — общественных отношений в сфере охраняемого государством информационного оборота¹.

Информационные отношения крайне разнообразны и охватывают широкий спектр явлений общественной жизни, в связи с чем можно поставить вопрос о конкретизации информационных отношений, охраняемых уголовным правом. В.А. Копылов выделяет четыре группы информационных отношений, среди которых особого внимания заслуживают информационные правоотношения, возникающие при создании и применении средств и механизмов информационной безопасности². Иначе их можно обозначить как общественные отношения по поводу обеспечения информационной безопасности.

Понятие информационной безопасности является дискуссионным. Существует два основных подхода к этому понятию. Одни ученые оценивают понятие информационной безопасности как широкое явление, составной частью которого является защита информации. Другая группа ученых связывает информационную безопасность с защитой информации³. Думается, что для настоящей работы первый подход выглядит предпочтительнее. Дело в том, что информационная безопасность связана не только с защитой собственно информации, но и с обеспечением нормального функционирования любых информационных общественных отношений. В свою очередь, их нормальное функционирование возможно только при соблюдении норм, касающихся как защиты информации, так и защиты прав субъектов информационных общественных отношений. Названные права могут касаться защиты от неблагоприятного информационного воздействия на психику человека (ст. 119, 129, 130 УК РФ и др.), от неправомерных действий должностных лиц при оперировании ими определенной информацией (например, ст. 140 УК РФ), а также от иных неправомерных действий в информационной сфере.

Иными словами, нормальное функционирование информационной сферы общества обеспечивается путем соблюдения определенных норм и правил. Данные правила установлены как правовыми актами различной силы, так и нормами существующей в обществе морали. Наиболее значимые из правил закреплены в уголовном законе. В случае их нарушения следует говорить о том, что информационной сфере общества был нанесен урон,

---

¹ См.: Букалерева Л.А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 7.

² См.: Копылов В.А. Информационное право. М., 2003. С. 132–133.

³ См.: Мазуров В.А. Компьютерные преступления: классификация и способы противодействия. М., 2002. С. 19–20.

то есть информационная безопасность личности, общества или государства была поставлена под угрозу. В частности, информационная безопасность личности страдает в случае нарушения правила о запрете незаконного информационного воздействия на психику человека путем угроз, обмана, принуждения. Информационная безопасность государства ставится под угрозу в случае нарушения правил обращения с информацией, содержащей государственную тайну.

Представляется, что общественные отношения по обеспечению информационной безопасности как объект преступления не отличаются от традиционных объектов преступлений. В частности, общественные отношения по поводу охраны жизни и здоровья человека направлены на обеспечение физической безопасности личности. С этой целью законодателем установлены определенные рамки допустимого поведения в виде различных норм и правил, например, правил о запрете причинения вреда здоровью. Несоблюдение таких правил субъектами общественного отношения свидетельствует о разрушении такого отношения.

Вопросам информационной безопасности посвящена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 9 сентября 2000 г. Под информационной безопасностью Российской Федерации в ней понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

В науке можно встретить различные определения информационной безопасности. А.Д. Урсул понимает под ней состояние защищенности основных сфер жизнедеятельности по отношению к опасным информационным воздействиям¹. Информационную безопасность также определяют как состояние защищенности информационной среды общества; состояние либо отсутствия информационных угроз, либо, при наличии таковых, состояние защищенности и, следовательно, устойчивости основных сфер жизнедеятельности и др.²

Наиболее удачным представляется определение В.А. Мазурова, рассматривающего информационную безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства в информационной среде (сфере) от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, общества, государства³. Указанное определение было дано ученым применительно к видовому объекту компьютерных преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ, однако думается, что оно применимо ко всем преступлениям информационного характера, имеющимся в УК РФ. Связано это с тем, что информационная сфера защищается в равной степени как нормами гл. 28 УК РФ, так и нормами иных глав УК РФ, содержащих составы информационных преступлений.

¹ См.: Урсул А.Д. Информационная стратегия и безопасность в концепции устойчивого развития // НТИ. Сер. 1, Орг. и методика информ. работы. 1996. 1. С. 7.

² См.: Арсентьев М.В. К вопросу о понятии «информационная безопасность» // Информационное общество. 1997. 4–6. С. 49.

³ См.: Мазуров В.А. Компьютерные преступления: классификация и способы противодействия. М., 2002. С. 21.

Тема информационной безопасности была подробно развита в диссертациях Д.А. Калмыкова и Е.В. Красенковой. Д.А. Калмыков понимает информационную безопасность как совокупность разнообразных отношений, содержащих в качестве неотъемлемого элемента информационный компонент, представленный рядом терминов, используемых нормами УК, относящихся к различным элементам состава преступления и указывающих на исследуемый объект.

Наиболее ярко информационную безопасность характеризуют такие элементы состава преступления, как предмет и деяние. Так, к предмету преступлений в информационной сфере относятся (указывают на него) термины «сведения», «данные», «тайна», «документы», «материалы», «технология», «факты», «явления», «сущность», «носитель», «ЭВМ», «система ЭВМ», «сеть ЭВМ», «средства связи» и т.д. К противоправному деянию против информационной безопасности могут быть отнесены следующие термины «разглашение», «распространение», «публикация», «объявление», «рекламирование», «демонстрация», «издание», «донос», «утрата», «присвоение», «призыв», «фальсификация» и т.д. Очевидно, что информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны не только фактически существует в УК РФ, но и является довольно распространенным объектом уголовно-правовой охраны. Как отмечает Д.А. Калмыков, формально преступное посягательство на любой объект уголовно-правовой охраны означает, в том числе, и нарушение информационного компонента соответствующего объекта, из чего следует, что большинство преступных посягательств нарушают общественные отношения в области обеспечения информационной безопасности России¹.

С Д.А. Калмыковым солидарна и Е.В. Красенкова, утверждающая, что одним из средств обеспечения информационной безопасности являются отдельные нормы уголовного законодательства, содержащие составы преступлений, посягающие на информационные интересы личности, общества и государства, в частности, нормы ст. 129, 130, 137, 138, 140, 155, 237, 275, 276, 282, 283, 306, а также нормы гл. 28 УК РФ².

Л.А. Букалорова определяет общественные отношения в сфере законного оборота информации как «видовой объект информационных преступлений. В настоящее время они разбросаны по различным главам и статьям уголовного закона. Однако надели предпосылки объединения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за информационные преступления»³. Диссертация ученого посвящена изучению информационных преступлений в сфере государственного и муниципального управления, которые могут быть

¹ См.: Калмыков Д.А. Информационная безопасность: понятие, место в системе уголовного законодательства РФ, проблемы правовой охраны [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. URL: <http://sartracc.sgap.ru/Disser/kalmykov.htm> (дата обращения: 07.09.06).

² См.: Красенкова Е.В. Обеспечение информационной безопасности в Российской Федерации уголовно-правовыми средствами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10.

³ Букалорова Л.А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 7.

выделены в отдельную главу на основе общего для них видового объекта¹. В то же время в УК РФ содержится много иных преступлений информационного характера. Многие из этих преступлений вполне обоснованно имеют видовой объект неинформационного характера, следовательно, по отношению к ним нельзя утверждать, что они нуждаются в объединении с другими информационными преступлениями на основе нового видового объекта.

Применительно к информационным преступлениям, не относящимся к сфере государственного и муниципального управления, Л.А. Букалерева замечает, что они имеют дополнительный непосредственный объект в виде общественных отношений в сфере охраняемого государством официального информационного оборота, регулируемого правом². Вместе с тем Л.А. Букалерева несколько по-иному оценивает новый объект в сфере информационных отношений, акцентируя внимание на официальном информационном обороте, а не на информационной безопасности, которая является более широким понятием, поскольку касается любого вида информационного взаимодействия, попадающего в сферу уголовно-правовых отношений.

Таким образом, подводя итог изложенному выше, предлагается для всех имеющихся в УК РФ преступлений информационного характера определять общественные отношения по обеспечению информационной безопасности в качестве дополнительного непосредственного объекта.

¹ Букалерева Л.А. Указ. соч. С. 12.

² Там же. С. 15.

А.С. Барабаш,
*доктор юридических наук, профессор
Юридического института Сибирского
федерального университета*

Функции органов государства в российском публичном уголовном процессе

Понятие «функция» в теории уголовного процесса толкуется по-разному. Одни авторы понимают под функцией отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности¹, другие считают, что функция — это не вид и направление деятельности, а «выраженное в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности назначение и роль его участников»². Назначение и роль участников процесса определяются комплексом тех прав и обязанностей, которые предоставлены каждому из них законодателем.

¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1968. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. С. 135; Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. С. 23 и др.

² Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 54; См. также: Советский уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Н.С. Алексеева, В.З. Лукашевича. Л., 1989. С. 18; Царев В.М. Эффективность участия защитника в доказывании на предварительном следствии. Красноярск, 1990. С. 8 и др.

П.С. Элькинд писала, что «все субъекты уголовно-процессуальных прав и обязанностей являются носителями определенных функций»¹.

И то, и другое понимание функций вряд ли можно принять полностью. Если рассматривать функции как отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности, то можно прийти к выводу, что функцию определяют посредством цели, так как именно она задает определенное направление деятельности. Если «цель» и «функция» являются равнозначными понятиями, то одно из них не следует применять. Исходя из методологического значения цели для деятельности, не следует применять именно понятие «функция». Во втором случае самостоятельное употребление понятия «функция» также является вряд ли оправданным. У каждого из участников процесса есть права и обязанности, и если согласиться с правильностью анализируемого подхода, то неизбежен вывод, что все они являются носителями определенных процессуальных функций. Таким образом, понятие «функция» растворяется в правах и обязанностях участников и никакого нового содержания в этом понятии в рамках данного подхода не выявляется².

Мы не можем согласиться и с теми учеными, которые отрицали самостоятельное значение понятия «функция». М.А. Чельцов отвергал концепцию процессуальных функций ввиду того, что она противоречит публично-правовой природе советского уголовного процесса³. Исходя из тех же позиций, С.А. Голунский утверждал, что эта концепция несовместима с принципом всесторонности, полноты и объективности исследования⁴.

Полагаем, что в основе этого отрицания лежало отрицание не самого понятия «функция», а отрицание функций обвинения, защиты и рассмотрения уголовного дела. Выделение этих функций, безусловно, противоречит публичности уголовного процесса, необходимости реализации в уголовно-процессуальной деятельности принципа всесторонности, полноты и объективности. Само же понятие «функция» вполне приемлемо и в рамках публичного процесса. В нем можно выделить функцию предварительного расследования, надзора и осуществления правосудия. При этом нет необходимости отдельно выделять функцию защиты, так как то содержание, которое в нее вкладывают — составная часть деятельности по предварительному расследованию, надзору и осуществлению правосудия. Введение же в процесс защитника, безусловно, значимо для оказания правовой помощи подзащитному, главное

¹ Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 51.

² В этом случае мы согласны с Т.З. Зинатуллиным, который считает, что смешиваются понятия «функция» и «компетенция». См.: Зинатуллин Т.З. Дефиниция уголовно-процессуальной функции в науке российского уголовного процесса // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 336.

³ См.: Чельцов М.А. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. 6. Вопросы советского уголовного процесса. М., 1958. С. 85–87; *Его же*. Советский уголовный процесс: учебник для юридических институтов. М., 1962. С. 72–73.

⁴ См.: Голунский С.А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 125–131.

же публичное предназначение его деятельности состоит в том, чтобы препятствовать односторонности в деятельности органов государства в тех случаях, когда подобное может угрожать правам и законным интересам его подзащитного. Его деятельность — гарантия реализации органами публичности в полном объеме. Обратный результат можно получить при отказе защитнику в публичном служении. Отдельные авторы, отстаивающие состоятельность российского уголовного процесса, к такому выводу и приходят, утверждая, что даже при наличии у защитника уверенности в том, что доказательства, устанавливающие виновность его подзащитного, достоверны и достаточны, он обязан, если обвиняемый отрицает свою вину, «стоять на этой же позиции, независимо от обвинительных доказательств»¹. Мало того, что в этом случае адвокат делает слугой клиента, он вряд ли может уже восприниматься как юрист. Во внутреннем убеждении как результате оценки доказательств ему отказано. Убедить же другого в том, в чем сам не уверен, можно только за счет манипуляций, идя на сделку с совестью, а то и нарушая закон. Вряд ли подобное является тем, что законодатель понимает под оказанием квалифицированной правовой помощи.

Итак, понятие «функция» может использоваться в процессах, основанных на разных началах. Причем статус его достаточно высок, с его помощью становится явным то начало, что лежит в основе той или иной формы процесса. Если это функции обвинения, защиты и разрешения дела, то перед нами процесс, основанный на состязательном начале. Если это функции расследования, надзора и правосудия — на публичном. Цель процесса формирует цели его субъектов, их реализация — проявление функции в деятельности. Однако если остановиться только на этой констатации, то мы недалеко уйдем от авторов, которые понимают под функцией направление уголовно-процессуальной деятельности или роль и назначение участников процесса. Во всех этих случаях фиксируется статика, отношение законодателя к решению тех или иных вопросов. Это отношение может таким и остаться, если не будет реализовано в деятельности. Уголовный процесс — это не законодательное описание деятельности, это деятельность. Давая определение функции, именно этот момент необходимо учитывать. Таким образом, мы понимаем функцию как цель деятельности. Именно она определяет направление деятельности, от нее зависят назначение и роль участников, а от восприятия ее субъектом — его отношение к объекту деятельности².

УПК РФ закрепил функции обвинения, защиты и разрешения уголовных дел. В Кодексе подчеркивается, что указанные функции отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, их наличие «представляет собой функциональный признак состязательности»³. Каждая функция определена для строго обозначенного круга субъектов. Предлагаемое решение вопроса отражает

¹ Вишневецкая О.В. Состязательная деятельность защитника на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 16.

² Аналогичное содержание в понятие «функция» вкладывает и Э.Г. Гусаков. См.: Гусаков Э.Г. Предварительное расследование и принцип состязательности в уголовном процессе РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 10–11.

³ Шестакова С.Д. Указ. соч. С. 83.

классический треугольник состязательной модели построения уголовного судопроизводства, но механизма реализации ее в законе нет. В рамках существующего уголовного процесса невозможно реализовать понимание функций, изложенное в ст. 15 УПК РФ, когда это станет возможным, речь будет идти уже о другом процессе.

М.С. Строгович в 1968 г. выдвинул концепцию двоякого понимания доказывания: а) как процесса познания фактов, обстоятельств уголовного дела и б) как процесса доказывания определенного тезиса, обоснования определенного утверждения¹. «Доказывание в смысле обоснования определенного тезиса, — пишет он, — осуществляет тот участник процесса, который этот тезис выдвинул, — в данном случае следователь или прокурор в отношении предъявленного обвиняемому и поддерживаемого в суде обвинения»². Следовательно, отношение к деятельности определяется содержанием выдвинутого тезиса. Именно такое понимание лежит в основе выделения функций в состязательном процессе.

Если же понимать доказывание как совокупность мыслительной и внешне объективированной практической деятельности, как их единство, то такой подход заставляет с неизбежностью рассматривать обоснование определенного утверждения как конечный эпизод уголовно-процессуального доказывания, когда познающий подводит итог своей деятельности, обосновывает правильность полученного знания. Его нельзя отрывать от того, что ему предшествовало. Следовательно, нельзя говорить о функции, ставя ее определение в зависимость от того, чем завершилась деятельность. Цели, сформулированные в названиях функций (например, обвинение), возникают только тогда, когда познающий подводит итог своей познавательной деятельности, на основе оцененного принимает решение о том, как распорядиться материалом, который побуждает его занять определенную позицию. Прокурор, прежде чем сформулировать свой тезис, должен участвовать в судебном следствии, непосредственно исследовать доказательства. Только в том случае, если на основе исследованного у него сформируется внутреннее убеждение, он выступает в прениях с обвинительным или оправдательным тезисом, приводя соответствующую аргументацию. С оправдательным тезисом он должен выступать и тогда, когда у него не сложилось внутреннее убеждение и дальнейшее познание невозможно. Если же в сознании прокурора укоренится то, что он обвинитель, на его взвешенное отношение к материалам дела мы уже не сможем надеяться, гносеологический принцип всесторонности и объективности исследования материалов дела для него не будет указанием.

В рамках уголовно-процессуального доказывания субъекты его, каждый по-своему, в разных условиях должны прилагать усилия для установления обстоятельств ст. 73 УПК РФ, только в этом случае доказывание как познавательная деятельность будет реализовано. Именно эти цели являются

---

¹ См.: *Строгович М.С.* Указ. соч. С. 295–299.

² См.: Там же. С. 299; см. также: *Золотарев А.С.* К вопросу о структуре и содержании уголовно-процессуальной деятельности // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конференции, г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 343.

определяющими для данной деятельности, реализация их дает основания для обвинения, защиты и принятия судом решения, которое может быть оформлено как обвинительный или оправдательный приговор.

Сказанное не позволяет рассматривать деятельность суда как реализацию функции разрешения, она для него очень узка. Принятие судом решения является результатом установления им обстоятельств, подлежащих доказыванию, это его цель, однако именно эта часть деятельности не учитывается, когда говорят о функции разрешения уголовного дела. Утверждая это, мы исходим из того, что понятие «функция» обозначает деятельность, а не только результат этой деятельности, но даже если рассматривать функцию только как цель, то этой целью не может быть разрешение, поскольку оно возможно только при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Разрешение — это принятие решения на основе установленной цели. С этих позиций функция суда — осуществление правосудия. Реализация именно этой функции не позволит суду занять позицию прокурора или адвоката, от чего его специально предостерегает законодатель в ч. 3 ст. 15 УПК РФ. Чтобы этого не случилось, он должен быть активным при исследовании доказательств, восполняя, когда это необходимо, деятельность этих участников судебного разбирательства. Осуществление функции правосудия немыслимо без реализации полномочий суда по собиранию доказательств. Реализация этих полномочий не означает принятие судом функции обвинения, об этом свидетельствует одно из решений Конституционного Суда¹.

С указанными доводами и с правовой позицией Конституционного Суда категорически не согласна Н.С. Соколовская. Она считает, «что закрепленная в УПК РФ возможность собирания судом доказательств по собственной инициативе не соответствует его уголовно-процессуальной функции и противоречит принципу состязательности»². Принципу состязательности противоречит. Однако дальше автор пишет, что «суд не может ограничиться представленными сторонами доказательствами, если их явно недостаточно для постановления приговора. В случае обнаружения пробелов в доказывании он обязан принять меры по их устранению»³. Н.С. Соколовской предлагается очень сомнительный способ устранения: суд должен принудить стороны восполнить пробел⁴. Какое средство воздействия может в этих случаях применить суд — не говорится, но каким бы оно ни было, не подрывает ли подобная рекомендация защищаемую таким образом состязательность? Ведь, принуждая обвинение или защиту к представлению доказательств, судья тем самым становится их руководителем, по крайней мере, не придерживается нейтральной позиции, которая так значима в отстаиваемой Н.С. Соколовской роли суда в состязании сторон.

Без активности суда по сбору доказательств, если он должен восстановить действительную картину происшествия и при этом не зависеть ни от

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2003 г. 104-О «Об отказе в принятии и рассмотрении запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности ч. 1 ст. 86 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

² Соколовская Н.С. Роль суда в состязании сторон по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. С. 6.

³ Там же. С. 8.

⁴ См.: Там же.

прокурора, ни от защитника, не обойтись. Анемичный суд — это анемичная власть, при которой расцветает алчность и произвол сильного, но не торжество правого¹.

По указанным выше причинам мы не можем согласиться с авторами, которые отказывают суду в праве осуществлять доказывание по уголовным делам, сводя его роль в судебном заседании к выслушиванию мнений, аргументов сторон и вынесению на основе их оценки окончательного решения².

Изложенное нами понимание места и роли суда в уголовном процессе, безусловно, противоречит состязательному началу. Суд должен быть ответствен за всестороннее и полное исследование обстоятельств дела. Только реализация этой обязанности может способствовать правосудному решению. Стоит ли от этого отказываться, исходя из того, что подобного рода ответственность, как считает С.Д. Шестакова, «является элементом розыска»?³ Предстоит сделать выбор: или правосудие, или видимость его. Видимость, поскольку в силу иного подхода суду предлагается выносить решение «только на основе того материала, который представили стороны, даже если, по мнению суда, он не отражает полностью всех обстоятельств дела»⁴.

Мы разделяем выбор тех авторов, которые, подобно П.А. Лупинской, считают, «что в уголовном процессе доказывание составляет обязанность суда»⁵. Причем в отдельных случаях эту обязанность связывают с реализацией требования объективности и всесторонности исследования⁶. Реализуя ее, суд обязан быть активным. О том, что это так, свидетельствуют и нормы действующего УПК. Суд является субъектом, осуществляющим собиране

¹ См.: *Бойков А.Д.* Третья власть в России (Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг.). М., 1997. С. 66.

² См.: *Джатигов В.С.* Общая методология и современные проблемы обвинения и защиты по уголовным делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владикавказ, 1995. С. 40; *Пашин С.А.* Проблемы статуса судей и возрождения суда присяжных в контексте российской судебной реформы // *Нормативные материалы о судьях и суде присяжных* / под ред. Ю.Х. Калмыкова, А.А. Котенкова. М., 1994. С. 15 и др.

³ *Шестакова С.Д.* Указ. соч. С. 25.

⁴ *Григорьева Н.* Принципы уголовного судопроизводства и доказательства // *Российская юстиция.* 1995. 8. С. 40.

⁵ Курс уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 629; см. также: *Строгович М.С.* Указ. соч. С. 149; *Мотовиловкер Я.О.* О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. С. 65; *Бабенко А., Черкасова Н.* Суд должен проявлять активность при сборе и исследовании доказательств // *Советская юстиция.* 1993. 12. С. 1–2; *Алексеева А.* Действительные или мнимые противоречия // *Российская юстиция.* 1995. 6. С. 22–24; *Чичканов А.Б.* Объективная истина и состязательность в уголовном судопроизводстве // *Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6, Философия, политология, социология, психология, право.* 1995. Вып. 4. С. 119, 120; *Шейфер С.А.* О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // *Государство и право.* 1996. 9. С. 66; *Ковтун Н.Н.* О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // *Государство и право.* 1998. 6. С. 60; *Селезнев М.* Суд присяжных действует, но... // *Законность.* 1998. 4. С. 6; *Свиридов М.К.* Суд как субъект установления истины в российском уголовном процессе // *Сибирские юридические записки: ежегодник Ассоциации юридических вузов «Сибирь».* Вып. 1. Красноярск, 2001. С. 138–139 и др.

⁶ См., например: *Алиев Т.Т., Громов Н.А., Зейналова Л.М., Лукичев Н.А.* Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. М., 2003. С. 17.

(ст. 86, 240), проверку (ст. 87, 240) и оценку доказательств (ч. 1 ст. 17). Суд может проявить инициативу в истребовании доказательства, которое не было предметом исследования в рамках предварительного расследования (ст. 286 УПК РФ). Суду предоставлено право инициировать производство некоторых следственных действий (ст. 282, 283). Косвенным (выше были указаны и прямые) подтверждением того, что суд — активный субъект уголовно-процессуального доказывания, являются требования к описательно-мотивировочной части оправдательного приговора, где суд должен изложить обстоятельства дела, установленные им (п. 2 ч. 1 ст. 305). Подобное формулируется и в отношении обвинительного приговора, который не может быть основан на предположениях и выносится лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждается совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 ст. 302 УПК).

В стадии предварительного расследования обязанность всесторонне, полно и объективно установить все обстоятельства дела лежит на органе дознания, следователе¹. Следует обратить внимание на особое положение прокурора в процессе. Сейчас в рамках предварительного следствия он осуществляет только надзорную деятельность, и то в усеченном по сравнению с прошлым объеме, следователю, не являясь субъектом, обязанным доказывать, он оценивает, как в соответствии с законом органами расследования реализуется эта обязанность. В судебном разбирательстве хозяином процесса является суд, он субъект доказывания, а прокурор наряду с другими участниками судопроизводства принимает участие в доказывании. Правда, имеется одно существенное отличие прокурора от других участников — его право на участие в процессе доказывания — одновременно и обязанность. Эта обязанность по значимости и объему является основополагающей и не может быть сведена к обязанности доказывания того или иного тезиса. Обвинительный тезис прокурор поддерживает постольку, поскольку это дает ему материал, исследованный в судебном разбирательстве. В ином случае он должен отказаться от обвинения.

Рассматриваемые обязанности возложены на органы государства в силу публичности российского уголовного процесса². Они проявляются в правиле об обязанности доказывания, которое должно осуществляться органами государства независимо от позиций и желания участников процесса. Кроме того, защита охраняемых законом личных интересов граждан, участвующих в доказывании, возложенная на следователя, прокурора, суд, — еще одно из существенных проявлений публичного начала российского уголовного процесса.

Отличие субъектов доказывания от иных в том, что у субъектов — обязанность по доказыванию, а если есть права по участию в этой деятельности, то перед нами — участник уголовно-процессуального доказывания. Подтверждение высказанной позиции мы можем найти и в действующем УПК. Несмотря на то, что в ст. 73 Кодекса, говорящей об обстоятельствах,

¹ См.: Шейфер С.А. О правовой регламентации доказательственной деятельности следователя по новому УПК РФ // Прокурорская и следственная практика. 2002. 1–2. С. 118; Дармаева В.Д. Полномочия следователя в уголовном судопроизводстве // Следователь. 2003. 6. С. 16 и др.

² О том, какое содержание вкладывается нами в публичное начало, см.: Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005.

подлежащих доказыванию, сейчас и не указывается на то, кто их обязан устанавливать, подобное предписание мы находим в ст. 74, определяющей, что такое доказательство. В части первой этой статьи говорится, что с их помощью «суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Если суд, прокурор, следователь и дознаватель будут выполнять предписания ст. 73, 74, 85–88 и других УПК РФ, то идея состязательности и классификация субъектов уголовно-процессуальных отношений сообразно с теорией функций состязательного процесса превратится в пустой звук.

Т.Г. Спиглазова,
ст. преподаватель Сибирского федерального университета

Эколого-правовая концепция как способ формирования новой модели взаимодействия общества и природы

Биосфера Земли, являясь природной основой жизнедеятельности человека, имеет пределы хозяйственной емкости, превышение которых в процессе социально-экономического развития общества чревато для нее разрушительными последствиями. С открытием способов использования ископаемых источников энергии и разработкой новых производственных технологий уже в начале XIX в. во всем мире наметился процесс ускоряющегося экономического развития с прогрессирующим освоением природных ресурсов. В XX веке этот процесс резко активизировался под влиянием научно-технической эволюции, и в рамках глобальной экосистемы (биосферы) возникла искусственно созданная хозяйственная подсистема, которая, разрастаясь, стала вытеснять естественные экосистемы.

В таких условиях современная проблема охраны окружающей среды должна объединять мировое сообщество в ее решении, несмотря на желание или нежелание отдельных его членов интегрировать свои усилия по этому поводу. Вполне закономерным следует считать прогресс международного сотрудничества в направлении охраны окружающей среды, обеспечения рационального природопользования и экологической безопасности населения и территорий.

Традиционно международное сотрудничество развивается в области природоохранного нормотворчества. Показателем серьезности намерений международного сообщества выработать оптимальный способ взаимодействия с окружающей человека средой в целях поддержания жизни на планете является его особое внимание к формированию концептуального природоохранного нормотворчества. Как справедливо заметила И.А. Игнатьева, «немаловажно, что в ряде случаев изучение зарубежного опыта выступает

не только как дополнительное условие совершенствования нормативного материала, но и как юридически необходимое»¹. Необходимость в данном контексте обусловлена тем, что многие государства имеют не только похожие условия природопользования, равноценный экологический потенциал, и одинаковые экологические проблемы, но и пользуются практически одной системой правовых средств регулирования (например, в нее входит институт экологического управления, экологический контроль, мониторинг состояния окружающей среды и т.п.). Кроме того, этому способствует тенденция экономической глобализации и рост экологического давления на международные объекты охраны окружающей среды².

При этом известно, что имеющиеся механизмы охраны окружающей человека среды до сих пор не исключают возникновения критических ситуаций в любой стране мира — будь то экологический кризис или экономический. Как правило, один кризис порождает другой (по экологической доктрине В.В. Петрова, экономическая и экологическая формы взаимодействия общества с природной средой обуславливают друг друга). Более того, «реальности сегодняшнего дня требуют фундаментального осмысления проблем стабильности общества, сбалансированности отношений с окружающей природной средой и его устойчивого развития в рамках новой общественно-экономической ситуации»³, которая связана уже и с преодолением последствий настоящего мирового кризиса.

Наиболее подходящим способом осмысления проблем стабильности общества является концептуальное нормотворчество, которое имеет свою философию, основанную на системе идей об общих законах взаимодействия природы и общества, а также формирования общественного экологического сознания⁴. В этом смысле значение концептуального нормотворчества трудно переоценить. Сегодня как никогда важно понять, как выстроить поступательные отношения с окружающей средой? Мировой экономический кризис показал, что мы до сих пор имеем об этом мало представления, поскольку, несмотря на научно-технические достижения, по-прежнему нерешенными остаются продовольственные, санитарно-эпидемиологические, демографические и иные проблемы, во многом обусловленные качеством природной среды. При этом представление о новой модели взаимодействия с окружающей человека средой должно стать продуктом коллективного разума. Оптимальной формой систематизации новых представлений о взаимодействии общества с окружающей средой, которая послужила бы в дальнейшем правовой платформой для определения экологически обоснованной модели взаимодействия общества с окружающей средой, является Эколого-правовая концепция Российской Федерации. Научная работа над ее формой и содержанием уже ведется. Такой форме концептуального нормотвор-

¹ *Игнатьева И.А.* Опыт кодификации экологического законодательства в государствах — участниках СНГ // Экологическое право. 2007. 3. С. 29.

² См. об этом подробнее: *Лукьянчиков Н.Н.* Концептуальные основы стратегии развития Российской Федерации // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2006. 5. С. 32.

³ *Шестерюк А.С.* Экологическое право: проблемы методологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 3.

⁴ По мнению А.С. Шестерюка, «философская составляющая в экологическом праве является не просто внешним для эколого-правовой теории способом ее предметного обоснования. Она существенным образом определяет методологические установки, и внутреннее содержание значительной части теоретических понятий и теоретического знания в экологическом праве». (Там же. С. 15).

чества, как Эколого-правовая концепция Российской Федерации автором было отдано преимущество по следующим причинам.

Во-первых, речь идет не об отдельно взятом учении, которое обычно является авторским, не об отдельной теории, а о системе взглядов на то или иное явление. Во-вторых, при ее формировании отдается предпочтение научным взглядам как фундаментальным знаниям о действительности и как разновидности объективного общественного сознания, включающей непосредственную деятельность по получению новых знаний и анализу уже приобретенных знаний, лежащих в основе научной картины мира¹. В-третьих, обществу важно не только поставить цель, но и понять, как ее достигнуть. Непосредственными задачами научного метода познания, как известно, являются описание, логическое объяснение и прогнозирование процессов и явлений действительности, составляющих предмет изучения на основе открываемых и формируемых законов природы, социума, права, которые обеспечат формируемым знаниям и представлениям объективность. Перечисленным требованиям полностью отвечает идея создания Эколого-правовой концепции.

В этом смысле концепция, в отличие от доктрины и стратегии² (если мы их рассматриваем в первоначальном значении), эргономична и позволяет не только систематизировать научные наработки, но и учитывать общественное мнение, а также особенности правового регулирования по отдельным направлениям взаимодействия общества и природы применительно к правовой, социальной, политической, экономической и идеологической его составляющим.

Базовой концепцией в сфере взаимодействия общества и природы по праву считается Концепция устойчивого развития, определение которой впервые было предложено Комиссией по окружающей среде и развитию в Докладе «Наше общее будущее» в 1987 г. на Генеральной Ассамблее ООН³. В данном случае особенностью концептуального нормотворчества стала активно формирующаяся правовая платформа для него. Идея устойчивого развития мирового сообщества нашла отражение в итоговых документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро⁴, в разработке и принятии ряда международных

¹ По мнению А.Л. Бажайкина, «наука обобщает наше знание; она заменяет непосредственное, частное, но и более разрозненное, более конкретное значение более абстрактным, более общим; она изучает частности только как материал для обобщения, стремясь прийти к выводам, применимым к целым группам сходных явлений, относящихся к той или другой исследованной группе» (Бажайкин А.Л. Правовая конструкция как инструмент экологического права // Экологическое право. 2006. 4. С. 6). По мнению А.С. Шестерюка, «для современной науки характерно растущее понимание целостности, системности объектов и процессов, стремление познать их в динамике и многообразии» (*Шестерюк А.С.* Указ. соч. СПб., 2000. С. 4).

² Концепция трактуется как система взглядов, то или иное понимание явлений, процессов; как единый, определяющий замысел, ведущая мысль какого-либо научного труда. Доктрина — учение, научная или философская теория, политическая система, руководящий или политический принцип. Стратегия — искусство планирования, руководства, основанных на правильных и далеко идущих прогнозах. См.: *Словарь иностранных слов: свыше 21 000 сл.* / отв. ред. В.В. Бурцева, Н.М. Семенова. М., 2005. С. 229–230; 339; 639.

³ Подробнее об этом см.: *Права человека как фактор стратегии устойчивого развития* / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2000. С. 203.

⁴ См.: Декларация по окружающей среде и развитию; Заявление о принципах глобального консенсуса по управлению, сохранению и устойчивому развитию всех видов лесов; Повестка дня на XXI век // СПС «КонсультантПлюс»: международные правовые акты.

правовых актов¹, в создании специального подразделения ООН². Тем самым были созданы новые возможности для международного сотрудничества.

Концепции устойчивого развития придавалось синергетическое и стимулирующее значение, так как с ее провозглашением связывают новый этап формирования и развития национального экологического права и законодательства. Основная задача концепции — «достижение оптимальных результатов развития с минимальным ущербом для среды», являясь одновременно основной задачей мирового прогресса³, стала ключевой задачей правового регулирования взаимодействия общества с окружающей средой. Более того, «устойчивое развитие» приобрело статус принципа национального права. «С тех пор эта концепция в различных модификациях разрабатывается и представляется различными науками, и прежде всего естественными»⁴.

То, что эта работа далека от завершения, стало понятно по результатам Всемирного форума, проходившего 22–26 мая 2000 г. в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке⁵, и Всемирного саммита по устойчивому развитию, состоявшегося 26 августа — 4 сентября 2002 г. в Йоханнесбурге⁶. Там было отмечено, что «после состоявшейся в Рио-де-Жанейро в 1992 году Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию прошло уже восемь лет, и гражданское общество разочаровано тем, что обязательства, принятые национальными и международными органами, по существу не выполняются или выполняются слишком медленными темпами. Дух Рио ослабевает»⁷.

Таким образом, сегодня мы уже можем констатировать, что «на международном и европейском уровне не удалось сформировать общих подходов ни к осуществлению и применению формирующегося механизма защиты окружающей среды, ни к связанной с этим системе обеспечения качества жизни граждан»⁸.

¹ См.: Конвенция по сохранению биологического разнообразия; Конвенция по изменению климата // СПС «КонсультантПлюс»: международные правовые акты.

² См.: Комиссия устойчивого развития в системе ООН // Там же.

³ См.: Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ См.: Декларация и программа действий форума тысячелетия «Мы, народы: укрепление Организации Объединенных Наций в двадцать первом веке» ООН от 26 мая 2000 г. // СПС «КонсультантПлюс»: Международные правовые акты.

⁶ С экологической и социально-исторической точек зрения глобальному переходу к устойчивому развитию мирового сообщества нет рациональной альтернативы. Однако на пути к нему лежит немало препятствий и трудностей. Во-первых, отсутствуют надежные средства управления этим процессом. Во-вторых, отсутствует механизм перераспределения ресурсов и финансовых средств в пользу особо нуждающихся стран. В-третьих, решение задач ускоренного развития отсталых ныне стран объективно способствует повышению и без того высокой нагрузки на экосистемы мира. В-четвертых, при растущей взаимозависимости мира остаются большие различия между странами в социально-экономической, культурной и политической областях (См.: Зеленый мир. 2002. 13/14. С. 5–14).

⁷ Декларация и программа действий форума тысячелетия «Мы, народы: укрепление организации объединенных наций в двадцать первом веке» ООН от 26 мая 2000 г. // СПС «КонсультантПлюс»: Международные правовые акты.

⁸ Op. cit: Shelton D. And Kiss A. Judicial handbook on Environmental Law, United Nations Environment Programme, Hertfordshire SG14TP United Kingdom, 2005. P. 31. См., также: Трудова О.В., Яковлев Э.Ю. Проблемы судебной защиты экологических прав граждан России на международном уровне // Московский журнал международного права. 2008. 3. С. 22. В этом ключе высказал свое мнение Ю.С. Шемшученко (см.: Шемшученко Ю.С. Экологическая конституция Земли: концептуальные подходы // Государство и право. 2008. 6. С. 23).

Отдельные зарубежные эколого-правовые концепции, во-первых, устанавливают основы правового регулирования экологического управления¹, а во-вторых, ориентированы на решение конкретных проблем². Таким образом, практического опыта формирования базовой Эколого-правовой концепции, которая стала бы правовой первичной платформой моделирования гармоничного взаимодействия с окружающей средой на пути устойчивого развития, в международном экологическом праве не имеется.

В нашей стране для решения задачи формирования новой модели взаимодействия общества и природы Государственной Думой Российской Федерации была создана Комиссия по проблемам устойчивого развития, результатом работы которой явился проект Государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации. Данный документ должен был стать основой для конструктивного взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органов местного самоуправления, предпринимателей и общественных объединений по обеспечению комплексного решения проблем сбалансированного развития экономики и улучшения состояния окружающей среды — актом имплементации ориентированных на это международных правовых норм. Более того, данный документ отражал суть попытки перевести охрану окружающей среды на качественно новый уровень общими усилиями мирового сообщества и средствами национального права³. Помимо этого была разработана Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, определившая этапы перехода на перспективу, так как этот процесс — весьма длительный, требующий решения беспрецедентных по масштабу социальных, экономических и экологических задач⁴.

Устойчивое развитие Российской Федерации на каждом этапе должно сопровождаться решением определенных задач. И если первый этап по снижению остроты экономических и социальных проблем требует соблюдения в этот период экологически обоснованных ограничений на хозяйственную деятельность⁵, то следующий этап предусматривает обеспечение экологического благополучия на территории Российской Федерации посредством рационализации использования природного потенциала страны. А для этого необходима соответствующая Эколого-правовая концепция Российской Федерации как руководство к действию.

¹ См.: *Ефимова Е.И.* Правовой институт «Экологическое управление» в эколого-правовых исследованиях // Экологическое право. 2006. 1. С. 2.

² Например, по утверждению председателя Комиссии по проблемам устойчивого развития России ГД ФС РФ, академика РАН М. Залиханова, «ни одна из разработанных за рубежом стратегий, программ и планов устойчивого развития не имеет под собой серьезного научного обоснования, что на деле противоречит призыву документов ООН и "Повестки на XXI век к смене траектории развития"» (См.: *Залиханов М.* Глобализация и стратегия устойчивого развития России // Зеленый мир. 2008. 23/24. С. 11).

³ Об этом подробнее см.: Указ Президента РФ от 4 февраля 1994 г. 236 «Об Основных положениях государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» // САПП. 1994. 6, ст. 436.

⁴ См.: Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (утв. Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г. 440) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. 15, ст. 1572.

⁵ «Концепция устойчивого развития требует интеграции аспектов, связанных с окружающей средой и экономическим развитием, в процесс принятия решений на политическом, плановом и управленческом уровнях» (Экологическая программа для Европы, принятая 23–25 октября 1995 г. в Софии // СПС «КонсультантПлюс»: Международные правовые акты).

Попытки разработать такой документ в российском экологическом законодательстве уже имеются, это Экологическая доктрина РФ, одобренная Правительством РФ 31 августа 2002 г. 1225-р¹, которая определяет характер участия государства в сфере взаимодействия общества и природы, форму, задачи, содержание его деятельности. В ней был предложен ряд основополагающих принципов новой государственной экологической политики и нового экологического правопорядка, что, безусловно, является важным шагом на пути построения современной модели взаимодействия общества и природы. Эта Доктрина, подобно Экологической программе для Европы, принятой в Софии 23–25 октября 1995 г., представляет собой первую попытку сформулировать долгосрочные приоритеты экологической политики, которые могут стать общими рамками для совершенствования координации национальных и международных усилий по улучшению состояния окружающей среды и содействию интеграции вопросов качества окружающей среды и политики². При этом необходимо обозначить, что мы имеем в виду под таким взаимодействием и как собираемся этого достичь, ориентируясь на правовые средства национального права.

Таким образом, принятие Экологической доктрины РФ не снимает вопрос о разработке концепции, исходными положениями которой являются представления о новой модели взаимодействия общества с окружающей средой. Состояние окружающей среды Российской Федерации, благодаря ее ассимиляционному потенциалу и лидерству по запасам природных ресурсов, имеет стратегическое значение не только на национальном, но и на мировом уровне³. Следовательно, формирование качественно новых отношений в сфере взаимодействия общества и природы требует глубокого осмысления. Полагаем, что для этого понадобится длительный период времени. Учет научных мнений, их обобщение, обработка информации потребует титанических усилий многих специалистов теоретического и практического профиля. Однако, несмотря на сложность поставленных целей, при их достижении важно избежать искусственного затягивания процесса формирования национальной экологической концепции. Этому во многом способствуют научные публикации по указанной тематике.

Исследование вопросов формирования эколого-правовой концепции РФ позволило выделить причины необходимости ее разработки: 1) действующая Экологическая доктрина РФ не имеет под собой надлежащего основания, поскольку в России до сих пор не принята стратегия устойчивого развития; 2) концепция и стратегия — суть разные явления. Основная задача стратегии заключается в создании системы обеспечительных мер устойчивого экономического развития общества, так как оно не равнозначно устойчивому экономическому росту;⁴ 3) концепция рассматривается как средство нейтрализации отрицательных последствий процесса глобализации; 4) концепция также рассматривается как средство выхода Российской Федерации из структурного перманентного кризиса. Эколого-правовую концепцию Российской

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. 36, ст. 3510.

² См.: СПС «КонсультантПлюс»: Международные правовые акты.

³ См., например: Лукьянчиков Н.Н. Указ. соч. С. 32.

⁴ Подробнее см.: Залиханов М. Указ. соч. С. 10–11.

Федерации в данном контексте также правомерно отнести к практическим мерам по улучшению условий реализации Концепции устойчивого развития, способствующим укреплению международного управления устойчивым развитием, вырабатывать которые национальные государства призвал Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге¹.

Необходимость разработки фундаментальных положений охраны окружающей среды и обеспечения рационального природопользования на территории всей Российской Федерации очевидна и по другим причинам. В отдельно взятом регионе создать идеальную экологическую ситуацию практически нереально, как невозможно, излечив один внутренний орган человека, признать его абсолютно здоровым по общим показателям. Следовательно, важно заложить правовые основы регулирования природопользования и охраны окружающей среды такие, чтобы региональное (субъектов РФ) экологическое законодательство с помощью общепринятых ориентиров имело возможность органично развиваться.

Попытки моделирования национальной Эколого-правовой концепции предпринимаются российскими учеными постоянно². При этом работа над концептуальными положениями носит сугубо избирательный характер³. Обычно она касается отдельных вопросов формирования экологического законодательства, поскольку законодательство остается центральным звеном при решении экологических проблем. Реже внимание ученых привлекают концептуальные вопросы экологического права в целом. Практически отсутствуют концептуальные разработки юридической конструкции права граждан на благоприятную окружающую среду. При этом общего фундаментального исследования проблем формирования эколого-правовой концепции Российской Федерации, которое стало бы правовой основой моделирования нового способа взаимодействия общества и природы, в специальной литературе не имеется. Исследования в области формирования модели региональной экологической концепции, в том числе и концепции охраны окружающей среды в субъектах РФ (например, на территории Красноярского края) предпринимаются крайне редко⁴.

¹ См. подробнее: Шамсутдинов Э.Р. Экологизация российского законодательства в контексте концепции устойчивого развития // СПС «КонсультантПлюс»: Комментарии законодательства.

² Некоторые ученые занимаются разработкой правовых концепций профессионально. Об этом подробнее см.: Вопросы федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ»: постановление Правительства РФ от 29 декабря 2006 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. 1, ч. 2, ст. 287.

³ См., например: Концепция федеральной системы мониторинга критически важных объектов и (или) потенциально опасных объектов инфраструктуры Российской Федерации и опасных грузов, одобренная распоряжением Правительства РФ от 27 августа 2005 г. 1314-р // Там же. 2005. 35, ст. 3660; О концепции федеральной целевой программы «Национальная система химической и биологической безопасности Российской Федерации (2009–2013 гг.): распоряжение Правительства РФ от 28 января 2008 г. 74-р // Там же. 2008. 5, ст. 434; О концепции федеральной целевой программы «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2008 год и на период до 2015 года»: распоряжение Правительства РФ от 19 апреля 2007 г. 484-р // Там же. 2007. 18, ст. 2248 и т.п.

⁴ См.: Шаретдинов Э.Ф. Концепция развития природоохранного законодательства республики Башкортостан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1995; Захаринский Ю.Н. Концептуальные основы формирования особой экономической зоны высоких технологий природопользования (на примере Ангаро-Енисейского региона Красноярского края): автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Красноярск, 2004.

• ШКОЛА МОЛОДОГО УЧЕНОГО (В ПОМОЩЬ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ, АСПИРАНТАМ И СТУДЕНТАМ) •

Н.И. Матузов,
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

**Сочетание общенаучной
и специальной подготовки студентов вузов
как элемент правовой политики в области
высшего профессионального образования***

В последнее время в печати, литературе, вузовской среде активно обсуждается (помимо прочего) вопрос о наиболее целесообразном соотношении общенаучной и профессиональной подготовки студентов, о том, кому следует отдавать предпочтение — «разносторонним эрудитам» или «узким спецам». Сегодня полемика вокруг этой проблемы оживилась в связи с проводимой в стране реформой высшего образования. При этом в сравнительном плане изучаются опыт дореволюционной России, а также зарубежных стран, международные документы¹.

Актуальность вопроса подтверждается тем, что от молодых специалистов требуются как глубокое знание конкретного дела, компетентность, профессионализм, так и наличие широкого кругозора, должной культуры, воспитанности, интеллигентности, умение адекватно оценивать происходящие события. Иными словами, речь идет о *содержании* образования и его *структуре*, о социальной модели специалиста.

В самом деле, что важнее — первое или второе? Какой должна быть общая тенденция, к чему надо стремиться? На этот счет высказываются разные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект . 2.2.1.1/3152.

¹ См.: Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (1997 г.); Европейская программа в области высшего образования в XXI веке (1997 г.); Закон Российской Федерации «Об образовании» (1996 г.); *Садовничий В.А.* Высшая школа России: ориентиры на будущее. М., 2000; *Гершунский Б.С.* Философия преподавания. М., 1998; *Селезнева Н.А.* Качество высшего образования как объект системного исследования. М., 2001; *Сырых В.М.* Введение в теорию образовательного права. М., 2002; *Шиянов Е.Н., Котова И.Б.* Развитие личности в обучении. М., 2000; *Скрипелев Е.А.* О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII — XX вв.) // Государство и право. 2000. 9; *Ляхович Е.С., Ревушкин А.А.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998; *Кодан С.В.* Генезис юридического образования в науке в России в XVIII — начале XX вв. // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. Очерки / под ред. Р.А. Ромашова и Н.С. Нижник. СПб., 2006; *Ортаева Е.А.* Организация профессиональной подготовки юристов в дореволюционной России // Журнал российского права. 2008. 7; *Ее же.* Система юридического образования в Российской империи // Журнал российского права. 2009. 3; *Синюков В.Н.* Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. 7.

мнения. Споры естественны и оправданы, так как в указанной дилемме заключается одно из объективных противоречий нашего времени, причем противоречие трудно разрешимое.

Как быть? Думается, что подход к проблеме по принципу «или-или» — несостоятелен, важно и то, и другое. Решение задачи надо искать на путях *разумного, оптимального сочетания этих двух начал высшего образования*, которые должны органически дополнять друг друга. Это вполне в духе хорошо известных русских традиций. Нужна золотая середина, отвечающая запросам нынешних реалий.

Отметим, что на Западе, в частности, в США за основу все же берется профессионализм, глубокая специализация. Главное, чтобы инженеры, ученые, «узкие спецы» сумели, к примеру, организовать полет человека на Луну и вернуть его обратно без единой накладки, овладеть новейшими технологиями, создать суперсовременный компьютер и т.д. А в гуманитарных областях — стать хорошим врачом, судьей, педагогом, чиновником. Остальное, как говорится, — от «лукавого». Общий принцип — ничего лишнего, необязательного, только то, что практически нужно, полезно, востребованно. Ценится, культивируется прагматизм.

Молчаливо признается, что вряд ли «технарям» так уж необходимо знать все перипетии французской или русской революций, древнейшие политические и правовые учения. С одной стороны, может потому мы и отстаем технологически от передовых стран Запада, Японии, что «слишком много знаем» или, как говорят в народе, «шибко грамотны». Тем более что раньше, в советское время весь учебный процесс был идеологизирован и на изучение мировоззренческих догм уходило много времени, которое могло быть потрачено на более полезные вещи.

С другой стороны, если человек с любым высшим образованием не может, к примеру, указать на карте ту или иную (подчас крупную) страну, то это его, мягко говоря, не украшает. Непростительно, если он не будет иметь никакого представления о выдающихся мыслителях прошлого и их идеях. А такое, как показывают опросы выпускников некоторых американских вузов, нередко случается, об этом не раз писала пресса. Подобный казус произошел даже с одним из последних президентов США, который запутался в названиях государств.

Разумеется, в лучших западных университетах готовят и прекрасных гуманитариев — историков, экономистов, юристов, политологов, социологов и других специалистов, но опять-таки весьма целенаправленно, со строгой специализацией, лишнее отсекается. Не случайно, как пишет В.Н. Синуков, «до сих пор в мире значительная часть юристов готовится методом индивидуального научения юридическим действиям в конкретной сфере правовой практики»¹.

Чем отличается образованный человек от необразованного? По Гегелю, «необразованный человек не идет дальше непосредственного созерцания, он скользит по поверхности явлений, не понимая их сути. Только образованный

¹ Синуков В.Н. Указ. соч. С. 32.

человек свободен»¹. Значит, высшая школа призвана научить своих питомцев системному мышлению, аналитике, способности проникать в «суть вещей», дать необходимый минимум образованности, просвещенности, привить вкус к исследованиям, анализу. Словом, нужен известный объем *базовых общенаучных знаний*.

Образованный человек должен быть широко и активно мыслящей личностью, обладающей чувством нового, прогрессивного, а не замыкаться в узком мире своей профессии, нередко носящей сугубо прикладной характер. Известен афоризм Бернарда Шоу: «Узкий специалист узнает все больше о все меньшем, и так до тех пор, пока не будет знать все ни о чем и ничего обо всем». Между тем печать полна сообщений о малообразованных и малокультурных специалистах, отмеченных заурядностью, узостью взглядов и интересов, которые не вполне владеют даже правильной русской речью.

Что касается речи, то подчас бывает неловко и обидно за своих уважаемых коллег, юристов-практиков, в том числе высокого ранга, которые в своих публичных выступлениях допускают употребление неправильных ударений в словах, входящих в их профессиональный лексикон, например, говорят «осУжденный» вместо «осуждЕнный», дело возбУждено вместо «возбужденО». Пришлось однажды услышать даже слово «волеизлияние» вместо «волеизъявление». Это подрывает как их культурный имидж, так и их должностной статус.

В литературе справедливо отмечается, что современные российские педагоги приводят убедительные аргументы в пользу широкого объекта образования, который наряду с конкретными познаниями, навыками и умениями включает бы в себя и духовные, нравственные устои. Иными словами, современный человек как личность должен быть образованным, профессионально компетентным, интеллигентным (воспитанным), владеющим приемами творческой, в том числе научной деятельности. Поэтому образование как системный способ передачи знаний в современных условиях должно сочетаться с воспитанием обучающихся в духе лучших традиций русской интеллигенции, для которой бескорыстное служение обществу и народу выступало нравственной доминантой и целью всей ее деятельности. Человек должен быть *одновременно* (курсив наш — *Н.М.*) и высококвалифицированным, и высоконравственным специалистом².

Высшее образование потому и называется высшим, что оно предполагает достаточно широкий диапазон знаний, уровень грамотности, культуры, способность отстаивать свои взгляды, убеждения и т.д. Однако никакая общая эрудиция, а также умение складно говорить, выступать («речи толкать») не спасут, если выпускник вуза *не состоялся как специалист*. Плохо, конечно, когда человек, получивший высшее гуманитарное образование, не может, как говорят, отличить Гегеля от Бебеля, а Бебеля от Бабеля. Подобные пробелы в образовании можно как-то понять и простить, они не трагичны.

Хуже, когда молодой специалист толком не знает дела, которому его учили, обнаруживает посредственность, дилетантство, не владеет предметом, не оправдывает своего назначения, не соответствует занимаемой должности, не

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 44.

² См.: Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М., 2002. С. 24–25; Герциунский Б.С. Философия образования. М., 1998. С. 62.

справляется с обязанностями. Про таких говорят: язык хорошо подвешен, а толку мало. А это уже грозит серьезными последствиями, гибелью людей, материальными потерями.

Если внимательно проанализировать причины всевозможных катастроф, которые потрясают нас в последние годы, то мы увидим, что почти в каждой из них вылезает «рога полужнайства», некомпетентности, профнепригодности, не говоря уже о несоблюдении установленных правил, недисциплинированности. Все это обычно деликатно называется «человеческим фактором». Незнайки или полужнайки, как правило, не принимают самостоятельных решений, поскольку не уверены в их правильности, боятся ответственности. В результате погибают вместе со всеми.

Не менее плачевные, а нередко и не менее трагичные плоды «полужнайства» мы наблюдаем и в гуманитарных областях — медицине, педагогике, юриспруденции и т.д. В печати сообщалось: в одном из медвузов России по итогам проверки выяснилось, что 50 % будущих врачей не смогли поставить простейшего диагноза. Легко представить себе положение больных, попавших в руки таких врачевателей (последствия — ошибки, осложнения, летальные исходы). Дело доходит до судебных процессов, о которых в последнее время все достаточно слышаны. Такова цена недоучек, «троечных» знаний, блатных абитуриентов или, как их недавно окрестила пресса, — «целевых деток». Аналогичная ситуация с педагогами. Опять-таки по результатам проверки некоторых педвузов страны оказалось, что будущие учителя в диктанте за 8-й класс сделали по 20 и более ошибок. Недавно одна из наших центральных газет не без сарказма написала: «Делать “Булаву” и учить детей будут троечники»¹.

Все сказанное относится и к юристам — судьям, прокурорам, следователям, адвокатам, работникам правоохранительных органов — в гораздо большей степени, чем к представителям какой-либо другой профессии. Ибо юристы-полужнайки, облеченные властью, — это нонсенс, нечто немислимое и опасное. Они способны натворить много бед, зла, несправедливости, исковырять судьбы людей, причинить вред государству, обществу, дискредитировать сам закон. Примеров много, и они хорошо известны.

В идеале юристы должны быть как всесторонне образованными людьми, так и подлинными профессионалами — аналитиками, способными дать тонкий анализ конкретных жизненных ситуаций, правильную правовую квалификацию тем или иным действиям. Кроме того, им должны быть присущи необходимые моральные качества, такие, как честность, принципиальность, справедливость, объективность, неподкупность, человечность. Для юристов классический вопрос: «А судьи кто?» имеет прямой, а не переносный смысл.

Важна также четкая гражданская позиция юристов, государственный подход к делу, чувство общественного долга. Отсутствие этих качеств, как правило, приводит к серьезным изъяснам в работе. «К сожалению, в современном юридическом образовании значительно снижен морально-нравственный стандарт подготовки студентов к практической профессиональной деятельности»². Нравственная составляющая образования должна

---

¹ Известия. 2009. 16 окт.

² Синуков В.Н. Указ. соч. С. 35.

в обязательном порядке закладываться в соответствующие нормативно-программные документы, касающиеся вузовского учебного процесса.

Так должно быть. На деле же картина иная. Среди причин многочисленных следственно-прокурорских и судебных ошибок, просчетов, упущений просматривается прежде всего отсутствие у значительной части служителей закона именно указанных выше деловых и моральных качеств, должного профессионализма, компетентности, теоретической подготовленности, умения выявить и понять подлинные мотивы деяния, дать ему правильную юридическую и морально-психологическую оценку.

Когда после многомесячного расследования какого-нибудь дела (как правило, хозяйственного) высшие правовые инстанции в конце концов прекращают его за *отсутствием состава преступления*, это говорит о том, что с самого начала были неверно квалифицированы соответствующие действия. В них не было требуемых законом обязательных признаков, образующих состав противоправных действий, иными словами, не было *правовых оснований* для возбуждения дела.

Не было, а возбудили, и обвиняемый поспешно, до суда, был взят под стражу, провел длительное время за «решеткой», подорвал здоровье, были причинены моральные страдания семье, детям; человеку испортили репутацию, доброе имя и т.д. Почему так произошло? Если исключить недобросовестность, беспринципность, давление извне, а тем более прямые злоупотребления или взятки, то остается одно — *отсутствие глубоких специальных знаний* у тех лиц, которые на первоначальном этапе изучали, анализировали дело, оценивали произошедшее с точки зрения закона.

Иначе говоря, не смогли разобраться в хитросплетениях криминальной ситуации, «расписались» в своей несостоятельности. В результате, как уже отмечено, страдают невинные люди, калечатся их судьбы, утрачивается вера граждан в закон, справедливость, правосудие, доверие к власти вообще. Именно поэтому тысячи дел возвращаются судом на доследование, что означает обнаружение брака в работе следствия. Оправдательные приговоры свидетельствуют о том же. Не случайно Генеральный прокурор РФ недавно предложил наказывать следователей «рублем» за допускаемые ими ошибки, если из-за них пострадал невинный человек¹: в Госдуме разрабатывается специальный закон «О компенсации за ошибочное уголовное преследование».

Министр внутренних дел РФ признал, что около 400 руководителей в его ведомстве не соответствуют занимаемым должностям — прежде всего по своим профессиональным и нравственным качествам. Министр также заявил, что очень многие сотрудники органов МВД вообще не имеют юридического образования. А ведь они возбуждают и ведут уголовные и гражданские дела или руководят этим процессом². Из недр этого Министерства недавно вышел документ под названием: «Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

¹ См. Следователи заплатят за брак в работе // Российская газета. 2009. 10 сент.

² См.: Нургалиев Р. Ставка на человека // Российская газета. 2009. 21 авг.

Цена юридических ошибок велика. Между тем иногда в прессе и в литературе можно встретить так называемое «широкое» толкование ошибок — дескать, они неизбежны во всяком сложном деле. Однако такая позиция — это своего рода «индальгенция», оправдание *права* на ошибку, что принципиально неверно. Ошибки, конечно, не исключены, они могут быть, но права на них юристы, как и медики, априори не имеют. Ошибки тоже есть результат слабых знаний.

Где же выход из создавшегося положения, как избавиться от полужнаительства? Ответ, в общем-то, ясен — надо повышать *качество* подготовки молодых юридических кадров. Но как? Во-первых, пора перестать гнаться за количеством, а действовать по принципу: лучше меньше, да лучше. Между тем сегодня юристов готовят все кому не лень, расплодилось великое множество разного рода филиалов, отделений, факультетов при совершенно непрофильных вузах и даже техникумах, очень далеких от юриспруденции. Есть и частные образовательные структуры («частные лавочки»). Кто, что и как там преподает, догадаться не трудно. Это своего рода фабрики по производству «полуфабрикатов». Во всяком случае, о каком-либо профессионализме говорить здесь не приходится.

Более того, как сказал недавно Президент РФ (22.10.2009), некоторые из подобных учебных заведений «имеют лишь юридический адрес». А дальше все разыгрывается по бумагам и по почте, вплоть до выдачи дипломов. Изобретен новый «бесконтактный способ» получения образования. Перед нами не просто приватизация образования (что вроде бы иногда приветствуется и отстаивается), а его крайняя *примитивизация*. А если сказать более резко, но честно, то — *жюльничество*.

Началось все это еще в «лихие 90-е», но продолжается до сих пор. Правда, Минобрнауки в последнее время, кажется, всерьез приступило к инвентаризации всего этого «хозяйства», говоря образно, занялось расчисткой «авгиевых конюшен». Вузов, а, следовательно, и «специалистов», в стране в несколько раз больше, чем было во всем Советском союзе. Поэтому сегодня многие вузы закрываются, идет процесс их укрупнения, создаются объединительные федеральные университеты с мощным научно-образовательным потенциалом, а также национальные исследовательские учебные заведения, отвечающие современным требованиям.

Во-вторых, пришло, на наш взгляд, время изменить соотношение между стационарным обучением и учебой без отрыва от производства — заочным и вечерним, оставить последние две формы лишь как возможность получить юридическое образование для тех, кто уже работает по специальности и тех, кто действительно желает получить знания, а не диплом. Как нельзя заочно выучить врача, так нельзя заочно подготовить полноценного юриста-профессионала, а можно — только «полузнайку» или даже «незнайку». К чему это приводит, показано выше.

Невозможно заочно (иногда зло шутят — «заушно») научить человека по настоящему профессионально, грамотно, справедливо судить, вести следствие, осуществлять прокурорский надзор, заниматься адвокатской деятельностью. Для этого нужны систематические знания, практика, опыт, навыки работы с законодательством и его применением.

В-третьих, следует остановить или по крайней мере притормозить неудержимый процесс коммерциализации юридического образования, если уж нельзя совсем избавиться от безудержного стремления излишне предприимчивых «коммерсантов» выколачивать деньги из ажиотажного спроса молодых людей на престижную ныне специальность. Спрос рождает предложение, и они поступают, в том числе от недобросовестных ловкачей. Налицо, по сути дела, легальная или полуполюгальная «купля-продажа» дипломов, которая мало чем отличается от подобных сделок в переходах метро. Рынок делает свое дело, перед нами элементарное зарабатывание денег. Результат — «перепроизводство» юристов, девальвация или даже дискредитация профессии. Юристов много, а настоящих, классных юристов не хватает. Тенденция, однако.

Упомянутый выше глава МВД РФ публично признал, что в его ведомстве ежегодно выявляется до 100 «сомнительных», как он выразился, дипломов. Надо полагать, что и в других правоохранительных органах есть такие же «сомнительные корочки», за которыми скрываются более чем «сомнительные» знания. Да и вообще названное явление стало в последнее время весьма распространенным и касается многих учебных заведений страны. Дипломы юристов имеет множество чиновников. Получение этого документа стало своего рода признаком моды, престижа, наподобие приобретения нового автомобиля. Образование нередко стали называть «образовательными услугами», ну а услуги, как известно, предоставляются за деньги. Однако подлинное образование не должно превращаться в зарабатывание денег. Платное образование никак не гарантирует от поступления в вуз «митрофанушек», заведомо не способных учиться. А ведь мы хотим, чтобы наши дипломы признавались в мире¹.

В-четвертых, следовало бы сосредоточить подготовку юридических кадров в тех центрах, где для этого созданы необходимые условия (имеются учебная, научная, материальная база, квалифицированный профессорско-преподавательский состав, современные методы обучения и т.д.). К таким центрам относятся прежде всего два старейших профильных вуза страны — Саратовская государственная академия права и Уральская юридическая академия с богатейшим опытом и традициями, известными учеными-правоведами (во времена СССР был еще третий подобный вуз — Харьковский, относящийся теперь к Украине).

Далее следует назвать традиционные юридические факультеты при ведущих университетах России — прежде всего Московском и Петербургском, а также при университетах других субъектов РФ. В столице есть еще ряд крупных сравнительно молодых вузов — Московская юридическая акаде-

¹ По поводу фальшивых дипломов и связанных с ними безобразий, бесконтрольности забила тревогу пресса. Российская газета на целой полосе подробно анализирует проблему. Мелькают подзаголовки: «Диплом от фонаря», «Купить, а не окончить», «Сколько стоит образование, которое ничего не стоит» и т.д. Авторы пишут, что в переходах московского метро стоят зазывалы с табличками: «Дипломы», «Аттестаты». Подобными объявлениями пестрят фонарные столбы, сайты в Интернете. Многочисленные фирмы принимают заказы на изготовление любого диплома в короткий срок за приличное «вознаграждение». Рособразование сообщает, что только за первое полугодие текущего года к ним от разных вузов страны поступило около 700 запросов на проверку свыше 3 тысяч дипломов, которые вызывают сомнение. Как говорится, дальше ехать некуда. См.: «Липу» под корень // Российская газета. 2009. 22 сент.

мия, Российская академия правосудия, Академия Минюста и др. Наконец, имеются специализированные, в достаточной степени оснащенные всем необходимым учебные заведения в системе МВД.

Во всех этих и некоторых других центрах имеются реальные возможности для достижения правильного (оптимального) сочетания общенаучной и профессиональной подготовки юристов, отвечающих современным требованиям, чему, собственно, посвящена данная публикация. Это вопрос идеологии и методологии высшего образования вообще и юридического — в частности. Уклон в ту или иную сторону не только нежелателен, но, как нам представляется, вреден.

В Саратовской государственной академии права (как, видимо, и в других вузах подобного класса) этот баланс в целом выдерживается. Студенты получают прежде всего фундаментальное общенаучное образование, чему способствует преподавание таких дисциплин, как общая теория и история государства и права, история политических и правовых учений, философия, политология, культурология, экономическая теория, иностранные языки и межкультурные коммуникации; в академии есть кафедры русского языка и литературы; международного, европейского права и сравнительного правоведения.

Специальная же подготовка предполагает изучение широкого цикла уголовно-криминалистических и гражданско-процессуальных предметов, а также финансового, банковского и таможенного права; адвокатуры, арбитража и нотариата; административного, трудового, земельного права; прикладных дисциплин. В процессе обучения используется весь арсенал современных технических средств. Это позволяет готовить высококвалифицированных юристов-профессионалов с большим багажом общетеоретических и исторических знаний. К сожалению, не такие юридические вузы преобладают сегодня в России.

ЮНЕСКО, объединяющая 770 высших учебных заведений из 186 стран мира, предпринимает попытки координировать и в известных пределах унифицировать гуманитарное образование в рамках общепринятых международных стандартов. С этой целью ею создана сеть так называемых кафедр ЮНЕСКО, которые реализуют специально разработанные программы. Такие кафедры появились еще в 1992 г. Сейчас их насчитывается 646, в том числе свыше 50 — в России. Последний Конгресс названных кафедр состоялся 17 сентября 2009 г. в нашей стране — в Ханты-Мансийске. Выработаны и приняты соответствующие рекомендации.

Не может вызвать возражений мнение, что профессиональная часть юридического образования должна иметь достаточно глубокий культурный, просветительский, нравственный, личностный фундамент¹. Думается, это один из магистральных путей развития высшей юридической школы в стране.

Надо осознать, что классическое традиционное мышление юриста, воспитанного на благовейном отношении к закону, его верховенству подвергается сегодня, в условиях высокой преступности и коррупции, серьезным испытаниям. И не факт, что этот экзамен будет с честью выдержан. Сверхзадача заключается в том, чтобы в нашей стране появились такие юристы, которые обладали бы высочайшим нравственным и правовым сознанием, развитым

---

¹ См.: Синюков В.Н. Указ. соч. С. 38.

чувством справедливости, беспристрастности, объективности, человечности, гуманизма. Которые могли бы вслед за римскими юристами сказать: «Пусть рухнет мир, но восторжествует закон».

Отрадно, что по инициативе Ассоциации юристов России (АЮР) в мае текущего года Президентом РФ был издан специальный Указ «О совершенствовании юридического образования в стране», цель которого — не просто прекратить выпуск юристов-недоучек, а существенно повысить правовую культуру общества, его граждан, добиться того, чтобы люди жили не по понятиям, а по законам, чтобы был, наконец, преодолен правовой нигилизм.

Ассоциация предлагает ввести квалификационные экзамены для занятия юридических должностей. Речь идет о том, чтобы каждый выпускник правового вуза сдавал отдельный экзамен на право работать по определенной специальности — одного диплома мало. Уже сегодня таким экзаменам подвергаются судьи, адвокаты, нотариусы. Дело — за следователями и прокурорами.

Предлагается также выработать профессиональные стандарты с учетом специфики различных юридических специальностей. Ставится вопрос о построении рейтингов юридических вузов, расширении юридической практики студентов. Все это — шаги в правильном направлении. Россия должна быть правовой, демократической, справедливой, успешной и самодостаточной державой, уважающей себя и пользующейся уважением других стран.

А.Ф. Бичехвост,

*доктор исторических наук, профессор,
зам. директора Астраханского филиала
Саратовской государственной академии права*

В предыдущем номере журнала была опубликована статья профессора А.Ф. Бичехвоста, посвященная становлению истории политических учений как науки и учебной дисциплины. Публикацией второй статьи этого автора редакция журнала открывает рубрику, в которой намерена напечатать серию материалов об актуальных проблемах истории политических учений.

Политическая мысль Древнего Востока

Родиной ранних политических идей, трансформировавшихся впоследствии в стройную систему политических учений, по праву считается Древний Восток — колыбель крупнейших очагов мировой цивилизации, науки и культуры общемирового значения.

Политические взгляды в странах Древнего Востока формировались на протяжении длительного исторического времени — с появления первых государственных образований в долинах Нила и Евфрата во второй половине IV тысячелетия до н. э. и до 30–20-х гг. IV в. до н. э. Становление политических учений в Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Древней Индии завершилось несколько позже — в III–V вв. н. э., когда в указанных регионах древнее обще-

---

ство сменилось феодальным. Таким образом, история политических учений Древнего Востока формировалась на протяжении почти трех тысяч лет.

Наибольший вклад в создание ранних политических учений внесли цивилизации Древнего Египта, Древней Индии, мыслители Древнего Китая. Поэтому зарождение, становление и трансформация первых политических взглядов в истории человечества традиционно изучаются на примере политических воззрений, сложившихся в указанных государствах.

Своеобразие политического, экономического, социального развития стран Древнего Востока предопределило возникновение здесь деспотий (гр. *despoteia* — неограниченная власть) — специфической формы централизованных государств, при которой вся полнота власти сосредоточивалась в руках правителей. Функционирование деспотических государств в обширнейшем макрорегионе могли обеспечить четкие политические правила, нормы и принципы их исполнения. Поэтому первые политические воззрения явились ответом на жизненную потребность правителей Древнего Востока, представителей различных слоев достаточно сложного по социальной структуре древневосточного общества в стабильности государств, в их устойчивом и поступательном развитии.

Наличие разветвленной социальной структуры в странах Древнего Востока требовало от их правителей и государственных идеологов определенных усилий по консолидации противоречивых интересов различных слоев и групп населения, недопущения деструкции общества, сохранения в целостности деспотических государств с их строго определенными функциями, что в свою очередь вызывало объективную потребность в создании политической теории, направленной на реализацию вышеуказанных задач.

Политическая мысль Древнего Востока в течение продолжительного времени не существовала как самостоятельная и независимая область человеческого знания, а развивалась как часть философии, этики, религии, мистики. Она выражалась в религиозно-мифологической форме, являлась неотъемлемым компонентом мифологического мировоззрения. Миф длительное время оставался единственной формой объяснения политического опыта древневосточного общества. В недифференцированной целостности мифа воспроизводились изменения в политических силах в процессе централизации древнейших государственных образований. Мифическое изображение мира было тесно связано с религиозными представлениями, содержало ряд иррациональных элементов, отличалось антропоморфизмом и персонификацией сил природы.

Определяющим фактором становления и развития политических взглядов древних народов Востока оставалась религия — вера в существование богов и сверхъестественных сил. Она формировала социально-политические и психологические установки и общекультурные ориентации людей. Религиозные идеи воспринимались как система координат, которая позволяла людям определить их основные направления жизнедеятельности, служила своеобразным эталоном морально-нравственного поведения человека.

По мере накопления политического опыта, знаний об окружающем мире, закономерностях, которые определяли развитие общества, древневосточные политические воззрения начинали отражать возрастающую потребность

индивида находить цивилизованные формы общежития с себе подобными. Политические взгляды древних людей медленно, исподволь начинали освобождаться от мифологических и религиозных представлений, все более рационализировались, приобретали прикладной характер.

В воззрениях древних мыслителей, в содержании ранних литературных трактатов тесно переплетались вопросы политики и морали, политики и нравственности, что составляло еще одну важную особенность древневосточных политических учений.

Поскольку древневосточная философско-политическая мысль находилась в зародышевом состоянии, она еще не отображала систематизированные политические воззрения, которые охватывали бы широкий спектр политических проблем и опирались на четкий и достаточно разработанный понятийный аппарат. На более высокую ступень развития, познания и объяснения политического мира позже вышли античные мыслители.

Первые политические взгляды возникли у древних египтян. Ранние представления политического характера были отражены в папирусных свитках, в сохранившихся надписях на стенах пирамид, в гимнах в честь фараонов, в древних литературных памятниках. Их авторы обосновывали божественное происхождение государственной власти, восхваляли египетскую деспотию, оправдывали насильственные действия по установлению государственного порядка, исходили из признания необходимости общественного неравенства людей. Социальную структуру общества древние египтяне представляли в виде пирамиды, на вершине которой находились боги и фараоны; ее подножие составляли ремесленники, крестьяне, общинники и рабы, а между ними размещались жрецы, знать и чиновники. Авторы литературных произведений высказывали пожелания: правителям — не злоупотреблять властью, простому человеку — стремиться преодолеть в себе корыстные побуждения, уважать старших, не грабить бедных, не обижать слабых¹. Таким образом, уже в древнеегипетских письменных памятниках в примитивной форме находили отражение взгляды на происхождение государства, его социальную структуру, образ идеального правителя, его предпочтительный нравственный облик, на морально-значимые черты обыкновенного человека.

Развитие политической мысли Древней Индии определялось теми же особенностями, которые были характерны для политических идей, господствовавших во всех странах Древнего Востока: это ее религиозный, духовный характер, сильное влияние мифологических представлений на политические воззрения, сосредоточенность на проблемах морально-нравственного, этического содержания. Древнеиндийская философско-политическая концепция исходила из триады, якобы лежавшей в основе деятельности человека и включавшей в себя добродетель («дхарму»), интерес, выгоду, пользу («артху») и удовольствие («каму»).

Важный источник познания древнеиндийских политических взглядов — ведическая литература, название которой произошло от санскритского слова «веды», что в переводе означает «знание», «священное знание», «ведение».

¹ См.: *Ирхин Ю. В.* Политические идеи Востока: от мифа к науке политического управления // Политология. М., 2006. С. 86–87.

Ведическая литература, отражавшая ранние политические представления Древней Индии, объединяла четыре сборника гимнов, напевов, жертвенных формул и заклинаний — Ригведу, Яджурведу, Самаведу, Атхарваведу, известных под общим названием самхиты.

Поздними теологическими трактатами, воспроизводившими отдельные политические идеи, послужили памятники «брахманической прозы» — брахманы и араньяки, содержавшие истолкование символики жертвенного ритуала, мифологические и иные разъяснения к самхитам. Конец ведического периода представлен «упанишадами» («упанишада» — «сокровенное учение») — последними произведениями древнеиндийской литературы, имевшими особое значение для познания религиозно-философского и политического мышления в Древней Индии. «Упанишады» по праву рассматриваются как сумма идей всего древнеиндийского мировоззрения.

Ведийские и постведийские источники содержали представления о царской власти, окончательно оформившиеся в рамках брахманистского направления политической мысли. Оно утверждало приоритет жречества во всех сферах политической жизни древнеиндийского общества и религиозно-культурной легитимации государей. Здесь же содержались сведения об организации и функционировании общества. Общество, в представлении древних индоариев, должно было действовать гармонично и слаженно, как единый организм. Порядок в нем достигался благодаря тому, что каждый человек, занимая особое положение среди других, исполнял свои обязанности соответственно своим наклонностям и способностям. Эти взгляды политического характера определяли специфику подхода к политическим проблемам в древнеиндийском обществе, надолго закрепили принцип легитимации царей в теории и практике.

Ряд проблем, связанных как с философским, так и социально-политическим содержанием ведической литературы, еще не получил должного научного освещения. Многие остаются спорными и требуют дальнейшего исследования, особенно философский смысл ведических учений, а также их политическая проблематика.

Политическая и религиозная древнеиндийская традиция кроме ведической литературы была представлена двумя основными идеологическими системами — брахманизмом и буддизмом, также отражавшими элементы политических знаний. Зачатки идеологии брахманизма, как отмечалось выше, содержались в ведах, повествовавших о том, что в основе всего лежит вечный закон (рта), который определяет источник развития, устанавливает и поддерживает порядок в обществе. Различными брахманистскими школами составлялись хармасутры и дхармашастры — сборники религиозно-моральных наставлений, которые подобно «ведам» и «упанишадам» содержали идеи о божественном происхождении государства, о Боге-творце.

Особое место в брахманизме занимали представления о царской власти, которые структурировались по следующим позициям: генезис и предмет ведения царской власти, легитимность претендента на трон, регламент ритуального установления границ подмандатной царю территории и инаугурационной обрядности, долг царского служения (*дхарма* царя) и его цель,

функции государя, подготовка и обучение царственной особы.

Царская власть трактовалась как особая субстанция, имевшая божественное происхождение; жречество интерпретировалось как совокупный хранитель данной субстанции. Легитимация властителя осуществлялась как ритуальный инаугурационный комплекс (*раджасуя* — «посвящение в царство»), которому предшествовало ритуальное установление границ подмандатной территории, проводившееся в форме растянутого во времени странствия жертвенного коня и его вооруженного конвоя и завершавшееся жертвоприношением коня (ритуал *ашвамехада*). В функциональном аспекте царская власть рассматривалась в качестве господства над Вселенной — странством и временем. Царь наделялся статусом Вселенского правителя — *чакравартина*, то есть царя, «вращающего колесо». Согласно учению брахманов, долг царского служения (дхарма царя) состоял в обеспечении безопасного существования подданных, в поддержании социально-политического уклада, который способствовал бы воспроизведению религиозно-идеологической традиции, базировавшейся на ведийском каноне.

Важное место, отводимое ритуалу в легитимации древнеиндийских царей, объяснялось тем, что ритуал в Древней Индии служил воплощением закона, а также той огромной ролью, которую играли правители в управлении государством.

Легитимным представителем на трон признавался представитель аристократического воинского сословия (кшатриев), прямой потомок царя-*чакравартина*, но акт обретения им верховной власти мог быть осуществлен только по воле брахманства. Однако не исключалась и возможность инаугурации царя из жреческого сословия.

Брахманскими теоретиками были разработаны стандарты идеального государя. Они включали в себя перечень личных качеств и традиционных добродетелей (справедливость, доброту, храбрость, образованность). Брахманы выступали наставниками и учителями царя в овладении основами Священного ведийского канона, освоении распорядка ритуальных практик и науки управления (*данданити*)¹.

В VI–V вв. до н.э. в Древней Индии сформировался буддизм, отрицавший брахманизм и выразивший политические идеалы кшатриев. Буддизм учил, что основу мироздания образуют движение частиц — дхарм. Соединяясь или распадаясь, они образуют длинную цепь перерождений, пробуждают или прекращают жизнь. Добродетельные люди в следующей жизни могли обрести более совершенную форму, занять более высокое место. Проступки влекли понижение социального статуса человека и даже его перевоплощение в животное. Примерное поведение, согласно истинам, изреченным основоположником буддизма — Буддой — Сиддартхой Гуатамой (VI–V вв. до н.э.), прекращает круговорот перерождений и избавляет от страданий.

Буддизм впервые в истории религиозно-политических традиций и политических учений отвергал мысль о боге как верховной личности, нравственном правителе мира, первоисточнике закона, утверждал, что дела человеческие

¹ *Шомахадов С.Х.* Учение о царской власти (Теории имперского правления в буддизме). СПб., 2007. С. 8–9.

зависят от собственных усилий людей. Власть в политической составляющей буддизма считалась легитимной силой, если она оправдывалась идеологически, получала одобрение общины — сангхи как ценностно и морально должная, то есть как власть-авторитет.

Подобно брахманизму, буддизм отводил особое место учению о царской власти. Согласно взглядам буддистов, быть чиновником, а тем более царем — это результат хорошей кармы, накопленной в предыдущих поколениях. В буддизме светская власть ценилась выше духовной, так как над правителем не было высшей «божественной власти», он сам был религиозным авторитетом¹.

Так, буддийские тексты раскрывали причины утраты «славы и величия» государя, природу власти *чакравартина*. Деятельности *чакравартина* приписывалось несовершенство, так как она проистекала в мире страданий, который по определению не мог быть совершенным. Религиозно-политическая доминанта этих текстов состояла в утверждении тезиса о неспособности государей обеспечить воспроизведение благих традиций без посредства буддийских идеологов.

И буддизм, и брахманизм оставили заметный след в истории Древней Индии и человеческой цивилизации не только как мировые религии, но и как первые попытки объяснения политической картины мира и освещения отдельных политических проблем. В качестве государственной идеологии буддизм утвердился в первых тайских государствах. Механизм легитимации верховной власти в этом регионе осуществлялся по буддийской модели. В ряде стран Юго-Восточной Азии тхеравада и сегодня остается господствующей религией.

Известный политический памятник Древней Индии середины II в. до н.э. — «Законы Ману» — воспроизводил и защищал соответствующие положения «вед» и «упанишад». Политическая теория «Законов Ману» основывалась на таких догматах, как божественный источник власти, принуждение (как главный способ обеспечения установленного порядка), верховенство религиозного закона над царским законодательством, что закрепляло политическое господство брахманов в обществе. В «Законах Ману» проводилось строгое разграничение позитивно-правового и сакрально-морального аспектов дхармы: брахманы сохраняют исключительное право установления, толкования и защиты дхармы; царь — страж варнового порядка и надзиратель за исполнением дхармы. Согласно «Законам» брахманам известно лишь «изначальное искусство управления», общие сакральные принципы власти, тогда как царь владеет конкретным искусством управления, заключавшимся во взвешенном применении наказаний и поощрений. Таким образом, впервые в истории на политическом и законодательном уровне был поставлен вопрос о поощрении и наказании как важнейших принципах государственного управления.

Термин «артхашастра» дал название еще одному известному источнику политической мысли на индустском Востоке — «Артхашастре», или «Науке о государственном устройстве, управлении и его пользе», которая характеризуется нашими современниками как «энциклопедия политического искусства» или «энциклопедия политической и экономической жизни страны».

¹ Лебедева Т.П. Политическая мысль Востока // Политология: Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М., 2007. С. 386.

Согласно индийской традиции, трактат «Артхашастра» приписывается мудрому брахману Каутилье (известному также под именем Чанакья) — влиятельному советнику и министру, основателю империи и династии Маурьев Чандрагупты I (IV–III вв. до н.э.). Очевидно, трактат составлялся между первыми веками до н.э. и первыми веками н.э., суммируя и критически переосмысливая все то, что было создано до него древними мыслителями Индии. Политическое произведение содержит ценные сведения о государственном, политическом и экономическом устройстве и управлении древнего индийского общества, включает различные взгляды на философские, правовые, дипломатические и военные вопросы своего времени. В трактате затрагивались и морально-нравственные и этические проблемы, но ведущей темой древнеиндийского сочинения оставались проблемы политические.

По заключению ее составителей, «Артхашастра» — в первую очередь наука о том, как следует приобретать и сохранять власть, наставление по искусству управления. Во вступлении к «Артхашастре» констатировалось: данное произведение представляет собой *«единое руководство политики, которое составлено на основании извлечений из большей части тех руководств по политике, которые были созданы древними учителями с целью овладения землей и для ее охраны»*. «Артхашастра» признавала, что после философии и учения о хозяйстве, *«учение о государственном управлении»* является одной из важнейших системообразующих и самостоятельных наук. *«Наука о государственном управлении — утверждалось в древнеиндийском политическом памятнике, — средство для обладания тем, чем не обладали, для сохранения приобретенного, для увеличения сохраненного, и она распределяет среди достойных приращенное добро. С нею связаны все мирские дела»*.

В трактате отчетливо просматривалась мысль: власть и богатство следует приобретать, отстаивать и увеличивать всеми средствами, как хорошими, так и дурными, в том случае, если последние оказываются более надежными или единственно возможными. Через полторы тысячи лет эту мысль разовьет и обоснует флорентийский мыслитель Никколо Макиавелли.

«Артхашастра» содержала описание идеального государства. В сельской местности, по словам Каутильи, должны жить «трудолюбивые земледельцы» и «глупые господа», а население должно принадлежать «преимущественно к низшей варне». Государство рассматривалось как домохозяйство, где царь выступал главой и «кормильцем», а все получавшие жалованье из казны являлись его слугами и находились у него на содержании.

В древнеиндийском обществе непросто решался вопрос о соотношении общинных структур и государственной власти. По утверждению «Артхашастры», цель политики состояла в поддержании общин любого типа как основы государства. Человек, вносивший раскол и нарушавший традиционный порядок, подлежал суровому наказанию, вплоть до изгнания из общины или из государства. Одновременно в трактате содержалась мысль о том, что для реализации полноты власти царя необходима разьединенность людей, и автор «Артхашастры» дает современникам рекомендации, направленные на ограничение активности различных объединений.

В древнеиндийском политическом памятнике содержались прямые и достаточно обширные по своему содержанию указания, каким должен быть правитель и что ему необходимо делать для того, чтобы приумножить власть и богатство: *«Он должен обладать храбростью, настойчивостью, быстротой и ловкостью. Он должен быть красноречивым, находчивым, обладающим памятью, сметливостью и физической силой, быть высокого образа мыслей, легко обуздываемым, искусным, действующим военной силой в случае притеснения (со стороны врагов), видимым образом воздающим за добро и зло, стыдливым, принимающим меры против бедствий или для охраны подданных, дальновидным, обращающим главное внимание на правильное применение людей в надлежащее время и в подобающем месте, искусным при выборе мира, войны, послаблений, крутых мер, верности договорам или использовании слабых мест врагов, сдерживающимся, веселым, смеющимся, имеющим прямой и не хмурый взгляд, свободным от страстей, гнева, жадности, надменности, рассеянности, вспыльчивости и склонности к клевете. Он должен говорить приятное, в разговоре улыбаться и вместе с тем держать себя достойно и поступать согласно наставлениям опытных людей».*

Составители политического сочинения не обошли вниманием и еще одну важную политическую проблему: кто должен составлять опору правителя, на кого он мог положиться в решении своих важнейших дел и начинаний? Такими людьми могли быть только ближайшие лица к правителю — «слуги» — друзья, спутники, помощники. Наряду с советником, военачальником, жрецом в числе «слуг» назывались родственники царя — мать, сын-наследник, царица. «Слуги» нуждались в опоре и покровительстве правителя и с этой целью обращались к государю. Тот должен был в свою очередь обладать «достоинствами, привлекающими слуг», и тогда, расширяя пределы своей власти, он мог стать неодолимым. Основа основ государственной мудрости правителя, как утверждала «Артхашастра», состояла в том, чтобы склонить «слуг» на свою сторону, причем речь шла не о массе «мелких людей» — подданных правителя, а о круге «господ», «начальствующих».

В трактате рассматривался механизм реализации политической власти и государственного управления, обращалось внимание на необходимость использования такой формы управления, как совещание, которое должен был проводить царь и *«из которого не истекают разговоры, куда не могут заглянуть и птицы».* В «Артхашастре» перечислялись пять элементов, обеспечивавших успех совещания: способ начала дела, наличие достаточного числа людей и материалов, определение времени и места, противодействие неудачам, счастливое завершение дела.

Лучшему пониманию специфики и своеобразия древнеиндийской политической мысли, отраженной в «Артхашастре», способствует содержание раздела «Наблюдение в своей стране за партиями людей преданных и людей предательски настроенных», в котором рассматривалась проблема борьбы с оппозицией существующей власти. Трактат рекомендовал следить за всеми в государстве — за главными должностными лицами, за простыми горожанами и сельскими жителями. Шпионы должны были внедряться в места массовых скоплений людей, даже в места священных омовений с четко определенной

целью: *«Пусть шпионы, переодетые отшельниками, бритыми или с заплетенной косой, узнают довольство и недовольство людей»*. Довольных царь был обязан чтить материальными дарами и другими знаками внимания, недовольных — подвергать наказанию.

В древнеиндийском политическом памятнике рассматривались и вопросы внешней политики. Согласно «Артхашастре», государству следовало применять шесть методов, обеспечивавших ему спокойствие и стабильность: мир, предполагавший заключение договора, связывавшего враждовавшие стороны; войну — как причинение вреда противнику; выжидательное положение, что означало пребывание в безразличном состоянии; наступление, то есть принятие мер к нападению на противника; поиски союза на стороне, с другим государством; двойственную политику, использование поочередно войны и мира.

В целом «Артхашастра» послужила заметным шагом в формировании древнеиндийской светской доктрины политики, в развитии древневосточной политической мысли. Древнеиндийский политический трактат по своему содержанию носил преимущественно утилитарный характер. В нем были даны конкретные рекомендации по устранению возникавших политических проблем современного общества, содержались наставления по лучшему управлению государством. Однако до глубокого теоретического обобщения и осмысления политической жизни и политических проблем в силу ограниченности накопленных знаний авторы древнеиндийского трактата подняться не могли.

С.Б. Аникин,
*кандидат юридических наук доцент
Саратовской государственной
академии права*

**О некоторых направлениях
совершенствования института совместного
ведения Российской Федерации
и ее субъектов как основы единой системы
исполнительной власти
в Российской Федерации***

Совместное ведение как комплексный государственно-правовой институт выступает центральным звеном в системе государственно-властных отношений между Российской Федерацией и ее субъектами. В тоже время органы государственной исполнительной власти федерального и регионального уровней, исполнительные органы местного самоуправления, осуществляя практическую деятельность по реализации предмета совместного ведения в его полном объеме, образуют исполнительную вертикаль¹.

Иными словами, властная деятельность органов исполнительной власти по воплощению в жизнь предмета совместного ведения выступает практическим фундаментом единства системы исполнительной власти в Российской Федерации. Данный вывод следует из содержания ч. 2 ст. 77 Конституции РФ, устанавливающей, что федеральные и региональные органы исполнительной власти Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. При этом норма ст. 72 Конституции не только очерчивает границы общего для Федерации и ее субъектов правового пространства, она решает комплексную задачу нормативного оформления и закрепления конституционно-правовых основ отношений между Российской Федерацией и ее субъектами, а также формирования и практической реализации механизма правового регулирования общественных отношений субъектами РФ.

Исследования ученых-юристов показывают, что в процессе выстраивания единой системы исполнительной власти в Российской Федерации важную роль играет материально-правовая структура совместного ведения Российской Федерации, как органическая часть и центральное звено единой материально-правовой структуры государственного управления и местного самоуправления в Российской Федерации. Следовательно, от того, насколько максимально полно и детально

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 08-03-00418а).

¹ См.: Чиркин В.Е. Конституционное право России. М., 2008. С. 280.

осуществляется юридическая формализация материально-правовой структуры совместного ведения, зависит функционирование всего механизма административно-правового регулирования общественных отношений в этой сфере.

Современное состояние функционирования института совместного ведения в системе государственного управления делами общества можно охарактеризовать как находящееся в стадии становления и формирования. Основанием для такого вывода служит динамика практической реализации предмета совместного ведения в деятельности органов исполнительной власти. Президент РФ Д. Медведев в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 г.¹ акцентировал внимание законодателей на двух аспектах совершенствования данного направления административно-правового регулирования общественных отношений. Во-первых, на необходимости формирования эффективной системы взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти. Во-вторых, на полномасштабной реализации положений ч. 2 ст. 77 Конституции РФ, устанавливающей единство системы федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации.

Материально-правовая структура совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов неоднородна по своему объему и внутреннему содержанию. В одном случае ее элементы закрепляются в наиболее общем виде:

а) как сфера государственной и общественной жизни (правопорядок);

б) как функции государства (защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности; установление общих принципов);

в) как сфера государственного управления (общественная безопасность);

В другом случае закрепляются отдельные направления административно-правового регулирования: режим пограничных зон; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности и т.д.

В третьем случае в качестве элементов формализованы самостоятельные отрасли законодательства.

Это позволяет подразделить элементы материально-правовой структуры по объему охватываемых ими общественных отношений на отраслевые и комплексные.

К отраслевым элементам материальной структуры следует отнести режим пограничных зон; природопользование; особо охраняемые природные территории; охрану памятников истории и культуры и т.д.

К комплексным элементам материальной структуры относятся такие элементы, которые изначально содержат в себе различные направления административно-правового регулирования: защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; координация вопросов

---

¹ См.: Послание Президента РФ Д. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 г. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/11/208749.shtml> (дата обращения: 05.11.08).

здравоохранения; защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита, включая социальное обеспечение и т.д.

Отдельную группу элементов составляют отрасли законодательства (п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ).

Российская модель материально-правовой структуры предмета ведения Российской Федерации и ее субъектов ввиду отсутствия единого подхода к закреплению предметов ведения учеными-юристами признается в определенной степени неудачной¹. Исследователи обоснованно обращают внимание на проблемы, связанные с использованием разных терминов — «общие вопросы» и «координация вопросов» — применительно к сферам управления одного и того же уровня регулирования (общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта — п. «е» ч. 1 ст. 72; координация вопросов здравоохранения; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение — п. «ж» ч. 1 ст. 72)². Верным является и отнесение к совместному ведению «общих вопросов» как категории, «имманентно присущей для федерального уровня регулирования»³.

Не умаляя научно-практической значимости и важности такого подхода, тем не менее, по мнению автора, проблему конституционной формализации материально-правовой структуры предмета совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ необходимо исследовать с учетом особенностей реализации предмета совместного ведения. Связано это с тем, что в претворении в жизнь предмета совместного ведения принимают участие два субъекта государственного управления — Федерация и субъект Федерации. Данное обстоятельство, несомненно, предъявляет особые требования к материальной структуре предмета правового регулирования. В частности, материально-правовая структура предмета совместного ведения должна изначально содержать в себе логику взаимодействия двух субъектов правового регулирования в процессе нормотворчества и правоприменения. В связи с этим, например, сложно выполнимой представляется задача установления и реализации общих принципов одновременно двумя субъектами административно-правового регулирования (пп. «и», «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Логичнее выглядит отнесение установления общих принципов к полномочиям федерации, как например, в Австрии, а принятие конкретизирующих законов — к полномочиям субъектов Федерации.

Как уже упоминалось, в качестве объектов правового регулирования материально-правовой структуры совместного ведения выступают юридические категории, не только не имеющие четких нормативных границ и не оформленные легальными дефинициями, но и по своему содержанию отражающие и характеризующие совокупность иных, не только правовых сторон жизни общества (например, «обеспечение законности и правопорядка» — п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ).

¹ См.: Крылов Б.С. Проблемы разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов // Федеративное устройство: реализация Конституции Российской Федерации. М., 1995. С. 45; Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: учеб.-практ. пособие. М., 1998. С. 179.

² См.: Умнова И.А. Указ. соч. С. 179.

³ Там же.

В юридической науке и практике на сегодняшний день не сформировалось единого подхода к определению содержания данных категорий¹. Считаем справедливой точку зрения ученых-юристов, полагающих, что законность является «принципом нашего права»², «важнейшим принципом правового регулирования»³. Иными словами, как обоснованно отмечает профессор И.И. Веремеенко, законность — «это правовое явление... выступающее в качестве основного требования, как при правотворчестве, так и при правоприменении»⁴.

Правопорядок как совокупность общественных отношений рассматривается в теории и на практике как многогранная, многоаспектная и комплексная юридическая категория, требующая специального правового регулирования по каждому составляющему ее элементу, включающая:

- эффективное функционирование органов государственной власти, включая порядок в нормотворчестве, в исполнительной власти, усиление контрольных функций государства;
- порядок в государственных финансах;
- порядок в регулировании экономики;
- ответственность власти на всех уровнях правового регулирования;
- эффективную внешнюю политику и оборону⁵.

В то же время правопорядок рассматривается и в узкофункциональном смысле государственного управления как совокупность законотворческих, правоприменительных и организационных мер, направленных на борьбу с особо опасными преступлениями, проникновением криминальных элементов в сферу экономики и на защиту жизни, здоровья граждан и их собственности от преступных посягательств⁶.

Правопорядок, представляя собой бесконечное множество общественных отношений, урегулированных с помощью юридических средств⁷, в конечном итоге выступает как цель и итог правового регулирования⁸. Иначе говоря,

¹ См., например: *Артемов В.М.* Правопорядок в современном российском обществе: концептуальные обоснования и инновации. М., 1998; *Баглай М.В.* Уважать и соблюдать Конституцию — главное условие правопорядка // Российский конституционализм. Проблемы и решения. М., 1999; *Борисов В.В.* Правовой порядок / Общая теория государства и права: Академический курс: в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2; *Витрук Н.В.* Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993; *Вопленко Н.Н.* Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1993; *Ефремов А.Ф.* Принципы и гарантии законности. Самара, 1999; *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М., 2001 и др.

² *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 36.

³ *Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 59.

⁴ *Веремеенко И.И.* Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Ч. 1. Предмет и понятие. М., 1981. С. 50.

⁵ См.: Послание Президента РФ Федеральному собранию от 6 марта 1997 г. «Порядок во власти — порядок в стране (О положении в стране и основных направлениях политики РФ)» // Российская газета. 1997. 7 марта.

⁶ См.: Указ Президента РФ от 18 сентября 1993 г. 1390 «О дополнительных мерах по укреплению правопорядка в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. 38, ст. 3517.

⁷ См.: *Веремеенко И.И.* Указ. соч. С. 50.

⁸ См.: *Назаров П.С.* правопорядок в условиях формирования правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 6.

«когда все субъекты общественных отношений соотносят свое поведение с требованиями правовых норм, мы получаем правопорядок»¹.

Ученые-юристы обоснованно считают, что в основе превращения общей управленческой воли в конкретные правоотношения лежат объективные предпосылки. Как отмечает В.А. Юсупов, объективизация административного права является специфической формой перехода от возможности к действительности², «... конкретные социальные связи неразрывны со своей юридической формой — правоотношениями»³. Д.А. Керимов подчеркивает, что правовая возможность может быть реальной только в случае, если она соответствует социальной действительности⁴. По заключению В.М. Манохина, организация любой системы или комплекса управления базируется на объективной основе как изначальном факторе построения последующих управленческих структур⁵. Таким образом, материально-правовая структура совместного ведения в целом, как и каждый ее элемент в отдельности, имеет многоцелевое позитивно-правовое значение, состоящее в следующем:

во-первых, она представляет собой объективную основу предмета правового регулирования органов государственной исполнительной власти федерального и регионального уровней;

во-вторых, в ее объеме осуществляется распределение полномочий по реализации предмета правового регулирования между федерацией и ее субъектами (подготовка и издание федеральных и региональных норм, наделение органов исполнительной власти и их должностных лиц полномочиями по их реализации);

в-третьих, она лежит в основе формирования и функционирования единой системы исполнительной власти в Российской Федерации (ч. 2 ст. 77 Конституции РФ);

в-четвертых, ее элементы и составные части в распределенном состоянии на федеральном и региональном уровнях выступают в качестве самостоятельных объектов публично-правового воздействия;

в-пятых, она выступает объективной основой формирования исключительных полномочий субъектов РФ в соответствии со ст. 73 Конституции РФ;

в-шестых, в детализированном виде она является базой для формирования полномочий органов местного самоуправления⁶.

«Право позитивно вообще ... вследствие необходимости, чтобы система законодательного права содержала применение общего понятия к особенно-му, данному извне состоянию предметов и случаев — применение, которое является уже не спекулятивным мышлением и развитием понятия, а рас-судочным подведением частного под общее ...»⁷, — писал Гегель.

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2001. С. 418.

² См.: Юсупов В.А. Теория административного права. М., 1985. С. 73.

³ Там же. С. 74.

⁴ См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 349.

⁵ См.: Манохин В.М. Отраслевой принцип в организации государственного управления // Административное право и процесс. 2008. 1. С. 3.

⁶ См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2008 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. 40, ст. 3822; 2008. 52, ч. 1, ст. 6236.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 61–62.

В.Н. Синюков, определяя понятие системы российского права, отмечает, что это «... внутренняя структура ее права, образуемая связью норм, институтов, отраслей, разделов, которая обеспечивает целостность и регулятивные свойства национального права»¹.

В связи с этим представляется, что материально-правовая структура совместного ведения как объективная основа конституционно-формализованного самостоятельного уровня публично-правового регулирования общественных отношений должна находиться в органическом единстве с системой российского права, выступая в качестве ее структурного элемента. Данное условие становится выполнимым только в том случае, если материально-правовая структура совместного ведения будет носить позитивно-правовой характер, а ее составляющие — выступать объективной основой возникновения и развития конкретных правоотношений и в целом предмета правового регулирования.

Очевидно, что такие юридические категории, как «законность» и «правопорядок», далеко выходят по своему объему и содержанию за пределы позитивно-правового поля, так как включают в себя не только правовые, а и философские, социологические, статистические, моральные, культурные, эстетические, национальные и другие аспекты жизни общества и государства. В данном случае уместен гегелевский посыл о том, что «в позитивном праве то, что закономерно, есть источник познания того, что есть право, или, собственно говоря, что есть правовое ... Все остальное дело рассудка и касается внешнего порядка, сопоставления, последовательности, дальнейшего применения и т.п.»².

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что рассмотрение законности и правопорядка в качестве одного из элементов материально-отраслевой структуры совместного ведения не только методологически ошибочно, но и для практического позитивного нормотворчества и правоприменения является невыполнимой задачей в рамках данного государственно-правового института.

Таким образом, актуальной является задача конституционно-правового «упрощения» материально-правовой структуры предмета совместного ведения, чтобы стало возможным осуществление позитивного правового регулирования по каждому из ее элементов.

Следующей проблемой закрепления материально-правовой структуры предмета совместного ведения является ее недетализованность. Значительный объем предметов совместного ведения представлен в виде отраслей управления: культура, образование, здравоохранение, общественная безопасность и т.д. В то же время сами по себе эти и другие отрасли по своей внутренней структуре являются сложными образованиями и содержат внутри себя самостоятельные объекты, обладающие определенной автономией в рамках единого предмета и требующие специального административно-правового регулирования.

Например, в соответствии со ст. 4 Основ законодательства Российской Федерации о культуре³ культурная деятельность подразделяется на одиннад-

¹ Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 340.

² Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 250.

³ См.: Основы законодательства Российской Федерации о культуре // ВСНД и СНД РФ. 1992. 46, ст. 2615; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. 30, ч. 2, ст. 3616.

цать самостоятельных объектов правового регулирования (памятники истории и культуры; художественная литература, кинематография, сценическое, пластическое, музыкальное искусство, архитектура и дизайн, фотоискусство и т.д.).

В качестве самостоятельных объектов общественной безопасности выделяются личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности¹.

На сегодняшний день «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» наряду с «Основами законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан»² являются нормативными правовыми актами, изначально принимавшимися на основе Конституции РФ от 12 апреля 1978 г. (в ред. от 21 апреля 1992 г.)³ и Федеративного договора от 31 марта 1992 г.⁴ Данными актами устанавливалось, что по вопросам совместного ведения федеральные органы государственной власти издавали основы законодательства, в соответствии с которыми республики в составе Российской Федерации осуществляли собственное правовое регулирование. Несомненно, положительной стороной такого порядка правовой реализации вопросов совместного ведения является возможность максимально подробной детализации в федеральных основах предмета правового регулирования любой сферы общественных отношений. В свою очередь это дает значительный потенциал развития специального правового регулирования, как например, по отдельным областям культуры⁵.

Таким образом, значительная часть сложных элементов материально-отраслевой структуры предмета совместного ведения требует подробной нормативно-правовой регламентации как на федеральном, так и на региональном уровнях. Достижение этой цели возможно путем принятия на федеральном уровне Основ федерального законодательства по целой совокупности вопросов совместного ведения. Например, общественная безопасность, недр- и природопользование, образование, физическая культура и спорт и др. Причем еще до принятия Конституции РФ 1993 г. некоторые вопросы совместного ведения регулировались основами законодательства (физическая культура и спорт, архивное дело, использование лесов).

Самостоятельным направлением совершенствования института совместного ведения является развитие на его основе кооперативных основ федерализма. Это неразрывно связано с формированием комплекса взаимоотношений, получивших в науке название «межтерриториальное управление». Отношения такого рода развиваются на различных уровнях правового регу-

¹ См.: Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. 2446-1 (в ред. от 26 июня 2008 г.) // ВСНД и ВС РФ. 1992. 15, ст. 769; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. 26, ст. 3022.

² См.: Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан (в ред. от 3 декабря 2008 г.) // ВСНД и ВС РФ. 1993. 33, ст.1318; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. 1, ст. 17.

³ Конституция РФ от 12 апреля 1978 г. (в ред. от 21 апреля 1992 г.). URL: http://www.constitution.garant.ru/DOC_70280.htm (дата обращения: 09.03.09)

⁴ См.: Федеративный договор от 31 марта 1992 г. // Государство и право. 1992. 7. С. 6–18.

⁵ См., например: Федеральный закон от 6 января 1999 г. 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» (в ред. от 23 июля 2008 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. 2, ст. 234; 2008. 30, ч. 2, ст. 3616; Федеральный закон от 26 апреля 1996 г. 54-ФЗ (в ред. от 23 июля 2008 г.) «О музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» // Там же. 22, ст. 2591; 2008. 30, ч. 2, ст. 3616.

лирования, между субъектами федерации и муниципальными образованиями, субъектами бизнеса, различными институтами гражданского общества¹. Органической частью «межтерриториального управления», в свою очередь, являются «межправительственные отношения», то есть вертикальные и горизонтальные связи между уровнями власти, субъектами федерации и муниципальными образованиями, неформальными центрами принятия политических решений, различными ассоциациями и т.п.²

Таким образом, с одной стороны, конституционно-правовая формализация совместного ведения федерации и ее субъектов выступает юридической основой для межтерриториального управления, а с другой стороны, сам предмет совместного ведения является материальной основой, на которой базируется межрегиональная кооперация.

Анализ конституций федеративных государств показывает, что ведущая роль в формировании единых организационных основ функционирования всех уровней правового регулирования отводится исполнительной власти. Именно исполнительная власть выступает в качестве политико-правового инструмента, которому в федеративных государствах отводится роль практической реализации федеральных и региональных интересов и трансформации их в единое целое. В связи с этим представляется правильной позиция профессора И.Б. Гоптаревой и поддерживающих ее авторов, рассматривающих конституцию в качестве своеобразного движителя механизма распределения власти между участниками федеративного союза, а также потребностей многосоставного (плюралистического) общества в интеграции³.

Таким образом, говоря о совместном ведении Федерации и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ) как конституционной основе формирования и развития кооперативных связей в Российской Федерации, представляется необходимым учитывать следующее.

Объективной основой для развития кооперативных связей всех видов в условиях федеративного государства выступает материальная структура предмета совместного ведения. Таким образом, материальная структура предмета административно-правового регулирования совместным ведением РФ и ее субъектов является основой формирования не только отраслей управления и построения единой системы исполнительной власти в РФ, но и всех иных связей, в том числе охватываемых понятиями «межправительственные отношения» и «межтерриториальное управление».

Соглашаясь в целом с предложением исследователей о необходимости подкрепления нормы ст. 72 Конституции РФ органическим законом о совместных задачах Федерации и ее субъектов⁴, представляется недостаточно обоснованным ограничение взаимодействия Федерации и ее субъектов до

¹ См.: *McCartny L.* Competative Regionalism. Beyond Individual // Стратегическое планирование в городах и регионах. Сервер для специалистов по стратегическому планированию. URL: <http://citystrategy.lcomtief.w/it=3c54898019b2c>.

² См.: *Силинов П.М.* Федерализм в зарубежных странах: конституционно-правовые и политические технологии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С.127.

³ См.: *Гоптарева И.Б.* Политическая концепция федерализма: теоретические истоки и современность: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003. С. 36; *Силинов П.М.* Указ. соч. С. 129.

⁴ См.: *Силинов П.М.* Указ. соч. С.198.

«реализации тех или иных региональных программ, если эти программы играют важную роль в обеспечении поступательного развития государства»¹. Целесообразнее в связи с этим вести речь о нормативном закреплении принципов и форм сотрудничества между Федерацией и субъектами, а также между субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления. Основой такого сотрудничества будет выступать материальная структура предмета совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

В качестве одной из важных системных особенностей совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ выделяется суммарность разграничения полномочий между законодательными и исполнительными органами государственной власти². Данное свойство является отличительной чертой российского варианта распределения полномочий между центром и территориями в сравнении с аналогичными государственно-правовыми институтами зарубежных федеративных государств (Германии, Австрии, Швейцарии, Бельгии, Индии, Бразилии и др.). Однако суммарность разграничения полномочий проявляет себя и при организации государственной исполнительной деятельности как в целом по реализации предмета совместного ведения, так и по его отдельным вопросам.

Высшим исполнительным органом государственной власти Российской Федерации является Правительство РФ³. Реализуя предмет совместного ведения, Правительство РФ обеспечивает сочетание интересов РФ и субъектов РФ в сфере исполнительной власти и координирует деятельность органов исполнительной власти субъектов РФ (ч.2 ст.43 ФКЗ «О Правительстве РФ»). Полномочия Правительства РФ охватывают своим содержанием как вопросы исключительного ведения РФ (ст. 71 Конституции РФ), так и вопросы совместного ведения РФ и субъектов РФ (ст.72 Конституции РФ). Аналогичным образом сформулированы полномочия и федеральных органов исполнительной власти, например, в сфере экономики (Минэкономразвития России, Минтранс России, Минпромторг России, Минсельхоз России).

Изложенное позволяет говорить о первых изменениях государственно-исполнительной деятельности по реализации предмета совместного ведения. Во-первых, необходим переход от суммарного закрепления полномочий Правительства РФ по реализации конституционных предметов ведения к конкретному распределению полномочий Правительства РФ по каждому уровню правового регулирования. Представляется, что такие изменения создадут предпосылки для дальнейшей модернизации всей системы исполнительной власти и перехода в конечном итоге к принятой во всех развитых федеративных государствах формуле управления делами общества и государства: Правительство — Субъект управления — Объект управления⁴.

¹ См.: Силинов П.М. Указ. соч. С.198.

² См.: Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учебник. М., 1996. С. 16.

³ См.: Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (в ред. от 31 декабря 1997 г., от 30 декабря 2008 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. 1, ст. 1; 2009. 1, ст. 3.

⁴ См.: Министерства и ведомства: учеб. пособие / под ред. А.Н. Козырина и Е.К. Глушко. М., 2008. С. 13.

Во-вторых, в системе федеральных органов исполнительной власти необходимо формирование органов исполнительной власти (министерств), реализующих полномочия Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ. На данную проблему ученые-административисты уже обращали внимание, высказывались предложения по ее решению. В частности, профессор Ю.М. Козлов говорил о необходимости формирования федерально-республиканских органов исполнительной власти, что следует из содержания Федеративного договора, закрепившего предмет совместного ведения¹. Профессор В.М. Манохин в системе федеральных органов исполнительной власти выделяет органы исполнительной власти Российской Федерации, осуществляющие исполнительную реализацию предмета совместного ведения². Однако в силу перечисленных нормативных условий формирования полномочий Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти такое подразделение федеральных органов исполнительной власти в полном объеме предмета совместного веде-

¹ См.: Козлов Ю.М. Исполнительная власть: центральные органы федеральной исполнительной власти // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1993. 3. С. 15.

² См.: Манохин В.М., Адушкин Ю.С. Российское административное право: учебник. Саратов, 2003. С. 89–90.

З.С. Байниязова,

*кандидат юридических наук, доцент
юридического факультета Саратовского
государственного университета им. Н.Г.
Чернышевского*

Обзор

Международной научно-практической конференции «Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса» (г. Саратов, 2–3 июля 2009 г.)

2–3 июля 2009 г. на юридическом факультете Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского была проведена Международная научно-практическая конференция «Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса», посвященная 15-летию Саратовской областной Думы и 100-летию Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

В работе конференции приняли участие ученые и практики России (из городов Астрахань, Балаково, Балашов, Волгоград, Пермь, Пенза, Пятигорск, Махачкала, Москва, Самара, Саратов, Тамбов, Ульяновск, Ярославль и др.), а также Королевства Нидерланды, Польши, Украины, Белоруссии.

Организаторами конференции явились: Саратовская областная Дума, Юридический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Научно-образовательный центр правовой политики в сфере предпринимательства Саратовского филиала ГУ Института государства и права РАН, Торгово-промышленная палата Саратовской области, Саратовское региональное отделение Ассоциации юристов России.

Открыла конференцию декан юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доктор юридических наук, профессор, депутат Саратовской областной Думы **Г.Н. Комкова**. На пленарном заседании выступили: **М.В. Алешина** — зам. председателя Саратовской областной Думы; **А.В. Россошанский** — кандидат политических наук, председатель комитета по культуре, общественным отношениям и информационной политике Саратовской областной думы; **С.А. Овсянников** — начальник Саратовской таможни Приволжского таможенного управления Федеральной таможенной службы, председатель Саратовского регионального отделения Ассоциации юристов России; **Ю.В. Назарова** — старший вице-президент Торгово-промышленной палаты Саратовской области; **Г.Н. Комкова** — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета СГУ, депутат Саратовской областной думы; **О.Н. Вельдхайзен** — советник по бизнесу и юридическим вопросам компании «AmsterRos» Королевства Нидерланды;

А.П. Плешаков — доктор социологических наук, профессор Саратовского юридического института МВД России; **А.Е. Епифанов** — доктор юридических наук, профессор Волгоградского государственного университета; **И.И. Санжаревский** — доктор политических наук, профессор Тамбовского государственного технического университета; **Р.Ф. Матвеев** — доктор политических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета; **В.В. Полянский** — кандидат юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного и административного права Самарского государственного университета; **Н.И. Шестов** — доктор политических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

В рамках пленарного заседания, которое было посвящено вопросам взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса, выступающие сосредоточили свое внимание на анализе взаимодействия властных государственных структур и представителей современного бизнес-сообщества в условиях кризисных экономических явлений. В целом они отметили, что современное понимание подобного взаимодействия не должно опираться на отношения власти и подчинения, поскольку структуры государства предназначены в первую очередь для выполнения регулирующих функций. По большому счету, они обязаны создавать тонкую настройку сложных социальных взаимосвязей, как это имеет место в государствах Западной Европы. В свою очередь бизнес не может не осознавать, что его деятельность, сопряженная с извлечением прибыли, не должна быть в стороне от проблем социальной ответственности.

На конференции работало семь секций. Кроме того, на конференции проходил круглый стол в рамках грантового проекта РГНФ «Правовая политика в сфере предпринимательства в изменяющейся России» на тему «Стратегия и тактика правовой политики в сфере предпринимательства в изменяющейся России». В обсуждении вопросов круглого стола приняли участие **А.В. Малько** — Директор Саратовского филиала ГУ Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; **Г.Н. Комкова** — декан юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доктор юридических наук, профессор, депутат Саратовской областной думы; **З.С. Байниязова** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; **С.Ф. Афанасьев** — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной академии права, старший научный сотрудник Саратовского филиала ГУ Института государства и права РАН; **Е.В. Вавилин** — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной академии права, зав. сектором отраслевых проблем правовой политики Саратовского филиала ГУ Института государства и права РАН, а также **А.Е. Михайлов** — кандидат юридических наук, доцент Саратовской государственной академии права, зам. директора Саратовского филиала ГУ Института государства и права РАН; **М.П. Петров** — кандидат юридических наук, доцент Саратовской государственной академии права, зам. директора Саратовского филиала ГУ Института государства и права РАН; **К.Е. Иенатенкова** — кандидат юридических наук, ученый секретарь Саратовского филиала ГУ Института государства и права РАН; **В.В. Нырков** — кандидат юридических наук,

---

доцент Саратовской государственной академии, старший научный сотрудник сектора теории правовой политики Саратовского филиала ГУ Института государства и права РАН; *Е.П. Рысина* — младший научный сотрудник сектора теории правовой политики Саратовского филиала ГУ Института государства и права РАН.

Участники круглого стола «Стратегия и тактика правовой политики в сфере предпринимательства в изменяющейся России» обсудили проблему реализации современной правовой политики в области предпринимательской деятельности. В первую очередь было отмечено, что необходимо обеспечить эффективный механизм реализации социальной функции Российского государства в период кризиса (*Г.Н. Комкова*). Далее было выявлено, что формирование правовой политики в сфере предпринимательства должно сопровождаться разработкой ее целей и средств их достижения, ибо всякое целеполагание предопределяет дальнейшие конкретные шаги, в том числе законодательного характера, по внедрению в юридическую действительность определенных ординарных и антикризисных системных мер (*А.В. Малько*). В дальнейшем дискуссия была направлена на анализ имманентной сути правовой политики, проявляющейся в соотношении с правовой системой в отдельных отраслях российского права, в первую очередь тех, в чью задачу входит регулирование правоотношений предпринимательского свойства (*З.С. Байниязова*). В частности, подчеркивалась важность гражданско-правовых отношений предпринимателей и государства (*Е.В. Вавилин*), необходимость совершенствования судебной защиты прав и интересов бизнеса (*С.Ф. Афанасьев*).

В целом конференция прошла на высоком научном и практическом уровне и вызвала интерес всех ее участников.

Н.Г. Стойко,
*кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой уголовного процесса Сибирского
федерального университета*

РЕЦЕНЗИЯ

**О.З. Челохсаев. Современная уголовно-
процессуальная политика государства /
науч. ред. В.С. Джатиев. Владикавказ:
Издательско-полиграфическое предприятие
им. В. Гассиева, 2009. 240 с.**

215

Монография О.З. Челохсаева написана на тему, достаточно редко затрагиваемую в уголовно-процессуальной науке. До последнего времени уголовная политика была уделом главным образом представителей уголовно-правовой науки (исключение составляют, пожалуй, лишь работы Н.С. Алексеева, В.Г. Даева, А.И. Александрова и Ю.А. Ляхова). Вот почему обращение к «правно-политической» тематике (по выражению ученых позапрошлого века) уже само по себе актуально, теоретически и практически значимо. Смещение фокуса уголовно-политических исследований

с материально-правовых аспектов на процессуально-правовые аспекты давно назрело и стало насущной научной потребностью. Не случайно представители науки уголовного права, занимающиеся разработкой вопросов уголовной политики, так или иначе вынуждены затрагивать процессуальную проблематику. Разумеется, сказанное не означает отказ от необходимости рассматривать уголовную политику во всех ее аспектах. Но это только подтверждает настоятельную потребность в изучении уголовно-процессуальной политики, которая, по справедливому замечанию автора монографии, «как самостоятельная разновидность правовой политики государства недостаточно глубоко исследована» (с. 11).

Рецензируемая работа содержит целый ряд положений, достойных внимания и поддержки.

Так, О.З. Челохсаев верно полагает, что «сущность принципов уголовного процесса состоит в отражении уголовно-процессуальной политики (идеологии) государства, которая является разновидностью (отраслью) правовой политики (идеологии) государства» (с. 33). Выделяя в качестве существенных признаков уголовно-процессуальных принципов их идейно-нормативный, политико-правовой и концептуальный характер, подчеркивая их властную природу, автор, тем самым, «выходит» на определение сущности уголовно-процессуальной политики. Она, по его мнению, «заключается в представлении должной организации уголовного процесса и стремлении реализовать это представление» (с. 33) — важный и вполне логичный вывод, сделанный на основе достаточно оригинальной аргументации (от принципов — к политике), которая привела О.З. Чехослаева к необходимости рассмотрения принципов уголовного процесса в качестве показателей уголовно-процессуальной политики государства (с. 34). Совершенно оправданно, что автор делает это в контексте не только собственно уголовно-процессуальной политики, но и политики вообще, правовой политики, уголовной политики (с. 34). Именно поэтому не тривиальным представляется его (автора) определение уголовно-процессуальной политики как системы «законодательно сформулированных основных начал (идей, принципов) уголовного процесса, реализуемых в нормах уголовно-процессуального права и в уголовно-процессуальной практике» (с. 48). В таком случае, действительно, принципы уголовного процесса можно рассматривать в качестве наиболее адекватных показателей уголовно-процессуальной политики государства (с. 14).

Далее, основываясь на широком нормативно-правовом анализе, О.З. Челохсаев приходит к правильному, на наш взгляд, выводу о наличии противоречивых тенденций в развитии системы уголовно-процессуальных принципов (и, тем самым, политики) и необходимости внесения в нее таких изменений, которые бы не препятствовали достижению целей процесса (с. 63). В результате, тщательно оценивая различные подходы, взгляды, позиции, автор вносит ряд заслуживающих поддержки предложений, способствующих «выведению современной уголовно-процессуальной политики на качественно новый уровень развития, отвечающий требованиям демократизации нашего государства и общества» (с. 130):

1) отразить задачу «защиты общества и государства от преступных посягательств в ч. 1 ст. 6 УПК РФ» (с. 66);

2) дополнить ст. 10 УПК РФ требованием мотивированности задержания и заключения под стражу (с. 80, 83);

---

3) закрепить в ст. 11 УПК РФ право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников и обязанность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда гарантировать государственную защиту прав и свобод человека и гражданина при производстве по уголовному делу (с. 89, 90);

4) указать в ст. 13 УПК РФ на необходимость мотивировки судебного решения об ограничении права граждан на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (с. 95);

5) включить в формулировку ч. 1 ст. 17 УПК РФ требование всестороннего, полного и объективного исследования как основы оценки доказательств (с. 109);

6) дополнить гл. 2 УПК РФ принципом равенства всех перед законом и судом (с. 130).

Вслед за другими учеными О.З. Челохсаев справедливо отмечает, что «реализация уголовно-процессуальной политики государства происходит путем закрепления в законодательных актах руководящих правовых идей (принципов), формирования на их основе системы правовых норм, регулирующих конкретные уголовно-процессуальные отношения и эффективное их применение правоохранительными органами и судами» (с. 131). При этом основное внимание автор уделяет выявлению противоречий в действующем законодательстве и определению путей их разрешения с точки зрения проведения эффективной уголовно-процессуальной политики.

Исходя из выявленных им недостатков, О.З. Челохсаев вносит целый ряд интересных, ценных в практическом и теоретическом отношении предложений по совершенствованию УПК РФ. Так, в целом следует поддержать последовательно отстаиваемое в работе предложение о законодательном закреплении требования мотивированности применительно к любым постановлениям судьи, вынесенным по итогам рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования на проведение следственных действий или избрания меры пресечения (с. 163); а также предложение об исключении п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ (о продлении срока задержания) (с. 182–183).

Не умаляя отмеченных выше и другие достоинства рецензируемой монографии, остановимся на некоторых ее общих недостатках и вызывающих определенные возражения положениях и утверждениях.

Прежде всего, следует указать, что монографическое исследование О.З. Челохсаева в какой-то мере «характеризуется» односторонностью. Дело в том, что автор фактически рассматривает уголовно-процессуальную политику в отрыве от уголовно-правовой политики и — шире — от политики противодействия преступности (хотя и подчеркивает их взаимосвязь). В результате вне поля его зрения оказались весьма значимые для сферы уголовного судопроизводства концепции и идеи. К примеру, совершенно не затрагивались современные концепции восстановительного правосудия, ювенальной юстиции, ускорения и упрощения (рационализации) уголовного процесса, социальной реабилитации обвиняемого и потерпевшего. А ведь это та теоретическая основа, которая необходима для изучения уголовно-процессуальной политики и разработки ее теоретических, концептуальных положений. Заниматься же разработкой теоретических основ уголовно-процессуальной политики без обращения к уголовно-правовым и

криминологическим концепциям затруднительно. К тому же не был использован богатый опыт (отечественный и зарубежный), накопленный к настоящему времени учеными в области уголовной политики. В результате — «обеднение» содержания в целом достаточно качественной работы и, как следствие — недостаточная убедительность некоторых конкретных предложений и утверждений автора, сделанных на основании, главным образом, нормативно-правового анализа. Разумеется, сказанное не означает, что проведенное исследование вовсе не имеет уголовно-политического характера. Напротив, в монографии затронут, несомненно, важный аспект уголовно-процессуальной политики, но лишь один: принципы уголовного процесса и их практическая реализация.

Кроме того, при всей бесспорной важности рассмотрения принципов уголовного процесса в работе практически не уделяется никакого внимания процессуальным целям и функциям. Они лишь упоминаются либо подразумеваются. Причем нет четкого разграничения (на понятийном уровне) между целями, задачами, назначением и принципами уголовного судопроизводства.

Что касается отдельных положений и утверждений, содержащихся в монографии, то наибольшие возражения вызывают следующие.

Во-первых, вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что «органы уголовного преследования, дознаватель, следователь и прокурор ни в коей мере не обязаны сами выдвигать какие-либо защитительные доводы в пользу невиновности подозреваемого или обвиняемого, не обязаны сами выявлять оправдывающие подозреваемого или обвиняемого обстоятельства» (с. 96–97). Ведь это означает, по сути, отказ от всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, который сам автор, кстати говоря, категорически не приемлет (с. 59). Быть может, неудачно сформулирована мысль?

Во-вторых, очень спорно поддерживаемое О.З. Челохсаевым положение, согласно которому, с одной стороны, «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод — это назначение (цель) уголовно-процессуальной деятельности, а с другой — принцип уголовного судопроизводства» (с. 156). По существу речь идет о формулировании «принципа принципов», против чего автор вроде бы явно выступает (с. 50–51). Более того, здесь с очевидностью проявляется отсутствие понятийного разграничения, на что уже обращалось внимание выше.

В-третьих, не совсем ясно, почему соискатель столь решительно настаивает на исключении ч. 2 ст. 15 УПК РФ из текста Закона (с. 101–102). Действительно, положение, сформулированное в этой части, о том, что функции обвинения и защиты не могут быть возложены на один и тот же орган и одно и то же должностное лицо, является спорным. Однако возможно, лучше не исключать его, а дать иное толкование (недопустимость смешения институционализированных функций), изложить в иной редакции (в соответствии с конституционно-правовым смыслом).

Приведенные выше и другие положения, вызывающие критические замечания, носят дискуссионный характер. Они не только не умаляют теоретического и практического значения проделанного научного исследования, но и подчеркивают его актуальность и перспективность.

К юбилею А.Б. Лисюткина

Пятидесятилетний юбилей видного ученого, доктора юридических наук, профессора Александра Борисовича Лисюткина — это не только праздник для юридической общественности, возможность раскрыть многогранный талант авторитетного теоретика права, это и возможность для его учеников поблагодарить своего дорогого учителя за отданную им частичку души.

Александр Борисович Лисюткин родился 10 ноября 1959 г. в с. Репное, Балашовского района Саратовской области. Как и все советские дети, окончил среднюю общеобразовательную школу. Уже с юности в нем были обострены чувства патриотизма и справедливости. Не случайно А.Б. Лисюткин свою судьбу связал с МВПККУ КГБ СССР им. Моссовета, «кузницей чекистов», известной в советское время воспитанием в молодежи любви к Отчизне. Драматический след в жизни А.Б. Лисюткина оставили боевые действия в Афганистане, где с 1981 по 1983 гг. он проходил службу в пограничных войсках КГБ СССР. Вместе со своими сослуживцами он отстаивал установление законности и правопорядка на Афганской земле в вооруженной борьбе с антиправительственной оппозицией, постигая с каждым боем настоящую цену человеческой жизни, мужской дружбы и истинного патриотизма.

Как упорный борец он проявил себя и в науке. Окончив в 1987 г. Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского, в августе того же года А.Б. Лисюткин был зачислен в аспирантуру. Жизнь научила не пасовать перед трудностями, поэтому закономерен был и выбор специальности: сложнейшая, фундаментальная наука — теория государства и права. Первым крупным шагом на пути к научному признанию была успешная защита в 1992 г. кандидатской диссертации на тему: «Принципы законности и их реализация в условиях формирования правового государства», выполненной под руководством доктора юридических наук, профессора Николая Игнатьевича Матузова, ныне академика Академии гуманитарных наук, действительного члена Академии политической науки, Почетного работника высшего образования России, заслуженного деятеля науки РФ. А уже в 2002 г. А.Б. Лисюткин защитил докторскую диссертацию на тему: «Ошибка как категория правоведения: теоретико-методологический аспект».

Незаурядность личности профессора А.Б. Лисюткина, аналитический склад ума, системное мышление обусловили круг его научных интересов: вопросы методологии общей теории государства и права, тема законности, а также отдельные аспекты юридической практики. Последнее исследование Александра Борисовича связано с проблемой коллизий, аналогий, парадоксов в праве.

В организационно-административной работе А.Б. Лисюткин проявил себя как умелый организатор, грамотный руководитель. С 1995 по 1998 гг. он возглавлял заочный факультет, а в течение последующих 9 лет занимал

должность проректора Саратовской государственной академии права, плодотворно занимаясь преподавательской и научной деятельностью. Инициативный руководитель А.Б. Лисюткин достиг существенных результатов в улучшении качества учебного процесса, в организации методической работы на вечернем, заочном и платном факультетах.

Сегодня Александр Борисович Лисюткин — яркий, талантливый, успешный ученый. Им подготовлено более 70 работ по общей теории государства и права и организации учебного процесса в вузе. А.Б. Лисюткина безгранично уважают студенты и коллеги за принципиальность, открытость, высокий профессионализм, порядочность, обязательность и скромность.

Дорогой Александр Борисович, мы горды тем, что Вы — наш Учитель. Примите слова искренней благодарности.

Пожеланий наших не счесть,
Так зачем их делить на части?
Пусть все они, сколько есть,
Поместятся в слове «счастье»!

С глубоким уважением и признательностью, Ваши ученики:

В.Д. Кошлевский,
кандидат юридических наук, прокурор
Пензенской области

Н.В. Тюменева,
кандидат юридических наук, доцент
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского

В.А. Катомина,
кандидат юридических наук,
ст. преподаватель Пензенского
государственного университета

• КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ •

Малько А.В., Вавилин Е.В. igr@sgap.ru

Гражданско-правовая политика в сфере предпринимательства

Ключевые слова: гражданские права, осуществление прав, защита прав, механизм осуществления прав и исполнения обязанностей, предпринимательство, гражданское законодательство.

Key words: civil rights, realization of subjective civil rights, protection of civil law, machinery realization of rights and execution of obligations, entrepreneurship, civil law.

Комкова Г.Н. komkova_galina@mail.ru

Реализация социальной функции Российского государства в период кризиса

Ключевые слова: государство, социальная функция, финансово-экономический кризис.

Key words: state, social function, financial economic crisis.

Байниязова З.С. zulfiyas@yandex.ru

Принцип координации федеральной и региональной правовой политики в области предпринимательства

Ключевые слова: правовая политика, законодательство, предпринимательство, координация федеральных и региональных органов государственной власти, экономическое развитие государства.

Key words: juridical policy, legislation, entrepreneurship, coordination of federal and regional public authorities, economic development of the state.

Афанасьев С.Ф. af.73@mail.ru

К проблеме компенсации нематериального ущерба юридическим лицам: международный и национальный опыт

Ключевые слова: компенсация, нематериальный ущерб, юридические лица, международный опыт, национальный опыт.

Key words: compensation, nonmaterial damage, bodies corporate, international experience, national experience.

Михайлов Н.И. igpran@igpran.ru

Влияние особенностей правовой природы производственно-хозяйственных (финансовых) комплексов на моделирование процессов их создания и функционирования в условиях современной рыночной экономики

Ключевые слова: производственно-хозяйственный (финансовый) комплекс, правовое моделирование, организационно-правовые формы, холдинг, основное (головное) общество, дочернее общество.

Key words: industrial-economic (financial) association, legal modeling, organizational-legal forms, holding, the basic (head) company, affiliated company.

Оленева А.Н. igpran@igpran.ru

Проблемы соотношения правового статуса акционерного общества и его участников

Ключевые слова: правовой статус, акционер, акция, акционерное общество, принудительный выкуп акций, совет директоров, дивиденды.

Key words: legal status, shareholder, share, Joint-stock company, compulsory redemption of shares, board of directors, dividend.

Савинов Л.В. savinov@sapa.nsk.su

Региональная этнополитическая безопасность: пример Сибири

Ключевые слова: этнополитика, этнополитическая безопасность, Сибирь.

Key words: ethnopolitics, ethnopolitical safety, Siberia.

Кружевникова А.А. obu4enie2007@rambler.ru

Теоретическое обоснование роли бюрократии при изучении малого бизнеса как субъекта политики

Ключевые слова: политика, бюрократия, бизнес.

Key words: policy, bureaucracy, business.

Жильцова О.Н. tagom@mv.ru

Некоторые аспекты реформы исполнительной власти в России, проводившейся в 2006–2008 гг.

Ключевые слова: административная реформа, политические и социальные последствия административного реформирования, оценка эффективности власти, демократический контроль над властью, структура и функции исполнительной власти в РФ.

Key words: administrative reform, political and social consequences of administrative reforming, estimation of efficiency of the power, the democratic control over the power, structure and executive power functions in Russian Federation.

Курдюкова З.Н. kurdukova@mail.ru

Теоретические проблемы политической формы современного государства

Ключевые слова: форма государства, форма правления (политическая форма государства), республика, монархия, парламент, президент, государственный механизм.

Key words: form of State; political form of State; republic; monarchy; parliament; president; state organization.

Коробова А.П. a.p.korobova@rambler.ru

К вопросу о соотношении понятия правовой политики со смежными юридическими категориями

Ключевые слова: правовая политика, юридическая политика, регулятивно-юридическая политика, прорегулятивная политика, правоохранительная политика, правотворческая политика, законодательная политика, законотворческая политика, правоприменительная политика.

Key words: legal policy, legal policy, regulativno-yuridicheskaya policy, pravoregulyativnaya.

Галузин А.Ф. rfathf@mail.ru

Опасность как научная и правовая категория

Ключевые слова: общественная опасность, теория правовой безопасности, взаимосвязь опасности, возможности и угрозы, категории «опасность» и «нарушение».

Key words: public danger, the theory of legal safety, interrelation of danger, possibility and threat, category "danger" and "infringement".

Павлушина А.А. pavlushina@inbox.ru, **Гавриленко И.В.** sseu.process@mail.ru

Информационные технологии в юрисдикционных процедурах

Ключевые слова: электронные суд; электронный документ; информационные технологии; идентификация участников; юрисдикционная процедура.

Key words: electronic court, electronic document, information technologies, identification of participants, jurisdictional procedure.

Захаров А.Л. B0707@mail.ru

Правовые презумпции и аксиомы: некоторые теоретические проблемы

Ключевые слова: принципы права, правовые аксиомы, правовые презумпции, классификация правовых презумпций, классификация правовых аксиом.

Key words: law principles, legal axioms, legal presumption, classification of legal axioms, classification of legal presumptions.

Болгова В.В. vv1976@mail.ru

Публичные субъекты: некоторые вопросы развития правовой теории

Ключевые слова: публичные субъекты, субъекты публично-правовых отношений, публичные институты.

Key words: public subjects, subjects of public-legal relations, public institutes.

Веденев В.В. vvvedenev@mail.ru

Об актуальных вопросах обеспечения безопасности дорожного движения

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, административная ответственность, транспортные средства, министерство внутренних дел РФ, государственная инспекция безопасности дорожного движения, административное правонарушение.

Key words: the road traffic security, administrative liability, vehicles, the ministry of the Interior affairs of the RF, state supervision of the security of road traffic of the RF, administrative law-breaking.

Пилецкий А.Е. pilezki@mail.ru

Правовое регулирование экономических отношений и мировой экономической кризис

Ключевые слова: институт, университет, право.

Key words: institute, university, law.

Ревина С.Н. kgpd@sseu.ru

К вопросу о риске в сфере правового регулирования рыночных отношений

Ключевые слова: рыночные отношения, риск, рыночное законодательство, правовые нормы, эксперимент, рискованная деятельность

Keywords: market relations, risk, market legislation, legal standards, experiment, risk activity

Кузнецов С.А. samArbitr@yandex.ru

К вопросу о порядке установления требований кредиторов в делах о банкротстве

Ключевые слова: дело о банкротстве, конкурсная масса, требования кредиторов, судебный порядок

Key words: case about bankruptcy, competitive weight, requirements of creditors, judicial order.

Данилочкина Ю.В. danilochkina12@mail.ru

Правовая дефиниция «рынок» и значение торгового кодекса в регламентации рыночных отношений

Ключевые слова: рынок, гражданский оборот, коммерческий оборот.

Key words: market, civil circulation, commercial circulation.

Дельцова Н.В. natdel@mail.ru

Интеллектуальная собственность в гражданском праве и современном законодательстве Российской Федерации

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, четвертая часть Гражданского кодекса Российской Федерации, интеллектуальные права, объект интеллектуальных прав, концепция развития Раздела VII Гражданского кодекса Российской Федерации.

Key words: intellectual property, Part IV of the Civil Code of Russian Federation, intellectual rights, object of intellectual rights, Concept of development of the Section VII of the Civil Code of Russian Federation.

Мурзин А.Е. murandr163@mail.ru

Перспективы развития системы исполнительных норм в отечественном праве

Ключевые слова: Исполнительные нормы, система норм, перспективы развития, отечественное право.

Key words: Executive norms, system of norms, outlooks of development, native law.

Милюва И.Е. rfa1hf77@mail.ru

Формирование концепции адвокатского расследования

Ключевые слова: защитник; права защитника; доказательства; собирание доказательств; действия защиты; параллельное расследование.

Key words: defender; the right of defender; proof; the collection of proofs; the action of protection; parallel investigation.

Пономаренков В.А. 2770402@mail.ru

Понятие и источники международных стандартов уголовного судопроизводства

Ключевые слова: международные стандарты, уголовное судопроизводство, источник стандартов, система стандартов.

Key words: international standards, criminal proceeding, source of standards, system of standards.

Третьякова Г.А. gali-tretyakova@yandex.ru

Таможенная политика России в начале XIX века

Ключевые слова: Таможенное регулирование, Субъекты таможенной политики, Принципы таможенной политики, Таможенный тариф, Таможенные пошлины

customs regulation, custom policy entity, custom policy guidelines, customs tariff, customs duties

Шишко И.В. ir_vic@yandex.ru

О Юридическом институте Сибирского федерального университета

Ключевые слова: Юридический институт СФУ, научные исследования, уголовное право, гражданский процесс, история политических и правовых исследований, уголовный процесс, труды преподавателей Юридического института СФУ, исследования Юридического института в области правовой политики, иностранные партнеры, аспирантура, магистратура.

Key words: Law Institute of Siberian Federal University; fundamental scientific research in the field of theory and history of the state and law, criminal law and criminology, civil procedure and criminal procedure; legal policy; postgraduate study; five chief subjects; master degree.

Щербинина О.Е. kafedra_inlaw@mail.ru

Право на информацию в системе прав человека

Ключевые слова: информация, право на информацию, система прав, ограничение права, гарантии реализации, взаимосвязь с другими правами

Key words: Information, Right to (obtain) Information, System of Rights, Restriction on rights, Garanties on realition, Connection with other Rights

Кашо В.С. kasho@mail.ru

Концептуальные взгляды современной юридической науки

на институт муниципально-правовой ответственности

Ключевые слова: ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления, муниципально-правовая ответственность.

Key words: liability in Municipal Law, municipal-law liability.

Клык Н.Л. nklik@mail.ru

Практический аспект дискуссий о ценных бумагах

в разрезе нужд современного товарооборота

Ключевые слова: реальная и консенсуальная модели перехода права собственности, обязательственные и распорядительные сделки, цессия, оптовая торговля

Key words: real and contract models of transition of the property right, obligations and administrative transactions, cession, wholesale trade.

Шишмарева Т.П. tpsh@mail.ru

Правовой статус залогодержателей в процедурах несостоятельности

Ключевые слова: процедура несостоятельности (банкротства), залогодержатель, конкурсный кредитор, уполномоченный орган, правовой статус.

Key words: insolvency (bankruptcy) procedure, pledge, bankruptcy creditor, priority creditor, authorized body, legal status.

Петрова Е.И. el_peti@yandex.ru

Проблемы межотраслевого взаимодействия трудового права и права социального обеспечения

Ключевые слова: трудовое право, право социального обеспечения, межотраслевая координация, обязательное пенсионное страхование, страховой стаж, защита прав работника.

Key words: labour law, social security law, compulsory pension insurance, contributory period, defense of worker's rights.

Тарбагаев А.Н. law@stu_kras.ru

Некоторые проблемы квалификации совершения преступления организованной группой

Ключевые слова: организованная группа, предварительный сговор, преступная группа, уголовно-правовая квалификация, организатор.

Key words: organized group, preliminary collusion, criminal group, criminal law determination, organizer of a conspiracy.

Суслонarov А.В. advoc@list.ru

Информация в характеристике объекта преступлений

Ключевые слова: преступление информационного характера, информационная безопасность, объект преступления.

Key words: crime of information character, information safety, object of crime.

Барабаш А.С. a.barabash@mail.ru

Функции органов государства в российском публичном уголовном процессе

Ключевые слова: функция, публичное начало, состязательное начало, доказывание, функция обвинения, функция защиты, функция разрешения уголовного дела, функция предварительного расследования, функция надзора, функция осуществления правосудия.

Key words: function, public principle, adversary principle, proof, accusation function, defence function, function of criminal case adjudication, function of preliminary investigation, supervision function, justice function.

Стиглазова Т.Г. spiglazova_tatya@mail.ru

Эколого-правовая концепция как способ формирования новой модели взаимодействия общества и природы

Ключевые слова: экологическое право, экологическая концепция, окружающая среда, охрана природы, устойчивое развитие, взаимодействие общества и природы.

Key words: law of ecologic, ecological conception, environment, protection of nature, steady development, cooperation of society and nature.

Матузов Н.И. igp@sgap.ru

Сочетание общенаучной и специальной подготовки студентов вузов как элемент правовой политики в области высшего профессионального образования

Ключевые слова: преподавание, специалист, профессионализм, культура, образование, мораль, реформы, студент, университет, абитуриент.

Key words: teaching, specialist, professionalism, culture, education, moral, reforms, student, university entrant.

Бичехвост А.Ф. istoriya2@yandex.ru

Политическая мысль Древнего Востока

Ключевые слова: политика, политическая мысль, Древний Восток.

Key words: policy, political idea, ancient East.

Аникин С.Б. anikinsb@yandex.ru

Предложения по проблеме совершенствования законодательства по вопросам разграничения предметов ведения и полномочий между органами исполнительной власти

Ключевые слова: Исполнительная власть, субъект Российской Федерации, совместное ведение, единая система.

Key words: executive power, region of Russian Federation, joint competence, united system.

Стойко Н.Г. nstoiko@mail.ru

Рецензия: Челюхаев О.З. Современная уголовно-процессуальная политика государства / науч. ред. В.С. Джатиев. Владикавказ, 2009. 240 с.

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), Н.И. Матузов (зам. главного редактора — председатель редакционного совета), М.П. Петров (зам. главного редактора), К.Е. Игнатенкова (ответственный секретарь), В.А. Абалдуев, С.Ф. Афанасьев, Е.В. Вавилин, А.А. Вилков, М.В. Гаврилов, А.В. Голикова, М.В. Данилов, А.Н. Иванов, Е.В. Кобзева, Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова, И.Н. Коновалов, Т.Н. Митрохина, В.В. Нырков, В.В. Попов, Л.А. Тимофеев, В.Д. Холоденко, Е.Ю. Чмыхало, Н.И. Шестов, А.Е. Михайлов (зав. редакцией)

Редакционный совет:

Н.И. Матузов (председатель), Ф.А. Григорьев, А.И. Демидов, И.А. Иванников, В.Б. Исаков, И.Ю. Козлихин, С.А. Комаров, Ю.А. Крохина, В.И. Липунов, А.Г. Лисицын-Светланов, Н.А. Лопашенко, М.Н. Марченко, С.Ю. Наумов, В.А. Номоконов, В.Д. Перевалов, Н.А. Придворов, О.Ю. Рыбаков, Ю.Н. Стариков, С.Б. Суоров, Н.А. Сыродоев, Ю.А. Тихомиров, Р.Л. Хачатуров, Ю.Л. Шульженко

Издается Саратовским филиалом Учреждения Российской академии наук Институт государства и права РАН

Полнотекстовая версия номеров журнала, а также аннотации статей и ключевые слова на русском и английском языках доступны на сайте <http://www.sgap.ru>

Редакция академического и вузовского
юридического научного журнала «Правовая политика и правовая жизнь»
Адрес: Россия, 410028, г.Саратов, ул.Чернышевского, 135
Тел.: (845-2) 29-91-22, тел./факс: (845-2) 29-92-18, e-mail: igp@sgap.ru

Банковские реквизиты:
ИНН: 7704067766 КПП 645402001
УФК по Саратовской области
(Саратовский филиал государственного учреждения
Институт государства и права РАН, л/с 0361103050)
Банк: ГРКЦ ГУ Банка России по Саратовской обл. г.Саратов
Р/сч— 40503810800001000431 БИК: 046311001
КБК 31930202041010000440 ПЗ разрешения № 73

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-5708 от 30 октября 2000 г.

ISSN 1608-8794

© Саратовский филиал Института государства и права РАН, 2009
© Саратовская государственная академия права, 2009
© Ассоциация юридических вузов, 2009

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

---

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

---

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

---

4 (37) • 2009

Редактор *С.Н. Сисикина*

Обложка художника *В.К. Иванова*

Компьютерная верстка *О.Л. Солдаткиной*

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77–5708 от 30 октября 2000 г.

Подписано в печать 15.12.2009. Формат 70X100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 18,06. Уч.-изд. л. 16,0.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Диапозитивы предоставлены редакцией.

ЗАО «Типография «Полиграфист»
410031, г. Саратов, ул. Волжская, 28.